

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1885.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Пастырское увѣщаніе. Пресвященнаго Амвросія	1—5
Религіозно-нравственное развитіе Императора Алесандра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	6—35
Лѣтопись важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ. Ф. Садова	36—45
Наши новые философы и богословы. Т. Стоянова	46—64

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Объ основныхъ началахъ философскаго познанія. Профессора Московской духовной академіи. В. Кудрявцева	1—21
Философскія письма. Письмо второе. В. Волтиной	22—34
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. Н. К.	35—51

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о состояніи Епархіальнаго женскаго училища (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ склада комисіонера священника А. Лобковскаго, Старобѣльскаго уѣзда.—Списокъ пожертвованій на возобновеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ бытѣ.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И Р И

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т. I.—Ч. I.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Шпенцкая ул., д. № 26.

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

т. I.—ч. I.

ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ.

Пастырское увѣщаніе.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 1—5).

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе).—Профессора Императорскаго Харьковскаго университета *В. Надлера* (стр. 6—35, 75—97, 140—170, 193—215, 397—431, 483—509, 539—571, 621—644 и 671—687) *).

Лѣтопись важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.—*О. Садова* (стр. 36—45, 119—132 и 319—330).

Наши новые философы и богословы.—*Т. Стоянова* (стр. 46—64, 98—118, 171—191, 432—459 и 688—725).

Слово въ день преподобнаго Антонія Великаго (произнесенное 17-го января въ церкви Харьковскаго университета).—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 65—74).

Письмо къ редактору священника русской православной церкви въ Парижѣ о. *Владимира Гэтте* (стр. 133—139).

Борьба Гинкмара Реймскаго съ папствомъ (окончаніе).—*Д. О.* (стр. 216—234).

Объ изданіи народныхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. По поводу разсказа Г. Флобера: „Юліанъ Милостивый“, изданнаго для народнаго чтенія.—Свящ. *Гр. Дьяченко* (стр. 235—264 и 300—318).

Слово въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 265—276).

О власти въ Церкви.—*В. Гэтте* (277—299).

*) Продолженіе—п во 2-й части: см. оглавленіе.

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича (произнесенное въ Харьковскомъ Успенскомъ соборѣ 26 февраля 1885 года).—Протоіерей *Г. Крашкова* (стр. 331—339).

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. — Біографическій очеркъ (продолженіе).—Свящ. *Г. Буткевича* (стр. 340—361, 572—587 и 733—756) **).

Египетская большая пирамида и ея значеніе, въ особенности по вопросу о древности и первобытномъ состояніи человѣческаго рода.—*Н. А. И.* (стр. 362—395).

Одинъ изъ примѣровъ суевѣрій въ Римской церкви.—(*И. П.* (стр. 460—469).

Слово въ день тысячелѣтія со дня (6 апрѣля) кончины св. пророка-святителя славянъ архіепископа Меодія.—Настоятеля Харьковскаго Успенскаго Каѳедрального собора, протоіерей *Г. Павлова* (стр. 471—482).

Свв. Кирилль и Меодій въ своихъ трудахъ по переводу Св. Писанія на славянскій языкъ. (Рѣчь, читанная 6-го апрѣля въ торжественномъ собраніи Харьковской духовной семинаріи).—Преподателя Харьковск. духовной семинаріи *Ө. Смирнова* (стр. 510—530).

Рѣчь, произнесенная 21 февраля въ Харьковскомъ дворянскомъ собраніи —Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 531—538).

Замѣчанія.—*Владимира Соловьева* (стр. 588—591).

Нѣсколько мыслей по поводу замѣчаній г. Соловьева на статьи „Наша новые философы и богословы“.—*Т. Стоянова* (стр. 592—607).

Слово по освященіи трапезнаго храма при Сумскомъ городскомъ соборѣ, 15 мая, о добродѣтели грамотности.—Преосвященнаго *Амвросія* (стр. стр. 609—620).

Къ характеристикѣ польскихъ іезуитовъ.—*Т. Стоянова* (645—670).

Современная задача православной Церкви.—*В. Гэтти* (стр. 726—732).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова), внослѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе).—*Н. Корсунскаго* (стр. 557—578) *).

Живое слово (продолженіе).—Статья Преосвященнаго *Амвросія* (стр. 779—794) ***).

*) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

***) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

***) Продолженіе—и во 2-й части: см. оглавленіе.

·Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Января 15 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

КЪ НАШИМЪ НОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ нашимъ новымъ подписчикамъ. На страницахъ нашего изданія за настоящій годъ они встрѣтятся съ продолженіемъ статей, начало которыхъ помѣщено еще въ прошломъ году. Избѣжать этого неудобства мы никакъ не могли. Съ одной стороны, ни одно изданіе отъ сотрудниковъ своихъ не можетъ требовать, чтобы всѣ статьи доставляемы были законченными къ концу каждаго года, или чтобы продолженіе этихъ статей непременно доставляемо было къ взвѣстному сроку. Отъ одной этой чисто внѣшней причины можетъ произойти то, что читатель въ новомъ году встрѣтится съ продолженіемъ и окончаніемъ статей начатыхъ въ прошедшемъ, что бываетъ и со всѣми изданіями; но съ другой стороны, у насъ этому есть и особья причины, — это обширность, послѣдовательность статей соотвѣтственно съ ихъ цѣлями и задачами, какъ въ церковномъ, такъ и въ философскомъ отдѣлѣ нашего журнала. Но если статьи безъ начала въ церковномъ отдѣлѣ не имѣютъ своего полного интереса, то статьи философскаго содержанія, читаемыя съ середины или только въ окончаніи, теряютъ для читателя все свое значеніе. Философія во многихъ отношеніяхъ сходна съ математикою. Какъ въ математикѣ нельзя приниматься за рѣшеніе болѣе сложныхъ формулъ, не усвоивши себѣ предварительно первоначальныхъ или простѣйшихъ: такъ точно и изучающему философію нельзя надлежащимъ образомъ идти впередъ, нельзя усвоить себѣ дальнѣйшія отрасли философіи, безъ знакомства съ первоначальными и, такъ сказать, элементарными положеніями этой науки. Именно съ этою цѣлію редакция и старается вести философскій отдѣлъ своего журнала въ возможной

последовательности, постепенности и внутренней связи. Таким образом, на нашъ журналъ никакъ нельзя смотрѣть какъ на случайный сборникъ богословско-философскихъ статей. Журналъ нашъ хотѣлъ бы вести своихъ читателей къ цѣльному богословско-философскому міросозерцанію, въ духѣ православно-христіанскомъ, путемъ последовательнымъ, связнымъ и прогрессивнымъ. Поэтому его последующія статьи не только могутъ, но и должны находиться во внутренней, неразрывной связи съ предшествующими статьями, и на его выпускъ за каждый отдѣльный годъ никакъ нельзя смотрѣть какъ на нѣчто само по себѣ достаточное, и неимѣющее никакой связи ни съ предшествующими, ни съ последующими годовыми выпусками.

Мы даже должны сказать, что именно тѣ статьи, продолженіе которыхъ читатели наши встрѣтятъ на страницахъ нашего журнала за настоящій годъ, должны быть названы капитальными и вѣрно выражающими основныя воззрѣнія редакціи. Такова прежде всего статья въ церковномъ отдѣлѣ профессора В. К. Надлера: „Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза“. Статья эта освѣщаетъ главную эпоху въ жизни Императора Александра I и изображаетъ поворотный пунктъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи отъ увлеченія французскими идеями XVIII в. къ религіознымъ воззрѣніямъ русскаго народа. Такова затѣмъ статья въ этомъ же отдѣлѣ Н. П. Корсунскаго: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова)“. Она изображаетъ собою движеніе русской православной мысли въ эту же самую эпоху, т. е. въ эпоху нашего отрезвленія отъ увлеченія вольтеріанскими и вообще французскими идеями XVIII в. Такова далѣе статья о Т. Бутовича: „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“, изображающая выдающіеся моменты дальнѣйшаго движенія русской религіозной мысли, вслѣдъ за эпохою Императора Александра I-го. Таковы еще въ томъ же отдѣлѣ статьи: „Борьба Гипкмара Реймскаго съ папствомъ“ г. Д. О. и „Письма изъ Германіи“ о діакона Румянцева. Первая изъ этихъ статей наглядно рисуетъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшій моментъ паденія православія среди латинской церкви, а вторая изображаетъ современное

отношеніе протестантовъ къ православію. Такимъ образомъ, читатель видитъ, что всѣ эти незаконченныя статьи стараются освѣтить православное ученіе, православную жизнь и представить православное развитіе религіозной мысли съ различныхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія, что онѣ не только каждая въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, но и между собою имѣютъ внутреннюю связь, пополняютъ и поясняютъ одна другую.

Еще яснѣе сказывается внутренняя, взаимная связь между статьями философскаго отдѣла нашего журнала. Редакція желала-бы представить вниманію читателей полное философское міросозерцаніе, основанное на незыблемыхъ, твердыхъ и научныхъ началахъ. Но чтобы ввести читателя въ это міросозерцаніе, чтобы по возможности успѣшно осуществить свою задачу, редакція по необходимости должна была начать философскій отдѣлъ своего изданія съ предварительныхъ и, такъ сказать, элементарныхъ философскихъ положеній; она должна была вести философскій отдѣлъ журнала въ возможной послѣдовательности, постепенности и непрерывности. Это преимущественно надобно сказать о философскихъ статьяхъ профессора В. Д. Кудрявцева. Его послѣдующія статьи находятся во внутренней, неразрывной и гармоничной связи съ предшествующими статьями и могутъ быть хорошо поняты только при основательномъ знакомствѣ съ его основными и, такъ сказать, фундаментальными философскими положеніями, изложенными въ начальныхъ статьяхъ, каковы: „Что такое философія?“, „Возможна-ли философія?“, „Нужна-ли философія?“, „Методъ философіи“, „Составъ философіи“. Тоже самое надобно сказать и о статьяхъ профессора П. И. Ливницкаго. Кто хочетъ основательно познакомиться съ „Идеализмомъ и реализмомъ“ современнаго намъ философскаго міросозерцанія, тотъ долженъ изучить, по статьямъ г. Ливницкаго, исторію этого міросозерцанія съ самаго перваго появленія его въ классической древности. Наконецъ, тоже самое надобно сказать и о статьѣ И. Н. Корсунскаго: „Судьба идеи о Богѣ въ исторіи религіозно - философскаго міросозерцанія древней Греціи“. Уясненіе для себя исторіи этой идеи возможно только въ связи съ уясненіемъ первоначальныхъ и затѣмъ всѣхъ послѣду-

ющихъ моментовъ ея развитія. Наконецъ, только въ полномъ собраніи лучшихъ писемъ Сенеки, начатыхъ печатаніемъ въ прошедшемъ и оканчиваемыхъ въ настоящемъ году читатель можетъ составить себѣ надлежащее понятіе о достоинствахъ этого классическаго моралиста, раскрывающаго нравственную природу человѣка при посредствѣ однихъ лишь естественныхъ, человѣческихъ усилій. Повторяемъ, на журналъ нашъ никакъ нельзя смотрѣть какъ на случайный сборникъ богословско-философскихъ статей; его предшествующія и послѣдующія статьи пахотятся между собою во внутренней связи, послѣдовательности и непрерывности; они взаимно пополняютъ, уясняютъ и освѣщаютъ одна другую.

Таковы нѣкоторыя особенности нашего изданія, и таковы причины, по которымъ наши новые читатели будутъ встрѣчаться въ текущемъ году неизбѣжно съ продолженіемъ прежнихъ статей, или будутъ находить ссылки на статьи, напечатанныя въ прошедшемъ году. Повторяемъ, что избѣжать этихъ неудобствъ мы никакъ не можемъ.

Надѣмся, что читатели примутъ это наше объясненіе какъ должно, т. е. за вызываемое самымъ существомъ дѣла, а не какими-либо сторонними нашими расчетами.

ПАСТЫРСКОЕ УВѢЩАНІЕ.

Смиренный Амвросій Епископъ Харьковскій и Ахтырскій

Возлюбленнымъ чадамъ моимъ о Господѣ, православнымъ христіанамъ паствы Харьковской

*Благодать Вамъ отъ Бога Отца и
Господа нашего Иисуса Христа.*

По обязанности пастырей блюсти благочиніе церковное, я имѣю нужду обратиться къ вамъ, возлюбленные чада мои о Господѣ, съ словомъ пастырскаго совѣта и увѣщанія.

Вы любите святую православную Церковь, посѣщаете въ урочныя времена храмы Божіи, съ усердіемъ ихъ созидаете и украшаете; видя это, мы радуемся о васъ и благодаримъ за васъ Господа, возгрѣвающаго благодатию Своею въ сердцахъ вашихъ благоговѣніе и любовь къ Нему. Но и при искренней любви къ Господу, св. Его церкви и храмамъ Божіимъ, когда нѣтъ съ нашей стороны ко всему нашему поведенію должнаго вниманія и осторожности, легко можно допустить дѣйствія, которыя не соотвѣтствуютъ этой самой любви нашей и благоговѣнію къ Богу.

Конечно, по невѣдѣнію и недоразумѣнію, перѣдко вы позволяете себѣ приносить въ св. храмы дары, не соотвѣтствующіе ни вашему усердію, ни святости храма

и богослуженія. Таковы часто видимыя нами въ храмахъ недоброкачественныя свѣчи, поставляемыя вами предъ святыми иконами, просфоры, подаваемыя въ алтарь къ жертвеннику Господню, и красное вино для Св. Таинства Причащенія.

По уставу церковному свѣчи, приносимыя въ храмы, должны быть изъ чистаго пчелинаго воска и издавать благоуханіе меда и сота, съ сладостію и благовоніемъ которыхъ сравниваются въ Св. Писаніи слова Закона Божія (Пс. 18, 11. Пс. 118, 109). Издревле благочестивые предки наши свято хранили этотъ священный обычай, но нынѣ духъ неразборчивой промышленности и корыстолюбія проникъ и въ это святое дѣло изготовленія восковыхъ свѣчъ для храмовъ Божіихъ. На промышленныхъ заведеніяхъ, иногда и не христіанскими руками изготовляются свѣчи съ примѣсью разныхъ стороннихъ веществъ, которыя отнимаютъ у нихъ достоинство и соотвѣтствіе священному ихъ назначенію. Такія свѣчи оставляютъ на рукахъ сальность и дурной запахъ, при горѣніи оплываютъ, дымятъ и коптятъ св. иконы, иконостасы и священную утварь, такъ что отъ ихъ копти и недавно обновленные храмы темнѣютъ и теряютъ свой благолѣпный видъ, отъ чего пропадаютъ напрасно и ваши благочестивыя жертвы на ихъ обновленіе и украшеніе. Вы покупаете такія свѣчи на рынкахъ и несете ихъ въ храмы, не подозрѣвая, что приносите жертву нечистую и потому, безъ сомнѣнія, Господу не угодную. Не подобаетъ быть сему, возлюбленные.

Тоже бываетъ и съ просфорами. Просфоры по уставу церковному должны быть изготовляемы нарочито для сего избираемыми благочестивыми людьми, въ монастыряхъ монахами, а въ приходахъ вдовицами и дѣвами, изъ чистой пшеничной муки, приличнаго, имъ

усвоеннаго вида. Но вы покупаете на торжищахъ просфоры черныя, иногда черствыя, запыленные, неприличнаго вида, несете ихъ къ алтарю Господню, и тѣмъ вынуждаете священниковъ изготовлять изъ нихъ св. Агнецъ для великаго Таинства Св. Тѣла и Крови Христовой, и вынимать изъ нихъ за здравіе живыхъ и за упокой усопшихъ части, которыя по чину литургіи, по совершеніи Таинства, погружаются въ Св. Кровь нашего Господа съ словами священника: *отмый Господи грѣхи поминавшихся здѣ Кровію Твоею честною*. Не оскорбительны-ли для сего Таинства просфоры нечистыя, и не требуетъ-ли подобное злоупотребленіе немедленнаго исправленія?

Наконецъ, нерѣдко и красное вино вы приносите для литургіи за упокой усопшихъ (а иногда покупаютъ и сами церковные старосты для богослуженія), совсѣмъ не похожее на сокъ виноградной лозы, чѣмъ оно быть должно, а представляющее какую-то острую, неблагоприятную, окисшую смѣсь, напоминающую тотъ оцетъ или уксусъ, съ желчію смѣшанный, который воины давали пить Господу во время Его распятія (Матѣ. 27, 34—38). И такое вещество, особенно вмѣстѣ съ черною просфорой, предлагается для великаго Таинства; не грѣхъ-ли это?

Вы приносите Господу жертву отъ усердія, зачѣмъ же вредите вашему благочестивому дѣлу недостойнымъ его исполненіемъ? Свѣчи на рынкѣ дешевле, просфоры и вино хорошее дороже? Но зачѣмъ вы избираете для Господа худшее и болѣе дешевое, а не лучшее и болѣе цѣнное? Онъ даетъ вамъ дары Своей милости для потребностей вашей жизни,—и хлѣбъ, и плоды, и вино, и елей и все прочее,—не избирая для васъ изъ хорошаго худшее, а вы иногда проходите лишнее пространство, чтобы купить свѣчу не въ храмѣ, гдѣ свѣчи всег-

да есть, а на рынкѣ, гдѣ дешевле; а просфоръ и вина не заботитесь покупать тамъ, гдѣ можно найти лучшія. Лучше ставьте предъ иконами свѣчу меньшую, но чистую; лучше приносите свѣчи въ храмъ и отъ усердія вашего просфоры и вино рѣже, но надлежащаго качества. Не свѣча, не просфора и вино, а доброе расположеніе сердца вашего нужны Господу. Зачѣмъ-же вы допускаете непрямоту и неправоту въ сердцахъ вашихъ, которыя и жертвы ваши дѣлаютъ недостойными святаго имени Божія?

Въ ветхомъ завѣтѣ Господь устами пророка Малахія такъ укорялъ священниковъ за принесеніе недостойныхъ жертвъ къ святому жертвеннику: „вы приносите на жертвенникъ мой нечистый хлѣбъ, и говорите: чѣмъ мы безславимъ Тебя? Тѣмъ, что говорите: трапеза Господня не стоитъ уваженія. И когда приносите въ жертву слѣпое, не худо-ли это? Или когда приносите хромое и больное, не худо-ли это? Поднеси это князю; будетъ-ли онъ доволенъ тобою, и благосклонно-ли приметъ тебя? говоритъ Господь Саваоѣ. Итакъ, молитесь Богу, чтобы Господь помиловалъ васъ; а когда такое исходитъ изъ рукъ вашихъ, то можетъ-ли онъ милостиво принимать васъ? говоритъ Господь Саваоѣ“. (Мал. 1, 7—9). Нынѣ жертвы новозавѣтныя суть жертвы безкровныя: хлѣбъ, вино, елей, ладанъ, свѣща и проч., но смыслъ и значеніе ихъ тоже, а заботливость о достоинствѣ ихъ отъ насъ, чадъ новаго завѣта, удостоенныхъ высшей благодати Божіей, должна быть еще большая, чѣмъ отъ чадъ церкви ветхозавѣтной. Не вынуждайте вашихъ священниковъ принимать отъ васъ недостойныя Господа жертвы и не подвергайте и ихъ и себя осужденію. Всѣ будемъ „молиться Богу, чтобы Онъ помиловалъ насъ, и да не исходятъ недостойныя жертвы отъ рукъ нашихъ“.

Итакъ, прошу и молю васъ, возлюбленные, обращайтесь должное вниманіе на дары, вами Богу приносимые. И свѣча неблаговонная и коптящая, и просфора черствая и нечистая, и вино окисшее, это тоже, что жертвенное животное слѣпое и хроное. Покупайте свѣчи въ самыхъ храмахъ у церковныхъ старость, которые и съ своей стороны не будутъ брать на душу грѣха, держа въ церковномъ ящикѣ свѣчи, недостойныя храма Божія; берите просфоры у людей для изготовленія ихъ упомоченныхъ, а гдѣ нѣтъ просфирницъ, тамъ избирайте ихъ изъ благочестивыхъ вдовицъ и дѣвъ, преимущественно сиротствующимъ и требующимъ вашего попеченія и призрѣнія. Что-же касается краснаго вина, то покупайте его у торговцевъ богобоязненныхъ, понимающихъ, для чего это вино назначается. Нынѣ по милости Божіей есть въ нашемъ отечествѣ и свои виноградники, доставляющіе хорошее красное вино. Правда, вдали отъ городовъ, по селамъ не легко пріобрѣтать хорошее вино, но для такого важнаго дѣла, какъ изготовленіе вещества для Св. Таинства Тѣла и Крови Христовой, можно употребить и особенную заботу, и лишній расходъ и трудъ. Все хорошее и доброе съ трудомъ дѣлается, легко только грѣшить.

Молю Господа, да даруетъ Онъ всѣмъ намъ духъ вѣдѣнія, благочестія и страха Божія; да будетъ вѣра наша въ Него правая и живая, любовь къ Нему искренняя и полная, благоговѣніе совершенное, да будутъ и жертвы наши чистыя и Ему благоугодныя.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

VII.

Оставленіе Москвы на жертву непріятелю было полною неожиданностью для Россіи, для Государя, для самой арміи. Князь Кутузовъ, и послѣ начавшагося вновь отступленія къ Москвѣ, продолжалъ выставлять съ одной стороны во всѣхъ своихъ официальныхъ и частныхъ письмахъ Бородинское сраженіе полною побѣдою, а съ другой заявлялъ ежеминутно свѣтвердое намѣреніе дать новое сраженіе непріятелю и не п-стить его въ древнюю столицу имперіи **). „Курьеры и пшма отъ князя Кутузова, замѣчаетъ графъ Раstopчинъ, прибывали ко мнѣ по нѣскольку разъ въ день. Онъ постоянно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г. № 21.

**) Высказывалось неоднократно мнѣніе, что Кутузовъ вовсе не думалъ покинуть Москвы послѣ Бородина, и что всѣ его толки о новомъ сраженіи имѣли цѣлью лишь оправдать его побѣдное донесеніе о Бородинскомъ боѣ. Съ такимъ мнѣніемъ не соглашается однако-же Бернгарди, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрѣть въ особомъ расположеніи къ Кутузову. Бернгарди полагаетъ, что Кутузовъ до самой Москвы не имѣлъ точнаго понятія о громадныхъ убыткахъ нашей арміи подъ Бородиноиъ, что онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью объ оставленіи Москвы и что онъ дѣйствительно думалъ дать новое сраженіе, считывая наибъ выгодную, укрѣпленную позицію и получить подкрѣпленія рекрутами, ополченцами, выздоровѣвшими солдатами и артиллеріею. Эти надежды фельдмаршала дѣлательно поддерживалъ Беннигсенъ. См. Bernhardi. Toll's Dakwürdigkeiten. T. II. стр. 128.

чего-нибудь требовать, что и было отправляемо немедленно. Онъ хотѣлъ, чтобы я одинъ плохой гарнизонный полкъ, который оставался въ Москвѣ, употребилъ для содержанія мародеровъ и дезертировъ, и не пускалъ-бы ихъ въ городъ, забывая, что онъ не окруженъ ни рвомъ, ни стѣнами и что его окрѣпость простирается до 42 верстъ“ *).

Но князь Кутузовъ требовалъ и ожидалъ отъ московскаго главнокомандующаго еще большаго. Не подлежитъ сомнѣнiю, что онъ имѣлъ самыя неточныя и преувеличенныя понятiя о ресурсахъ, находившихся въ рукахъ графа, что онъ ожидалъ отъ него не только матеріальной помощи всякаго рода, но даже вооруженнаго содѣйствiя противъ непрiятеля. „Послѣ кровопролитнѣйшаго сраженiя, происходившаго 26 числа“, — писалъ онъ Растопчину, — „въ которомъ войска наши потерпѣли естественнo важную потерю, сообразную ихъ мужеству, намѣренiе мое, хотя и баталiя совершенно выиграна, состоитъ въ томъ, чтобы притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, у Москвы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву. Помощи, которыя требую я, различныя, и потому отправляю я полковника князя Кудашева къ вашему сиятельству представить лично и просить, чтобы все то, что можетъ дать Москва въ разсужденiи войскъ, прибавки артиллерiйскихъ снарядовъ, лошадей и прочаго, имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ отечества, все то было-бы приобщено къ армiи, ожидающей сразиться съ непрiателемъ. И къ кому же надежнѣе могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не къ извѣстному любовью къ отечеству и усердiемъ предводителю древней столицы“ **). Вслѣдъ за Кудашевымъ, уже на другой день, отправленъ былъ Кутузовымъ въ Москву графъ Апраксинъ съ тѣми-же порученiями и съ просьбою прислать въ армiю, какъ можно скорѣе на курьерскихъ, кирокъ и лопатъ. Еще черезъ два дня новое письмо. „Мы приближаемся къ генеральному сраженiю; но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправленiю раненныхъ на подводахъ, устрашаетъ

*) „Русскiй Архивъ“ за 1875 годъ, книга 10-я, стр. 187.

***) Письмо Кутузова отъ 27-го августа изъ деревни Жуково. „Русскiй Архивъ“, 1875 года, книга 10 я, стр. 187. Bernhardt. Т. II. Стр. 127.

меня. Ради Бога, прошу помощи скорѣйшей отъ вашего сѣятельства“. Записка эта была отправлена 30 августа изъ Вязьмы, на разстояніи всего лишь двухъ переходовъ отъ Москвы *). Приближающееся рѣшеніе видимо волновало стараго фельдмаршала. Онъ преодолѣлъ въ эти страшные дни свою обычную флегму, свое крайнее отвращеніе къ писанію. Въ одинъ день отправилъ онъ къ графу Растончину шесть записокъ. „Я нахожусь сегодня при Вязьмѣ“,—писалъ онъ въ одной изъ нихъ,—„но какъ здѣсь никакой позиціи нѣтъ, то отправился генераль Беннигсенъ назадъ отыскать мѣсто, гдѣ-бы удобнѣе дать баталію. Желательно было-бы, если-бы два человека, расторопныхъ изъ вашихъ, были при мнѣ, чрезъ которыхъ могъ-бы я давать словесныя извѣстія“. Ничто не беспокоило такъ фельдмаршала, какъ вѣсти, получаемыя имъ о движеніи непріятеля. Онъ звалъ, что передъ нимъ находятся только главныя силы непріятеля, но что два корпуса направлены въ обходъ его фланговъ. Особенно тревожило его извѣстіе о движеніи непріятельскаго корпуса на Рузу. Кутузовъ не имѣлъ, правда, точнаго представленія о численности этого корпуса: одни полагали его въ 20000 и болѣе, другіе гораздо менѣе, но онъ опасался, чтобы отрядъ этотъ, двигаясь форсированными маршами на Звенигородъ, не раздавилъ Винценгероде, имѣвшаго всего лишь 2000 кавалеріи, 500 человекъ пѣхоты и двѣ пушки, и не захватилъ внезапно Москвы. Двинуть противъ этого непріятельскаго корпуса хотя часть своей арміи Кутузовъ считалъ невозможнымъ въ виду тѣхъ громадныхъ непріятельскихъ силъ, которыя стояли противъ него; но теперь, думалъ онъ, настала минута, когда графъ Растончинъ долженъ исполнить свои хвастливыя обѣщанія, когда онъ долженъ броситься съ своими московскими дружинами, съ своими 80,000 героевъ, о которыхъ онъ такъ много говорилъ и писалъ доселѣ, и уничтожить до послѣдняго человека дерзкаго непріятеля. „Неужели не найдетъ онъ гробъ свой отъ дружины московской“,—писалъ онъ графу Растончину изъ той же Вязьмы, того же 30-го августа,—„когда-бы осмѣлился онъ посягнуть на столицу Московскую по сей дорогѣ, куда отсту-

* См. „Русскій Архивъ“ 1875 годъ, книга 10, стр. 188.

пить и Винценгероде. Ожидаю нетерпѣливо отвѣта вашего сіятельства“ *).

Была уже поздняя ночь, когда съ этимъ письмомъ прибылъ въ Москву посланный князя Кутузова **). Прочитавъ письмо главнокомандующаго, графъ Растиопчинъ пришелъ въ негодованіе. Призывъ Кутузова показался ему злою насмѣшкою, весьма дурною шуткою, какъ выражается онъ самъ. Кутузовъ долженъ былъ, по мнѣнію графа, отлично знать, что Москва уже давно опустѣла, что въ ней оставалось не болѣе 50,000 жителей ***); онъ зналъ также, что московское ополченіе давно уже примкнуло къ дѣйствующей арміи; онъ долженъ былъ наконецъ, понимать, что всѣ слова и воззванія графа о московской силѣ, о 80-ти тысячахъ ратниковъ были не болѣе какъ слова, рассчитанныя на эффектъ и что предводитель Москвы не предпринималъ еще по сію пору никакихъ мѣръ для поголовнаго вооруженія жителей столицы, для дѣйствительнаго сформированія новыхъ дружинъ. Теперь, когда непріятель стоялъ въ казихъ-нибудь 40 верстахъ отъ Москвы, поздно было думать о вооруженіяхъ. Изъ числа жителей, остававшихся въ городѣ можно было набрать всего лишь 2, много 3 тысячи человѣкъ ****), но не было уже ни времени, ни возможности вооружить и обучить ихъ. Зарево непріятельскихъ бивуаковъ тысячами гнало обывателей изъ Москвы. Оставались лишь тѣ, коимъ терять было нечего, которые не могли оторваться отъ Московской святыни и отъ своихъ родныхъ пепелищъ, или, наконецъ, тѣ, которые надѣялись ужиться съ непріателемъ и даже поживиться на его счетъ *****). Было, правда, въ Москвѣ и не мало такихъ людей, которые твердо вѣрили до послѣд-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г. в. 10, стр. 188.

**) См. Записки графа Растиопчина у А. Попова: „Москва въ 1812 году“.

***) Этому, равно какъ и другимъ численнымъ показаніямъ гр. Растиопчина не слѣдуетъ придавать большаго значенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Москвѣ оставалось гораздо болѣе жителей. Большая часть жителей бѣжала уже вмѣстѣ съ войсками, да и послѣ этого бѣгства въ городѣ оставалось, вѣроятно, болѣе 50,000 человѣкъ.

****) Можно было-бы набрать, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ болѣе. См. приведенное нами ниже свидѣтельство Бестужева-Рюмина.

*****) Мы увидимъ впоследствии, что въ Москвѣ оставалось еще и очень много зажиточныхъ людей, но Растиопчинъ считалъ за лучшее умалчивать объ этомъ об-

ней минуты воззваніямъ и обѣщаніямъ графа, которые намѣрены были идти подъ его предводительствомъ на встрѣчу непріятели и умереть въ отчаянной свалкѣ съ злодѣемъ у самого порога Москвы; но Растопчинъ понималъ на столько военное дѣло, что ему никогда не приходило серьезно въ голову становиться во главѣ этихъ отчаянныхъ и, на его взглядъ, смѣшныхъ людей. Эти смѣльчаки были въ его глазахъ ни сколько не лучше той смѣлой дамы, которая предлагала ему составить отрядъ амазонокъ, или тѣхъ актеровъ русскаго театра, которые, по его словамъ, одни хотѣли защищать Москву и предложили свою добрую волю и руки генералу Апраксину, который не захотѣлъ, однако-же, обезсмертить себя съ 20 театральными героями въ римскомъ костюмѣ *).

Неужели,—задавалъ себѣ теперь вопросъ графъ Растопчинъ,—Кутузовъ не имѣлъ обо всемъ этомъ надлежащаго понятія? Неужели онъ не зналъ, что населеніе Москвы способно было къ пожертвованіямъ всякаго рода, но не къ открытой борьбѣ съ непріателемъ? Быть можетъ, замѣтимъ мы по этому поводу, хитрый Кутузовъ и зналъ все это, быть можетъ онъ обратился съ своимъ призывомъ къ „московскому предводителю“ лишь для того, чтобы разоблачить его окончательно и оправдать себя заранѣе за возможное оставленіе Москвы безъ всякаго боя. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ Кутузовъ не имѣлъ права утверждать, что до сихъ поръ графъ Растопчинъ заявлялъ ему ежедневно готовность московскаго населенія скорѣе умереть, нежели позорно сдать непріателю столицу,—развѣ онъ не могъ предъявить письмо графа, въ которомъ значилось, что онъ составитъ въ Москвѣ особое ополченіе изъ 80,000 человѣкъ,—развѣ онъ не могъ увѣрять, что полагаясь на это обѣщаніе, онъ дѣйствительно готовъ былъ дать новое сраженіе подъ самыми стѣнами Москвы? Теперь всѣ слова и обѣщанія графа оказались пустою выдумкою, и главнокомандующему не оставалось

стоятельствъ, такъ какъ сознавалъ очень хорошо, кѣмъ и какъ введены были въ обманъ эти люди.

*) Обо всѣхъ этихъ, по его мнѣнію, смѣшныхъ порывахъ любви къ отечеству, разсказываетъ самъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ. См. „Русскій Архивъ“ 1875 года. книга 10-я.

ничего иного, какъ подумать о спасеніи своей арміи и доставить Москву ея участи.

Высказывая такое предположеніе, мы вовсе не думаемъ выдавать его за несомнѣнную истину. Есть даже основаніе думать, что ни 30 августа, ни въ слѣдующій затѣмъ день Кутузовъ не порѣшилъ еще вопроса объ оставленіи Москвы, что онъ не отказался еще въ эти дни отъ мысли дать новое генеральное сраженіе подъ самыми стѣнами древней столицы. Въ то время, когда армія наша отступала отъ Вязьмы къ Мамонову *), Беннингсенъ, отправленный назадъ для розысканія позиціи, рѣшился, наконецъ, расположить наши силы для послѣдняго боя въ виду самой Москвы между деревнею Филями и Воробьевыми горами. Трудно было отыскать болѣе несчастную и невыгодную позицію, какъ именно эта. Линія предположеннаго расположенія нашихъ войскъ тянулась на разстояніи съ лишнимъ 4 версты,—пространство крайне значительное, если принять въ соображеніе, что во всей арміи насчитывалось въ это время подъ ружьемъ не болѣе 60,000 человекъ. Правый флангъ, позади котораго находилась деревушка Фили, примыкалъ къ лѣсу, тянувшемуся на нѣсколько версты по направленію къ непріятелю. Не трудно было предвидѣть, что непріятель, имѣвшій на своей сторонѣ громадное превосходство въ стрѣлкахъ, безъ труда завладѣетъ этимъ лѣсомъ и поставитъ все наше правое крыло въ самое критическое положеніе.

*) Изъ свидѣтельства Барклая-де-Толли мы узнаемъ, впрочемъ, что отступление это происходило не въ особенномъ порядкѣ. Вотъ его слова: „Сіе отступление исполнялось въ величайшемъ разстройствѣ: естественное слѣдствіе нерадивости владѣющихъ тогда начальствомъ при совершеніи какихъ-либо пріуготовленій или учрежденій. Войска безъ проводниковъ часто останавливались на переходѣ по нѣсколькимъ часамъ при разрушенныхъ мостахъ, или проходѣ деревень и дефилей; часто тѣ, коимъ слѣдовало исправлять дорогу, заграждали оную войскамъ понтонами, повозками съ инструментами и обозами ополченія, сѣпавшимися другъ съ другомъ. Наконецъ, по исправленіи сего безпорядка и прошествіи сильныхъ маршей, войска прибывали къ мѣсту ночлега, но считались еще остальное время дня, не зная, гдѣ слѣдовало имъ расположиться; наконецъ принужденны они бывали остановиться при большой дорогѣ и, будучи утомлены трудами, бросались въ грязь для проведенія ночи. Г. Беннингсена, взявшаго на себя правленіе главнаго штаба, который давно не существовалъ, невозможно было найти: должно было признаться, что въ семъ отступленіи Богъ одинъ былъ путеводителемъ“. См. чтенія Общества исторіи и древностей 1858 г. отд. II, стр. 24—25.

Вся наша линія пересѣкалась глубокими оврагами, въ одномъ изъ нихъ протекала рѣчка Карповка, долженствовавшая совершенно разообщить отдѣльные корпуса и дивизіи. За первую линією имѣлся кромѣ того ровъ отъ 10 до 15 сажень глубины; склоны его были такъ круты, что на нихъ можно было взобраться лишь съ величайшимъ трудомъ. Лѣвый флангъ находился на вершинѣ Воробьевыхъ горъ; передъ нимъ растлалась совершенно открытая, гладкая равнина, на которой непріятель могъ сосредоточить для атаки около 30,000 человекъ. Въ тылу всей позиціи протекала въ глубокой ложбинѣ Москва рѣчка, за нею раскидывался исполинскій городъ съ своими десятками тысячъ домовъ и магазиновъ, сотнями церквей, съ своими безчисленными узкими, кривыми и неправильными улицами. Черезъ Москву рѣку наведено было 8 пловучихъ мостовъ, но спуски къ этимъ мостамъ были на столько круты и неудобны, что по нимъ могла едва спуститься пѣхота. Въ случаѣ отступленія наша армія должна-бы была бросить всю артиллерию и обозъ и была-бы, по всей вѣроятности, уничтожена до послѣдняго человека на спускахъ къ рѣкѣ и въ прилегающихъ къ ней узкимъ улицамъ города *).

Избравъ эту роковую позицію, Бенингсенъ, въ виду приближенія нашей арміи, спѣшилъ назначить на ней мѣста для различныхъ частей войска. Его сопровождали при этой операціи квартирмейстеръ арміи, полковникъ Толь, полковникъ Мишо и полковникъ Кроссаръ, французскій эмигрантъ, прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ нашу главную квартиру. Всѣ эти опытные офицеры ахнули отъ удивленія при первомъ взглядѣ на позицію и, не задумываясь, указывали Бенингсену на ея крайнія невыгоды. Герой Фридланда стоялъ, однакоже, упорно на своемъ мнѣніи. Онъ горячился, клялся, что позиція превосходна, что на ней можно и должно драться три раза, прежде нежели отдавать непріятелю безъ бою Москву. Свои увѣренія Бенингсенъ старался подтвердить и тѣмъ, что поминутно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. „Эти крестныя знаменія казались мнѣ столь-же странными со стороны протестан-

*) Описаніе позиціи подъ Москвою находимъ у Барклая въ запискѣ его, у Ермолова (записки), Кроссара (Memoires historiques et militaires) т. 4, и другихъ.

та, какъ и позиція, въ которой собирался Бенингсенъ принять генеральное сраженіе“, — замѣчаетъ полковникъ Кроссаръ *).

Бенингсенъ попалъ, однако-же, самъ въ немалое затрудненіе, когда дѣло дошло до точнаго указанія мѣста для каждой части арміи. Какъ ни ломалъ себѣ голову набожный начальникъ штаба, какъ ни перемѣнялъ онъ свои диспозиціи, а все выходило какъ-то неловко и неудобно. Время уходило въ безплодныхъ пререканіяхъ и спорахъ, а между тѣмъ армія была уже недалеко. Полковникъ Толь, обязанный, въ качествѣ генераль-квартирмейстера, указать каждой части ея мѣсто, то и дѣло торопилъ Бенингсена. „Войска уже недалеко“, — повторялъ онъ нѣсколько разъ настойчиво. „Пора рѣшиться на чтонибудь, генераль!“

Наконецъ, Бенингсенъ указалъ мѣста и рекогносцировка окончилась. „Во все это время, замѣчаетъ Кроссаръ, я хранилъ глубокое молчаніе. Признаюсь, мнѣ было трудно высказать мое мнѣніе, до такой степени казалось мнѣ все противорѣчающимъ здравому смыслу“ **).

1-го сентября рано утромъ пачали прибывать на позицію войска, одновременно съ первыми отрядами прибылъ и князь Кутузовъ. Онъ остановился въ Филяхъ и тотчасъ-же отдалъ приказъ строить на Поклонской горѣ обширный редутъ ***). Здѣсь предназначалъ онъ, согласно съ диспозиціею Бенингсена, расположить нашъ крайній правый флангъ. Влѣво отъ редута, на большой Смоленской дорогѣ, пересѣкавшей наши линіи, онъ повелѣлъ возвести большую батарею. Въ лѣсу направо отъ всей позиціи велѣно было разсыпать егерей ****). Между тѣмъ прибылъ въ Фили и генераль Барклай. Несмотря на страшную лихорадку ****), мучившую его въ теченіи нѣсколькихъ дней, онъ немедленно-же сѣлъ на лошадь и отправился

*) См. Кроссаръ, *Memoires militaires et historiques*, т. 4, стр. 361.

***) См. Кроссаръ. *Memoires militaires et historiques*, т. 4, стр. 362.

***): См. Ермоловъ, записки т. I, стр. 208.

****) См. записки Ермолова, т. I, стр. 208.

*****) „Лихорадка эта была, — замѣчаетъ Барклай-де-Толли, — слѣдствіемъ, не только всего похода и усилій, исполненныхъ мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе досады и обидъ, которымъ подвергался я ежечасно“. См. чтенія Общества исторіи и древностей 1858 г. отд. II. стр. 25.

осматривать позицію. Онъ ужаснулся при одномъ ея видѣ. Ему казалось, что природныя невыгоды увеличивались еще болѣе крайне ошибочною диспозиціею войскъ. Резервъ поставленъ былъ такъ неудачно, что каждое непріятельское ядро должно было поражать его неизбежно. Резервъ лѣваго фланга, будучи отдѣленъ отъ корпусовъ, долженствовавшихъ получать отъ него поддержанія глубокимъ оврагомъ, въ случаѣ разбитія свхъ войскъ, долженъ былъ оставаться спржойнымъ зрителемъ опаго, не имѣя возможности подать имъ помощи. Пѣхота этого резерва имѣла, по крайней мѣрѣ, возможность стрѣлять по нашимъ и по непріятелю, конница-же не имѣла и сего преимущества. Ей оставалось одно изъ двухъ: или-же немедленно обратиться въ бѣгство, или спокойно ожидать своего уничтоженія непріятельскою артиллеріею.

(Осмотрѣвши затѣмъ тылъ позиціи и убѣдившись окончательно, что въ случаѣ пораженія,—а оно казалось ему неизбежнымъ, вся армія должна погибнуть здѣсь до послѣдняго человека *),—Барклай поспѣшилъ въ главную квартиру, намѣреваясь пустить въ ходъ свое вліяніе, только-бы предупредить несчастье. На дорогѣ главнокомандующій первою арміею встрѣтилъ генерала Беннингсена, все еще продолжавшаго разѣзжать на излюбленной позиціи. Съ трудомъ сдерживая накипшія въ немъ чувства горечи и негодованія, Барклай подѣхалъ къ Беннингсену со словами: „неужели рѣшено уже погребсти всю армію на этомъ мѣстѣ?“ Беннингсенъ, страшно смущенный такимъ вопросомъ, принялъ на себя видъ ничего не знающаго, пораженнаго удивленіемъ человека. „Я сейчасъ самъ буду на правомъ флангѣ“,—отвѣтилъ онъ Барклаю. Главнокомандующій первою арміею, не теряя съ нимъ лишнихъ словъ, поспѣшилъ къ Фили; но Беннингсенъ, какъ видно, не считалъ нужнымъ свѣдѣть. Въмѣсто того, чтобы ѣхать на правый флангъ, онъ преспокойно отправился въ центръ, гдѣ отведена ему была въ одной изъ сосѣднихъ деревень квартира **). Оче-

*) „Въ случаѣ разбитія вся армія была-бы уничтожена до послѣдняго человека, ибо отступленіе чрезъ столь обширный городъ передъ преслѣдуемымъ непріателемъ—вещь несбыточная“. См. чтенія Об. ист. и древ. 1858 г. Отд. II, стр. 20.

***) См. Записка Барклая-де-Толи. Тамъ-же, стр. 26.

видно, онъ хотѣлъ больше всего избѣгнуть столь неудобныхъ для него, при данныхъ условіяхъ, всякихъ личныхъ объясненій съ Барклаемъ въ присутствіи князя Кутузова.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ, еще до возвращенія Барклая изъ рекогносцировки, произошли въ высшей степени любопытныя сцены. Кутузовъ, не довѣряя безусловно стратегическимъ способностямъ Бенингсена, а быть можетъ и желая найти удобный предлогъ для оставленія Москвы, совѣтовался о выгодахъ и невыгодахъ позиціи съ окружающими его генералами. По своему обычаю, онъ сидѣлъ при этомъ по срединѣ дороги на маленькой скамейкѣ. Лицо его было также безстрастно и спокойно, какъ и всегда; съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ будто безучастно, выслушивалъ онъ отзывы и совѣты своихъ подчиненныхъ. А между тѣмъ все вокругъ него волновалось, все было полно тревогъ, опасеній, надеждъ. Почти всѣ генералы смотрѣли безнадежно на предстоящее кровавое рѣшеніе, но избѣгнуть этого рѣшенія, отступить еще далѣе, бросить Москву точно также, какъ брошены были Вязьма, Дорогобужъ, Можайскъ — противорѣчило, казалось имъ, самымъ основнымъ принципамъ чести и патріотизма. Неужели Москва не заслуживала того, чтобы пожертвовать для нея большею частью арміи, чтобы попытаться отстоять ее въ послѣднемъ отчаянномъ бою? „По ихъ мнѣнію, — говоритъ принцъ Евгений Виртембергскій, — какъ могла составлять предѣлъ земному страствованію человѣка, такъ Москва была цѣлью и гробомъ русскаго воина; за Москвою уже былъ другой міръ“ *). Потребна была не малая доля нравственнаго мужества, чтобы противостать этому общему чувству, чтобы сохранить въ эти тяжелыя минуты возможность объективнаго и безстрастнаго взгляда, чтобы не дать силѣ чувства восторжествовать надъ разсудкомъ; но ко благу Россіи въ такихъ людяхъ не было недостатка и въ этотъ потрясающій моментъ. Въ числѣ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго, былъ и генералъ Ермоловъ. „Какъ кажется тебѣ наша позиція“, — спросилъ его совершенно неожиданно князь. Ермоловъ отвѣчалъ почтительно, что онъ хотя и не можетъ судить по одному взгляду положи-

*) Memoiren des Herzog's Eugen v. Württemberg. T. II, стр. 160 и слѣд.

тельно о мѣстности, назначенной для 60 или болѣе тысячъ человѣкъ, но что весьма замѣтные недостатки въ ней приводятъ къ мысли о невозможности удержаться на ней. Кутузовъ взялъ Ермолова за руку, ощупалъ пульсъ и сказалъ: „здоровъ-ли ты?“ Ермоловъ съ живостью возразилъ: „я полагаю, что ваше сіятельство не будете драться на этой позиціи, или-же будете разбиты непременно“. Всѣ присутствующіе генералы молчали, удивленные смѣлымъ отвѣтомъ молодаго Ермолова, но Кутузовъ выслушалъ снисходительно его замѣчаніе *). Ермоловъ продолжалъ развивать свое мнѣніе и сослался, наконецъ, на мнѣніе полковника Кроссара, стоявшаго вблизи. Кроссаръ былъ старый знакомый Кутузова, онъ принималъ участіе въ несчастной кампаніи 1805 г. и составилъ планъ отступленія русскихъ войскъ отъ Кремса до Гогенварта **). Вызванный впередъ главнокомандующимъ, Кроссаръ смѣло заявилъ, что „невозможно найти болѣе удобной позиціи для истребленія собственной арміи, какъ та, которую занимаетъ въ эту минуту ваша свѣтлость“.—Какъ! прервалъ его Кутузовъ и лицо его впервые оживилось выраженіемъ непритворнаго удивленія. „Мѣстность, продолжалъ съ живостью Кроссаръ, по которой непріятель будетъ наступать на васъ, волниста и покрыта холмами; онъ будетъ имѣть возможность скрыть отъ васъ всѣхъ своихъ солдатъ и всѣ свои движенія, тогда какъ все на вашей сторонѣ, оканчивая послѣднимъ солдатомъ, будетъ у него на виду. Онъ не будетъ затрудняться ни на минуту, гдѣ расположить свою артиллерію и куда направить ея огонь, такъ какъ мѣстность, занимаемая имъ, представляетъ для этого всевозможныя удобства“. Указавъ вслѣдъ затѣмъ другія неудобства нашей позиціи, Кроссаръ обратился къ Ку-

*) „Князь Кутузовъ, снисходительно выслушавъ замѣчаніе мое, съ изъясненіемъ ласки приказалъ мнѣ осмотрѣть позицію и довести ему“. Записки Ермолова. Т. I, стр. 208.

**) „Ермоловъ спросилъ меня: что думаете вы объ этой позиціи? Я отвѣчалъ, что считаю ее крайне опасною. «Я думаю тоже самое», замѣтилъ Ермоловъ и обращаясь тотчасъ-же къ Кутузову сказалъ: „генераль, вотъ господинъ, который много воевалъ въ Австріи и другихъ мѣстахъ; онъ полагаетъ также, что позиція, занимаемая нами, неудобна. Главнокомандующій приказалъ мнѣ приблизиться. Я напомнилъ ему прежде всего, что я начерталъ планъ отступленія его отъ Кремса къ Гогенварту“. Кроссаръ, *Memoires militaires et historiques*. Т. 4, стр. 363.

тузову съ такимъ вопросомъ: „но желаете-ли, ваша свѣтлость, драться?—Какъ, желаю-ли я драться? возразилъ съ живостью Кутузовъ. „Если да“,—продолжалъ Кроссаръ,—„то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ расположить армію не поперекъ дороги, а параллельно съ нею“. Кутузовъ выслупалъ внимательно объясненія Кроссара и, указывая ему на генерала Ермолова и своего зятя князя Кудашева, сказалъ *): „отправьтесь немедленно съ этими господами, осмотрите внимательно обѣ позиціи: ту, которую я занимаю, и ту, которую предлагаете вы мнѣ, и донесите мнѣ о результатахъ вашей рекогносцировки“ **).

Среди этого разговора прибылъ на Поклонскую гору графъ Ростопчинъ. Впервые пришлось тутъ ему встрѣтиться лицомъ къ лицу съ старымъ фельдмаршаломъ. Понятно, что Кутузовъ не могъ произвести пріятнаго впечатлѣнія на графа, уже крайне предубѣжденнаго противъ него. Ему казалось, что неувѣренность и страхъ сквозили въ каждой минѣ, въ каждомъ словѣ главнокомандующаго ***). Кутузовъ увѣрялъ графа, что онъ намѣренъ дать сраженіе Наполеону на этомъ самомъ мѣстѣ и что въ случаѣ неудачи онъ рассчитываетъ отступить на Тверь. На замѣчанія Ростопчина, что въ этомъ направленіи онъ не найдетъ достаточно припасовъ для арміи, у Кутузова вырвалось замѣчаніе: „но прежде всего нужно подумать о сѣверѣ и постараться прикрыть его“. Ростопчинъ,

*) Ермоловъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что съ Кроссаромъ отправлены были онъ и Толъ, а не Кудашевъ. Т. I, стр. 208.

***) Кроссаръ. *Memoires militaires et historiques*. Т. 4, стр. 364—365. „Отдавъ свое приказаніе, Кутузовъ обратился къ окружавшимъ его генераламъ съ такими словами: „*Savez-vous, qu'il a parlé en homme comme il faut*“...

***), „Я пашель, говоритъ Ростопчинъ, кн. Кутузова, сидящимъ передъ огнемъ. Къ нему безпрерывно подъѣзжали со всѣхъ сторонъ генералы, офицеры главнаго штаба, адъютанты, испрашивая приказаній. Онъ отсылалъ ихъ то къ генералу Барклаю, то къ Бенningсену, а иногда и къ Толю, квартирмейстеру, своему любимцу, достойному своего покровителя. Онъ пріянялъ меня чрезвычайно учтиво, отвелъ въ сторону, и мы бесѣдовали наединѣ по крайней мѣрѣ полчаса. Это былъ мой первый разговоръ съ этимъ человѣкомъ. Онъ очень любопытенъ. Низость, неувѣренность и страхъ выражались въ словахъ главнокомандующаго нашими арміями, который долженствовалъ быть спасителемъ отечества, но который никогда ничего не дѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ этимъ громкимъ именемъ“. Ростопчинъ, Записки.

очевидно, не придавъ вѣры этимъ словамъ князя и желая вывѣдать его настоящія намѣренія, предложилъ ему вопросъ, не намѣрепъ-ли онъ отступить на Калужскую дорогу, куда направлены всѣ обозы съ продовольствіемъ. Кутузовъ отвѣчалъ уклончиво на этотъ вопросъ и началъ распространяться вслѣдъ затѣмъ о предстоящемъ сраженіи, просилъ графа пріѣхать въ армію съ архіепископомъ и чудотворными иконами, которыя онъ намѣревался пронести по всей линіи войска. Въ заключеніе онъ просилъ графа прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина и предупредилъ его, что завтра ничего не будетъ, такъ какъ Наполеонъ атакуетъ его не ранѣе какъ черезъ день *).

Прошло немного времени послѣ этого разговора и Ермоловъ возвратился изъ своей рекогносцировки. Его донесеніе было не въ пользу занимаемой позиціи и склонялось скорѣе на сторону мнѣнія Кроссара. Кутузовъ выслушалъ его внимательно, но не далъ ему никакого отвѣта. Старый вождь, очевидно, не довѣрялъ этимъ молодымъ, горячимъ воинамъ. По крайней мѣрѣ онъ не сдѣлалъ никакихъ измѣненій ни въ расположеніи войскъ, ни въ начатыхъ шанцевыхъ работахъ. Томительная неизвѣстность и нерѣшительность продолжали длиться до той минуты, пока къ главнокомандующему не подѣхалъ Барклай-де-Толли. Его подробный докладъ о расположеніи нашихъ силъ, его наглядное описаніе позиціи, сдѣланное съ помощью рисунка, произвело на князя потрясающее впечатлѣніе. „Онъ ужаснулся, выслушавъ меня“, — замѣчаетъ Барклай-де-Толли въ своей запискѣ **). Другимъ очевидцамъ показалось, однако-же, что на лицѣ Кутузова блеснулъ лучъ радости. Рѣшительное

*) Всѣ эти подробности передаетъ въ своихъ запискахъ Растончинъ. „Князь Кутузовъ, рассказываетъ Ермоловъ, подробно передалъ мнѣ разговоръ свой съ графомъ Растончинимъ и, со всею простотою души своей и невничностью увѣряя меня, что онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снискать ни какихъ существенныхъ выгодъ, и что нѣтъ, конечно, причинъ удерживать ее съ чувствительною потерей, и спросилъ, какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго иснитанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подкрѣпляя готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было-бы арріергарду нашему, въ честь древней столицы, оказать нѣкоторое сопротивленіе“. Записки Ермолова. Т. I. стр. 210.

***) См. Записка Барклая. Чтенія Общества ист. и др. Отд. II. 1858 г. стр. 26-

слово объ оставленіи Москвы было произнесено, и произнесено не имъ, а главнокомандующимъ первой арміи *). Кутузовъ поднялся съ своей скамейки и объявилъ, что въ четыре часа вечера должны собраться къ нему всѣ генералы на военный совѣтъ для рѣшенія спорнаго вопроса **).

Совѣщаніе, долженствовавшее рѣшить не только участь Москвы, но и судьбу Россіи и Европы, происходило въ крестьянской избѣ, занимаемой княземъ Кутузовымъ ***). Генералы Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковники Кайсаровъ и Толь прибыли ровно въ четыре часа ****). Одинъ только Бенингсенъ заставилъ ждать себя цѣлыхъ два часа. Желая первенствовать вездѣ, Бенингсенъ, не спрашивая Кутузова, взялъ на себя роль предсѣдателя и открылъ совѣщанія вопросомъ: предпочтительно-ли сражаться подъ стѣнами Москвы, или слѣдуетъ оставить городъ непріятелю? Кутузовъ былъ крайне озадаченъ и разсерженъ такою постановкою вопроса. „Отъ настоящаго совѣщанія, замѣтилъ онъ, зависитъ не только участь арміи и Москвы, но и всего государства. Вопросъ, поставленный Бенингсеномъ, безъ предварительнаго объясненія общаго положенія дѣлъ, совершенно лишній“ *****)). Князь описалъ затѣмъ подробно всѣ неудобства позиціи, занимаемой арміею; онъ замѣтилъ, что доколѣ будетъ еще существовать армія и находится въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда съ честью окончить войну; но по уничто-

*) Въ числѣ лицъ, полагавшихъ, что Кутузовъ только давалъ видъ, что хочетъ сражаться подъ Москвою, что совѣты Раstopчина и мнѣніе Барклая приходились ему по сердцу, былъ и Ермоловъ. См. Записк. Т. I. стр. 209.

**) Принцу Евгенію Вюртембергскому, къ которому онъ былъ особенно расположенъ, Кутузовъ шепнулъ при этомъ на ухо: „здѣсь должна помочь себѣ одна моя голова, все равно, дурна она или хороша“. (Ici ma tête, fût elle bonne ou mauvaise, ne doit s'oider que d'elle même). Aus dem Leben d. Pr. Eugen von Württemberg. Helldorf. Т. II, стр. 58.

***) Изба эта сгорѣла, никтою не охраняемая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такъ берегутъ у насъ священные памятники прошлаго!

****) Свѣдѣнія о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ находятся въ донесеніяхъ генераловъ Барклая и Бенингсена Государю, въ запискахъ Раевского, Ермолова, Толля и частныхъ письмахъ генераловъ.

*****) См. Записка Барклая-де-Толля, стр. 27.

женіи арміи, не только Москва, но и вся Россія будетъ потеряна. Князь Кутузовъ, окончивъ свою рѣчь, поставилъ вопросъ: „слѣдуетъ-ли ожидать нападенія непріятеля въ этой неудобной позиціи, или оставить непріятелю Москву?“ Первый высказалъ свое мнѣніе Барклай-де-Толли. Онъ замѣтилъ, что оставаться на занимаемой нами крайне неудобной позиціи чрезвычайно опасно. Трудно разсчитывать на побѣду въ виду громаднаго превосходства непріятеля, а въ случаѣ пораженія можно сказать положительно, что вся армія будетъ уничтожена при отступленіи черезъ Москву. Правда, что тяжело и горестно оставлять непріятелю столицу, но если мы только не потеряемъ мужества и будемъ дѣйствовать съ энергіею, то непріятель, завладѣвъ Москвою, приготовитъ себѣ только гибель. Защищая Москву, мы не спасемъ Россіи отъ войны жестокой и разорительной, но сохранивъ армію, мы приобретаемъ возможность продолжать войну, которая одна только можетъ спасти отечество. Указавъ вслѣдъ затѣмъ на подкрѣпленія, которыя должна получить армія, упомянувъ о средствахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, Барклай-де-Толли предложилъ отступить на Владимірскую дорогу, чтобы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ *).

Рѣчь Барклая была направлена, главнымъ образомъ, противъ Беннингсена. Всѣ присутствующіе ожидали, что начальникъ штаба предприметъ по крайней мѣрѣ попытку оправдать сдѣланный имъ выборъ позиціи, но ловкій интриганъ съ разу поставилъ вопросъ на иную почву. „Хорошо-ли сообразили, воскликнулъ онъ съ пафосомъ, тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, самаго обширнаго города въ имперіи, и какія потери понесутъ казна и множество частныхъ лицъ? Подумали-ли, что будутъ говорить крестьяне, общество и вообще весь народъ, и какое ихъ мнѣніе можетъ имѣть вліяніе на способы для продолженія войны? Подумали-ли объ опасности провестъ черезъ городъ войска съ артиллеріею въ такое короткое время, когда непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ? Наконецъ, о стыдѣ оставить непріятелю столицу безъ выстрѣла? „Я спрашиваю,—продолжалъ Бе-

*) Рѣчь Барклая въ его запискѣ, у Ермолова въ запискахъ, т. I, стр. 211.

нингсенъ съ ироніею, напоминая о побѣдной реляціи Кутузова, будетъ-ли послѣ этого вѣрить Россія, что мы выиграли Бородинское сраженіе, какъ это было обнародовано, если послѣдствіемъ его будетъ оставленіе Москвы, и не докажемъ-ли мы тѣмъ, что мы его потеряли? Какое произведетъ это впечатлѣніе на иностранные дворы и вообще въ чужихъ врагахъ? Я спрашиваю, развѣ наши войска будутъ лучше устроены, оставивъ Москву непріятелю? Не должно-ли наше отступление имѣть предѣлъ? Я не вижу поводовъ предполагать, что мы будемъ непремѣнно разбиты, потеряемъ всю артиллерію, тогда какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы получили подкрѣпленія, а непріятель получить ихъ не могъ. Я думаю, что мы остались такими-же русскими, которые дрались съ примѣрною храбростію. Если въ сраженіи 26-го августа мы потерпѣли большія потери, то не меньшія потерпѣлъ и непріятель какъ въ солдатахъ, такъ и въ офицерахъ. Если наша армія послѣ того разстроена, то не менѣе разстроены и непріятельскія войска“. Такъ ораторствовалъ Бенингсенъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что онъ перейдетъ, наконецъ, къ дѣлу, оставитъ общія мѣста и начнетъ доказывать всѣ выгоды избранной имъ позиціи. Но Бенингсенъ, очевидно, уже забылъ объ этой позиціи и совершенно неожиданно предложилъ новый наступательный способъ дѣйствій. Опираясь на извѣстія, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ, онъ предложилъ въ теченіи ночи перевести всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться на встрѣчу непріятелю, ослабленному отдѣленіемъ этихъ корпусовъ *). „Мы непремѣнно разобьемъ его, объявимъ опъ съ самоувѣренностью, и тогда онъ будетъ вынужденъ притянуть къ себѣ тѣ корпуса, дабы они не были отрѣзаны нами“.

„Объ этомъ слѣдовало-бы подумать ранѣе и сообразно съ тѣмъ размѣстить войска, замѣгилъ съ горечью Барклай. Время еще не было упущено, когда я въ первый разъ объяснялъ вамъ невыгоды позиціи; но теперь уже поздно, ночью нельзя передвигать войска по непроходимымъ рвамъ, и непріятель

*) Вся рѣчь Бенингсена и новый планъ, предложенный имъ, находятся въ письмѣ его къ Императору Александру изъ Вильны отъ 19 января 1813 г. Къ письму приложена выписка изъ записокъ Бенингсена о военномъ совѣтѣ въ Фляхъ

могъ-бы ударить на насъ, прежде нежели мы успѣли-бы размѣстить войска въ новомъ положеніи. При томъ, наша армія по храбрости, сродной нашимъ войскамъ, можетъ сражаться съ непріателемъ въ позиціи и отразить его, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріателя. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что почти всѣ части арміи потеряли своихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, и что многіе полки находятся подъ командою неопытныхъ капитановъ“ *). Кутузовъ не безъ тайнаго удовольствія выслушалъ эти послѣднія замѣчанія Барклая. Съ свойственною ему ѣдкою ироніею онъ сослался въ подтвержденіе словъ Барклая на примѣръ Фридрихсбургскаго сраженія. Бенингсенъ съ своей стороны находилъ страннымъ мнѣніе главнокомандующаго первой арміи, что русскія войска не въ состояніи исполнить предложеннаго имъ движенія, и пахидилъ, что это движеніе вовсе не такъ трудно и сложно, а напротивъ очень легко и просто **).

Дошла очередь до другихъ членовъ совѣта. Первый подалъ свой голосъ генераль Дохтуровъ. Превосходный боевой генераль, но крайне плохой стратегъ, онъ говорилъ единственно подъ вліяніемъ патріотическаго горя, наполнявшаго все его существо. Уже во время рѣчи Бенингсена онъ кивалъ ему одобрительно головою и подалъ вслѣдъ затѣмъ голосъ за его мнѣніе. „Волосы подымались у меня дыбомъ“,—говорилъ онъ впоследствии,—„при одной мысли объ оставленіи Москвы“. „Я въ отчаяніи, писалъ онъ на другой день женѣ, что оставляютъ Москву. Какой ужасъ: мы уже по сю сторону! Я прилагаю все стараніе, чтобы идти врагу на встрѣчу. Бенингсенъ былъ того-же мнѣнія; онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы увѣрить, что единственнымъ средствомъ не уступать столицы было-бы встрѣтить непріателя и сразиться съ нимъ. Но это отважное дѣйствіе не могло подѣйствовать на этихъ малодушныхъ людей. Какой стыдъ для русскихъ покинуть отчизну безъ малѣйшаго ружейнаго выстрѣла и безъ боя! Я взбѣшенъ, но что-же дѣлать!“ ***). Коновницынъ, молодой, неустрашимый воинъ, но

*) Отвѣтъ Барклая въ его запискѣ, стр. 27.

***) См. письмо Бенингсена Императору Александру.

***) Письмо Дохтурова къ женѣ отъ 3-го сентября 1812 г. „Русскій Архивъ“

не испытанный, по замѣчанію Ермолова, въ способности обнимать обширныя и многосложныя соображенія, также согласился съ мнѣніемъ Бенингсена и совѣтовалъ немедленно-же атаковать непріятеля *). Генераль Остерманъ наоборотъ опровергалъ предложеніе Бенингсена и въ заключеніе спросилъ его: „можетъ-ли онъ въ случаѣ сраженія поручиться за нашу побѣду?“ **). Бенингсенъ, крайне раздраженный этимъ страннымъ вопросомъ, отвѣчалъ, что подобныхъ требованій нельзя предъявлять къ одному человѣку; что побѣда можетъ зависѣть лишь отъ храбрости нашихъ солдатъ и умѣнья нашихъ генераловъ. Раевскій, прибывшій къ концу совѣщанія, высказался рѣшительно въ пользу отступленія. „Россія не въ Москвѣ, — замѣтилъ онъ, — а среди сыновъ ея. Болѣе всего надо беречь войско. Мое мнѣніе оставить Москву безъ сраженія. Я говорю какъ солдатъ. Князь Михаилъ Илларионовичъ одинъ можетъ судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ произвести извѣстіе о занятіи Москвы непріятеlemъ“ ***). Полковникъ Толь, замѣтивъ, что армія не можетъ удержаться въ позиціи, избранной Бенингсеномъ, предлагалъ немедленно-же оставить ее и расположить армію правымъ флангомъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Калужской дорогѣ, по направленію между деревнями Шатиловымъ и Воронцовымъ, и изъ этой позиціи отступить, буде потребуютъ обстоятельства, по старой Калужской дорогѣ ****). Дошла очередь до Ермолова. Всѣ ожидали, что онъ согласно съ прежнимъ своимъ мнѣніемъ выскажется въ пользу отступленія; но Ермоловъ, по собственнымъ своимъ словамъ, какъ офицеръ не довольно еще извѣстный, не рѣшился подать свой голосъ въ пользу оставленія Москвы, страшась обвиненія соотечественниковъ. Этотъ

1874 г. кн. 5, стр. 1098. Въ дальнѣйшихъ строкахъ этого письма выражается сильнѣйшее отчаяніе: „Теперь я увѣренъ, что все кончено, и въ такомъ случаѣ ничто не можетъ удержать меня на службѣ; послѣ всѣхъ непріятностей, трудовъ, дурнаго обращенія и безпорядковъ, допущенныхъ по слабости начальниковъ, — послѣ всего этого ничто не заставитъ меня служить; я возмущенъ всѣмъ, что творится“.

*) См. Ермоловъ, записки, т. I, стр. 212.

***) См. записки Барклая, стр. 27.

****) Раевскій. Письмо къ генералу Жюмпиш.

*****) Bernhardi. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 141 и 142.

страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ побудилъ даже Ермолова сдѣлать предложеніе атаковать непріятеля, — предложеніе, вполне неосновательное, по его собственному сознанію *). Двупersonность Ермолова вывела даже изъ себя столь спокойнаго Кутузова. „Такія мнѣнія: можетъ высказывать лишь тотъ, на комъ не лежитъ никакой отвѣтственности“, — замѣтилъ онъ рѣзко.

Такъ раздѣлились мнѣнія на совѣтѣ. Не могло быть и рѣчи о какомъ-бы то ни было подавляющемъ большинствѣ въ пользу отступленія, — большинствѣ, давленіе котораго могло-бы оправдать Кутузова и помочь ему свалить всю отвѣтственность за оставленіе Москвы на другихъ лицъ. Слова Ермолова, что Кутузовъ не могъ скрывать удовольствія, что оставленіе Москвы было требованіемъ, не дающимъ мѣста его волѣ, лишены всякаго историческаго основанія. Если какое-либо рѣшеніе, то именно это вытекало прежде всего изъ личной воли главнокомандующаго. Было уже поздно, когда Кутузовъ закрылъ засѣданіе совѣта слѣдующими знаменательными словами: „съ потерей Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностью поставляю себѣ сохранить армию, сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе, и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить неизбежную гибель непріятелю. Поэтому я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность падаетъ на меня, но жертвую собою для спасенія отечества. Приказываю отступать“ **).

Вѣсть о рѣшеніи главнокомандующаго оставить Москву, не смотря на поздній часъ, быстро распространилась между войсками. Чувство великой, несказанной скорби овладѣло всѣми сердцами. Стыдно было смотрѣть другъ на друга. Казалось,

*) „Не защищая мнѣнія моего, вполне неосновательнаго, предложилъ я атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ безпрерывнаго отступленія не располагать его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; что внезапно сіи при переходѣ войскъ его въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними болше замѣпательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться и что это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ“. Записки Ермолова, т. I, стр. 212.

***) Военный журналъ полковника Толя, поди. 1-мъ сентября.

что Россія отрекалась отъ самой себя, что она сознавалась въ своемъ безсиліи и складывала оружіе предъ гордымъ побѣдителемъ *). Кутузовъ самъ отлично сознавалъ всю великую тягость принятаго имъ рѣшенія. Тяжелыя мысли не давали ему покоя, гнали отъ него сонъ. Всю ночь слышалась его тяжелая походка по половицамъ избы. Слезы струились по щекамъ стараго вождя, глухіе стоны, подавленные рыданія вырывались по временамъ изъ его груди **).

Уже тотчасъ послѣ совѣта, Кутузовъ извѣстилъ графа Раstopчина о своемъ рѣшеніи слѣдующимъ письмомъ: „Непріятель, отдѣливъ свои колонны на Звенигородскъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе принуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу; посему покорно прошу ваше сіятельство прислать мнѣ, съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ, сколько можно болѣе полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армию провести черезъ разныя дороги на Рязанскую дорогу“ ***).

Спрашивается, могло ли это письмо быть страшною неожиданностью для московскаго главнокомандующаго, какъ увѣрялъ онъ въ этомъ неоднократно. Раstopчинъ сомнѣвался, правда, въ возможности оставленія Москвы даже и послѣ Бородинскаго сраженія, но его сомнѣнія разсѣялись окончательно еще до свиданія его съ Кутузовымъ въ Филяхъ. Еще 30 августа утромъ московскаго главнокомандующаго посѣтилъ Глинка. „Ваше сіятельство,—объявилъ онъ ему,—я отправилъ свое семейство“.—„Я отправилъ уже своихъ“ ****),—отвѣчалъ Раstopчинъ и слезы блеснули у него на глазахъ. „Сергѣй Николаевичъ, станемъ говорить, какъ сыны отечества. Что вы думаете, если Москва будетъ сдава?“—„Вамъ извѣстно, что я отважился объявить это 15 іюля въ залѣ дворянскаго собранія; но, скажите графъ откровенно, какъ будетъ сдава Москва, съ кровью или безъ крови?“—„Безъ крови“,—отвѣчалъ

*) См. Граббе, Памятныя Записки. „Русскій Архивъ“ 1873 г. № 3.

***) См. Записки артиллериста, часть I, стр. 175.

***) Письма князя Кутузова. „Русскій Архивъ“ 1875, стр. 272.

****) См. трогательную картину прощанія графа съ семействомъ у Сенюра. *Vue du c-te Rastopschine*, стр. 201.

законически графъ Растопчинъ. При этомъ словѣ Глинка всталъ, и, указывая на карту Россіи, сказалъ: „сдача Москвы отдѣлитъ ее отъ нашихъ полуденныхъ областей. Гдѣ же армія, къ оборонѣ ихъ, займетъ позицію?“ — „На старой Калужской дорогѣ, гдѣ и село мое Вороново; я сожгу его“ *).

Какая-то отчаянная рѣшимость начала овладѣвать уже съ этого дня московскимъ главнокомандующимъ, но къ этой рѣшимости продолжала примѣшиваться какая-то фальшь, какое-то двуличіе, искони свойственное его натурѣ. Онъ собирался съечь не одно только Вороново, но и самую Москву, онъ хотѣлъ возбудить противъ непріятеля московскую чернь, русскихъ поселянъ. но продолжалъ въ то-же время толковать о предстоящемъ сраженіи подъ стѣнами Москвы и о вѣроятности побѣды. Въ Филяхъ онъ обратился къ Ермолову съ такими словами: „не понимаю, для чѣго усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежащія казнѣ сокровища и все имущество вывезены; изъ церквей за исключеніемъ немногихъ взяты драгоцѣнности, богатые золотые и серебряные украшенія; спасены важнѣйшіе государственные архивы; многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ останется до пятидесяти тысячъ самаго бѣднѣйшаго народа, не имѣющаго другаго пріюта. Если безъ боя оставите вы Москву, то увидите ее за собою пылающую“ **).

Итакъ графъ Растопчинъ не только примирился съ мыслью объ оставленіи Москвы, но даже настаивалъ на ней еще 31 августа. И тѣмъ не менѣе тотъ-же самый Растопчинъ пришелъ въ негодованіе, получивъ поздно вечеромъ 1 сентября приведенное выше письмо Кутузова. Онъ спѣшилъ увѣдомить прежде всего Государя о страшномъ преступленіи главноко-

*) Глинка, Записки о 1812 г. стр. 53—56.

***) Почти тоже самое говорилъ гр. Растопчинъ и принцу Евгенію Виртембергскому: „если-бы спросили меня, то я воскликнулъ-бы: истребите столицу прежде, чѣмъ отдавать ее непріятелю. Таково мнѣніе графа Растопчина. Что касается до правителя города, обязаннаго заботиться объ его спасеніи, то онъ не можетъ, разумѣется, дать такого совѣта“. Записки принца Евгенія. Т. II.

мавдующаго. „Государь! Въ то время, когда я отпраплялъ къ Вамъ мое донесеніе, прѣхалъ ко мнѣ адъютантъ князя Кутузова съ требованіемъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, которые должны провести армію на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Такимъ его поступкомъ рѣшается участь этой столицы и Вашей имперіи, которая задрожитъ отъ гнѣва, когда узнаетъ, что онъ отдаетъ непріятелю городъ, въ которомъ заключалось величіе Россіи и гдѣ покоится прахъ Вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею; я все вывезу, и мнѣ ничего другаго не остается, какъ плакать о судьбѣ моего отечества и Вашей“ *).

Изъ свидѣтельствъ самого графа Растопчина оказывается, однако-же, что у него было еще достаточно дѣла въ Москвѣ. Отрядивъ къ Кутузову требуемыхъ полицейскихъ офицеровъ и приказавъ полиціимейстеру немедленно-же выѣхать изъ Москвы со всѣми своими командами и пожарнымъ обозомъ, графъ отправилъ къ московскому архіепископу Высочайшее повелѣніе немедленно-же выѣхать изъ Москвы и взять съ собою двѣ чудотворныя иконы Божіей Матери. Важнѣйшія церковныя сокровища Москвы приготовлены были уже къ вывозу, но только 31 августа московскій главнокомандующій прислалъ къ викарію московскому 300 подводъ. На этихъ подводахъ отправлены были въ слѣдующую ночь въ Вологду патріаршая ризница и библіотека, ризницы соборовъ, Троицкой Лавры и нѣкоторыхъ другихъ монастырей, дѣла консисторіи и синодальной канцеляріи. Пресвященный Августинъ хотѣлъ спасти драгоцѣнности, оставшіяся въ Успенскомъ соборѣ, св. мощи и чудотворныя иконы; но графъ Растопчинъ не соглашался на это, чтобы не произвести унынія въ народѣ, какъ заявлялъ онъ официально **). Въ дѣйствительности онъ руководился

*) Письмо гр. Растопчина къ Императору отъ 1 сентября 1812 года. „Русскій Архивъ“ 1875, кн. II, стр. 273.

**.) Когда митрополитъ Платонъ спросилъ игумена Церервинскаго монастыря, „все-ли онъ спасъ изъ монастырскихъ сокровищъ“, и игумень отвѣтилъ ему: „все лучшее и драгоцѣнное; оставилъ только серебряныя лампы въ церквахъ, чтобы не произвести унынія въ народѣ“,—то митрополитъ возразилъ ему: „ступай скорѣе, возьми все и увези; когда тать идетъ, тогда къ чему такіе расчеты“. Снегиревъ. „Жизнь митрополита Платона“, часть II, стр. 48—49.

инными мотивами. Онъ самъ дѣлалъ съ своей стороны въ послѣдніе дни все, чтобы возбудить страсти той бѣдной и отчаянной массы, которая одна, по словамъ его, оставалась еще въ это время въ Москвѣ; онъ самъ наблюдалъ теперь за грозными призраками возникающаго волненія и невольный страхъ закрадывался по временамъ въ его душу. Въ тотъ самый день, когда московскій архіепископъ просилъ его разрѣшенія вывести изъ Москвы сокровища Успенскаго собора, на улицахъ столицы распространилось уже послѣднее воззваніе графа „на Три Горы“, гласившее такъ: „Братцы, наша сила многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву, но надо пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжелой своихъ выдавать. Москва наша мать, она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба. Идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ-же на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ“ *). Выставляя это воззваніе, графъ Растончинъ полагалъ, что въ Москвѣ ничего особеннаго вслѣдствіе его не произойдетъ, но онъ думалъ, что оно должно вразумить нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, въ случаѣ занятія Москвы непріателемъ **).

*) См. „Русскій Архивъ“ 1875 г., кн. 10, стр. 195. За день передъ этимъ явилась еще другая прокламація графа, въ которой онъ объявляетъ москвичамъ, что Кутузовъ будетъ защищать Москву до послѣдней капли крови и взывалъ къ истребленію непріятеля. „Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся. Я клянчю кликну дня за два, а теперь не надо и я молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиною, а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжелъ своа аржанаго“ и т. д. См. Бестужевъ-Рюминъ. „Краткое описаніе происшествій въ Москвѣ“. Читенія Об. ист. и др. 1859. Смѣсь стр. 32.

**.) Подавая это воззваніе Глинкѣ и поручая немедленно напечатать, графъ Растончинъ добавилъ: „у насъ на Трехъ Горахъ ничего не будетъ; но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву“ Глинка, записки о 1812 г. стр. 53.

Первыя послѣдствія прокламаціи были, однако-же, совершенно иныя, и во всякомъ случаѣ крайне непріятныя для самого графа. Чернь начала бушевать на улицахъ, разбивать кабаки. Повсюду появились толпы пьянаго, буйнаго народа; вездѣ слышался дикій крикъ, происходила драка. Буйныю останавливали прохожихъ, спрашивая, гдѣ непріятель? Въ Серебряномъ ряду толпа схватила какихъ-то двухъ вѣмцевъ, начала кричать, что они шпіоны и избивала ихъ до полусмерти *). Народъ, очевидно, принялъ къ сердцу воззваніе графа. Бѣдняки дѣйствительно готовились умирать за отечество, для его спасенія приносили они въ жертву свои послѣдніе гроши. За послѣднія деньги покупали они у торговцевъ, не упускавшихъ и въ этотъ день своихъ выгодъ, старое, верѣдко никуда негодное оружіе **). Многіе запаслись такимъ способомъ ружьями и пиками, другіе вооружились вилами и топорами. Всѣ стремились, вѣря словамъ графа, на предмѣстье Три Горы, „чтобы спасти, говоритъ очевидецъ, отъ наступающаго врага Москву, колыбель православія и гробы праотцевъ“. Повсюду раздавались восторженные крики: „да здравствуетъ батюшка нашъ, Александръ!“ Собралась такая масса народа, что онъ занималъ пространство въ 4 или 5 квадратныхъ верстѣ. „Трудно было, какъ говорится, яблоку упасть. Отъ восхода до захода солнца народъ терпѣливо ожидалъ прибытія своего вожда, но графъ Расточинъ не являлся и всѣ съ уныніемъ разошлись по домамъ“. На другой день буйство народное возобновилось еще съ большею силою. „Невозможно описать его“, — замѣчаетъ очевидецъ ***). Въ этотъ день, т. е. 1-го сентября, когда церковь празднуетъ новолѣтіе и молится о лѣтѣ Господнемъ благопріятномъ, преосвященный Августинъ служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. Соборъ былъ полонъ народа и слышались рыданія. Зарыдалъ и самъ преосвященный, когда, складывая антиминосъ, сказалъ: „скоро-ли снова Господь удостоитъ насъ

*) Бестужевъ-Рюминъ: „Словомъ, Москва въ этотъ день была какъ-бы безъ начальства“, стр. 82.

**) „Съ какимъ сердечнымъ уныніемъ взиралъ я на православный русский народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ“. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 83.

***) Бестужевъ-Рюминъ, стр. 83.

служить въ этомъ храмѣ“. По окончаніи литургіи, архіепископъ поѣхалъ въ свое подворье на Тверскую; но и тамъ осадили его толпы народа, освѣдомляясь, когда поѣдетъ онъ на Три Горы. Испуганный архіепископъ приказалъ затворить ворота, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣднихъ приказаній Растопчина. Часы тянулись за часами въ томительной неизвѣстности; только въ полночь графъ увѣдомилъ, наконецъ, архіепископа, что онъ долженъ немедленно-же выѣхать изъ Москвы на Владиміръ и взять съ собою три иконы Божіей Матери—Владимірскую, что въ Успенскомъ соборѣ, Иверскую и Смоленскую. Преосвященный немедленно-же собрался въ путь. Но какъ было взять Иверскую икону? Часовня была ярко освѣщена всю ночь и наполнена молящимися. Игуменъ Перервинскаго монастыря, отправленный за иконою, принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ приказалъ жившему при часовнѣ іеромонаху облачиться въ священническія одежды, нести передъ иконою зажженные свѣчи и объявить, что онъ несетъ икону къ болящему. Толпа, не подозрѣвая обмана, пропустила икону. Уже въ два часа утра архіепископъ выѣхалъ изъ Москвы, увозя съ собою на 14 подводкахъ все, что удалось ему захватить въ торопяхъ *). Громадное количество церковныхъ сокровищъ осталось, вопреки словамъ графа Растопчина, въ Москвѣ, на жертву неприятелю. Не ясно-ли, что и для графа оставленіе Москвы было полною неожиданностью?

На долю графа падаетъ и еще другое болѣе тяжелое обвиненіе. Въ Москвѣ, объявилъ Наполеонъ, брошено было русскими въ госпиталяхъ безъ помощи, безъ пищи, болѣе 30,000 раненныхъ и больныхъ солдатъ **), и всѣ эти несчастные погибли въ пламени, французы не въ состояніи были спасти ихъ. Иностранцы писатели повторяли и повторяютъ вслѣдъ за Наполеономъ это тяжкое обвиненіе. Даже Бернгарди говоритъ, что болѣе 10,000 русскихъ раненныхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы, погибли въ пламени пылающей Москвы ***).

*) Снегиревъ. „Очерки жизни пр. Августина“, стр. 31—34. Записки Перервинскаго игумена о. Лаврентія (въ ж. „Маякъ“ за 1842).

**) См. 19 и 20 бюлетени великой арміи.

***) Berghardi. Toll's Denkwürdigkeiten. T. II, стр. 143.

Растопчинъ пытался въ свое время и не безъ успѣха опровергнуть брошенное на него обвиненіе. Изъ его записокъ *) мы узнаемъ, что имъ приготовлены были заранѣе для увоза раненныхъ изъ Москвы 5000 подводъ. Подводы эти были расположены у одной изъ городскихъ заставъ на лугу, подъ надзоромъ довольно значительной стражи. Получивъ отъ Кутузова письмо съ извѣщеніемъ объ оставленіи Москвы, Растопчинъ немедленно-же отдалъ приказъ отправить подводы къ госпиталямъ, размѣстить на нихъ сколько возможно раненныхъ и вывезти ихъ изъ Москвы въ Коломну, гдѣ ожидали ихъ уже барки и всякая помощь. На подводахъ помѣстилось около 20,000 человѣкъ, тысячи другихъ раненныхъ слѣдовали за ними пѣшкомъ. Одни только тяжело раненные рѣшились, по словамъ графа, оставаться въ Москвѣ и ожидать тамъ непріятеля и смерти. Сколько-же было этихъ несчастныхъ? Растопчинъ говоритъ 2000, изъ нихъ по возвращеніи въ Москву онъ нашелъ въ живыхъ всего 300. Изъ другихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, однакоже, что въ Москвѣ осталось и много другихъ раненныхъ, которые желали и могли выѣхать изъ Москвы, но для которыхъ не хватило подводъ, или о которыхъ вовсе забыли среди всеобщей, страшной суматохи. Въ Голицынской больницѣ, напримѣръ, лежало множество раненныхъ, которыхъ бросили на произволъ судьбы еще за нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ столицу, которыхъ не посѣщали доктора, за которыми не присылали никакихъ подводъ **). Что было дѣлать этимъ несчастнымъ? Нанять лошадей на свой счетъ и уѣхать изъ Москвы могли лишь немногіе. Другіе должны были или покориться своей участи и умирать голодной смертью, или-же, собравъ остатокъ послѣднихъ силъ, тащиться вслѣдъ за отступающими войсками. Видъ этихъ несчастныхъ производилъ потрясающее впечатлѣніе на войска. Стоны и жалобы несчастныхъ товарищей раздирали душу солдатъ и офицеровъ. Съ негодованіемъ задавали они себѣ во-

*) и сочиненія „Правда о пожарѣ Москвы“, стр. 232—234.

***) Объ этомъ свидѣтельствуетъ А. С. Норовъ, раненный при Бородинѣ и находившійся самъ въ Голицынской больницѣ. С. Норова „Война и Миръ“, по поводу сочиненія гр. Толстаго, стр. 40.

прось, почему не позаботились заблаговременно о спасеніи этихъ людей? Неужели не было для этого необходимыхъ средствъ, неужели Москва, столь великодушная на пожертвованія всякаго рода, не подала-бы на этотъ разъ руку помощи? А какъ не подумали объ этомъ вопросѣ заблаговременно лица начальствующія? Развѣ они не понимали, что солдатъ можетъ еще объяснить себѣ оставленіе раненныхъ на покинутомъ полѣ сраженія, но что сердце его обольется кровью при видѣ товарищей, брошенныхъ на произволъ судьбы, среди обилія и избытка средствъ колоссальной столицы *).

Люди, разсуждавшіе такимъ образомъ въ простотѣ души, упустили, однако-же, изъ виду два важныхъ обстоятельства. Они забывали или не знали вовсе, что оставленіе Москвы было такою-же неожиданностью для главнокомандующихъ, какъ и для нихъ самихъ. Они не могли также знать, что у московскаго главнокомандующаго были и другія дѣла кромѣ заботы о спасеніи раненныхъ, и что эти дѣла имѣли для него, очевидно, первостепенную важность. Какъ ни увѣрялъ графъ Растопчинъ, что большинство жителей давно уже уѣхало изъ Москвы, но изъ его собственнаго разсказа оказывается, что дѣло было далеко не такъ. Выселенія изъ Москвы начались, правда, довольно давно, но они вовсе не были такъ многочисленны, какъ казалось это на первый взглядъ. Уѣхали только одни люди состоятельные, но масса рабочихъ и почти весь

*) „Душу мою раздиралъ стонъ раненныхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Въ городѣ Гжатскѣ Кутузовъ далъ недуманное повелѣніе свозить отовсюду большихъ и раненныхъ въ Москву, которыхъ она до тѣхъ поръ не видела, и болѣе двадцати тысячъ ихъ туда отправлено. Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска. На полѣ сраженія иногда видятъ солдатъ остающихся товарищей, не разумѣетъ другой причины, какъ недостатокъ средствъ къ ихъ сохраненію. Но въ Москвѣ, гдѣ есть способы успокоить раненаго война, жизнь искупящаго отечество, гдѣ богачъ въ нѣгѣ вкушаетъ покой за твердою его грудью, гдѣ подъ облака возносятся чертоги его, воинъ омываетъ кровію своею послѣднія ступени его лѣстницы, или пестощаетъ силы на каменномъ помостѣ двора его. Оскорбительное равнодушіе столицы къ бѣдственному состоянію солдатъ не охладило, однако-же, усердія ихъ, и всѣ готовы были на ея защиту“. Ермоловъ, Записки, т. I, стр. 214 и 215. Свидѣтельство Ермолова подтверждается и словами Клаузевица, приводимыми нами ниже. Наконецъ, изъ письма самого Кутузова къ генералу Бертье мы узнаемъ, что въ Москвѣ было оставлено девять тысячъ раненныхъ и больныхъ нашихъ воиновъ. См. ниже.

средній классъ населенія оставались еще въ городѣ. Теперь, когда всѣ иллюзіи разсѣялись, когда исчезла послѣдняя надежда, когда отступающіе войска наши начали проходить черезъ городъ, масса москвичей, пораженная паническимъ страхомъ, бросилась вслѣдъ за войсками. Но далеко не у всѣхъ бѣглецовъ были средства, необходимыя для бѣгства. И вотъ, болѣе немощіе и смѣлые изъ нихъ начинаютъ осаждать своими просьбами и требованіями главнокомандующаго. Люди всѣхъ званій и состояній тѣснятся въ его пріемныхъ. Одни просятъ денегъ, другіе подводъ. Полицейскіе офицеры приводятъ и приносятъ несчастныхъ, малолѣтнихъ дѣтей, брошенныхъ своими родителями въ Москвѣ. Графъ старается помочь всѣмъ и каждому. Щедрою рукою разбрасываетъ онъ деньги, но его помощь является все-таки подъ конецъ и недостаточною и несвоевременною *).

Подвиги благотворительности не мѣшаютъ, однако-же, графу заниматься дѣлами полицейскаго и даже карательнаго свойства. Онъ избираетъ изъ числа полицейскихъ чиновъ шесть надежныхъ человекъ, которые должны оставаться въ Москвѣ въ качествѣ его шпионовъ. Въ самую послѣднюю минуту онъ вспоминаетъ о Верещагинѣ. Его возмущаетъ мысль, что этотъ страшный преступникъ можетъ остаться безнаказаннымъ, и онъ вдругъ останавливается на мысли отдать его на жертву раздраженному народу **).

*) „Я сдѣлалъ все возможное, говоритъ Растончинъ, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ несчастныхъ. Что касается до денегъ, то я растратилъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы и очень богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень бѣднымъ человекомъ, потому что у меня было 130,000 экстраординарной суммы, оставшейся у меня, и 630 р. собственныхъ денегъ. Къ счастью мысль о томъ, гдѣ ихъ достать впоследствии, въ это время не приходила въ голову“. „Правда о пожарѣ Москвы“, стр. 220.

**) Дѣло Верещагина лежитъ во всякомъ случаѣ самымъ чернымъ пятномъ на памяти гр. Растончина. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что все преступленіе Верещагина заключалось въ томъ, что онъ перевелъ изъ нѣмецкихъ газетъ письмо и прокламацію Наполеона на русскій языкъ. Врядъ-ли можно также сомнѣваться, что убійство Верещагина рѣшено было отчасти и для того, чтобы облегчить графу выѣздъ изъ Москвы. Противъ этого послѣдняго обвиненія возстаетъ съ особенною энергіею князь П. А. Вяземскій въ своей статьѣ: „Характеристическія воспоминанія и замѣтки о гр. Растончинѣ“. Доводы Вяземскаго, основанные на личномъ знаніи характера графа, не могутъ быть, однако-же, признаны убѣдительными. См. „Русскій Архивъ“ за 1877 г., кн. II, стр. 69.

вести и его самого изъ довольно затруднительнаго положенія. Уже пробило 9 часовъ утра, уже большая часть арміи прошла черезъ городъ, уже графу пора было подумать о собственномъ отъѣздѣ, а между тѣмъ у его крыльца толпились громадныя толпы народа, все еще ожидавшія, что Растопчинъ поведетъ ихъ на Три Горы, на встрѣчу врагу. Шутить съ этими людьми, ускользнуть въ виду ихъ, было, очевидно, крайне опасно. Надо было отвлечь ихъ вниманіе въ другую сторону, надо было дать имъ работу. И вотъ Растопчинъ приказываетъ привести къ себѣ изъ тюрьмы Верещагина и французъ Мутона, приговореннаго уже уголовною палатою, за революціонныя выходки, къ наказанію плетями и ссылкѣ въ Сибирь. Въ сопровожденіи этихъ двухъ арестантовъ выходитъ онъ на крыльцо. Толпа, въ которой было много пьяныхъ, встрѣчаетъ его громкими криками: „на Три Горы!“—„Подождите братцы, восклицаетъ громогласно Растопчинъ: мнѣ надо еще управиться съ измѣнниками!“ Толпа замираетъ въ ожиданіи. Вслѣдъ затѣмъ графъ обращается къ Верещагину. Онъ упрекаетъ его въ преступленіи тѣмъ болѣе ужасномъ, что изъ всего народонаселенія Москвы нашелся онъ одинъ, который хотѣлъ продать отечество; онъ объявляетъ ему, что сенатъ приговорилъ его къ смерти, и что приговоръ долженъ быть исполненъ надъ нимъ сію-же минуту. Покончивъ эту рѣчь, графъ хватаетъ несчастнаго за руку и громко кричитъ народу: „вотъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!“ Блѣдный, дрожащій Верещагинъ не остается однако-же нѣмымъ и безотвѣтнымъ. „Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!“—говоритъ онъ громко. Растопчинъ спѣшитъ зажать ему ротъ. Онъ подаетъ сигналъ и ординарецъ Бурдаевъ наноситъ несчастному ударъ саблею въ голову. Верещагинъ падаетъ, обливаясь кровью. Толпа бросается на него, какъ стадо разъяренныхъ волковъ. Его осыпаютъ ударами, душатъ, терзаютъ, волокутъ его трупъ по улицамъ *).

* Убийство Верещагина изложено въ текстѣ на основаніи рассказовъ самого Растопчина и Бестужева-Рюмина. Оба свидѣтельства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ. См. „Русскій Архивъ“ за 1875 г., кн. II, стр. 285--86; чтенія Общ. ист. и др. 1859 г. Смѣсь, стр. 85.

забыла про Три Горы, про близкаго непріятеля, ей надо ухнуть до сыта кровью своей жертвы! Для Растопчина наступает желанная минута. Поспѣшно обращается онъ къ другому арестанту Мутону. „Я оставляю тебѣ жизнь,—говоритъ онъ ему: ступай къ своимъ и скажи имъ, что несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ русскихъ измѣнникъ своему отечеству“. Мутонъ, не ожидавшій подобной милости и творившій молитву въ ожиданіи смерти, бросился бѣжать какъ безумный. Никто не обратилъ на него вниманія, не смотря на то, что онъ былъ въ арестантской одеждѣ, безъ шапки и съ молитвенникомъ въ рукахъ. Толпа, видно, была совершенно поглощена своимъ дѣломъ. Она забыла о самомъ Растопчинѣ. Графъ сѣлъ на лошадь и спокойно выѣхалъ со двора и изъ улицы, гдѣ находился его домъ. „Ни разу, говоритъ онъ самъ, не обернулъ я назадъ головы, чтобы не смущать себя прошлымъ. Я закрылъ глаза предъ настоящимъ, которое было ужасно, и передъ страшнымъ будущимъ“.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

Лѣтопись важнѣйшихъ событій и явленій церковной жизни за прошедшій годъ.

Чаянія и желанія нѣкоторыхъ ревнителей православія.—Новая секта—штундисты.—Борьба Церкви съ расколомъ.—Собесѣдованія въ Москвѣ.—Православіе на окраинахъ Россіи: въ западныхъ губерніяхъ и остзейскихъ.—Миссія.—Реформы духовно-учебныхъ заведеній: законъ объ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ.—Заключеніе.

Нѣкоторые изъ ревнителей православія, желающіе приблизить день торжества православной истины, истощаются въ усиліяхъ на этомъ поприщѣ. Нужно открыть путь православной истинѣ въ міръ инославный. И вотъ нѣкоторые пришли къ мысли о благовременности созванія вселенскаго собора, который своимъ высокимъ авторитетомъ можетъ содѣйствовать воссоединенію съ Церковію ослѣвленныхъ отщепенцевъ православія, а также не можетъ остаться безъ вліянія и на отношеніе къ православію западныхъ исповѣданій. Но какъ-бы много ни накопилося дѣлъ, въ рѣшеніи которыхъ голосъ вселенскаго собора можетъ имѣть созидающее дѣйствіе, важно то, что трудно доказать возможность его созванія, въ виду мнѣнія знаменитаго богослова Русской Церкви, покойнаго митрополита Филарета, изрекаго, что „съ тѣхъ поръ какъ христіанство раздѣлилось на двѣ несоединенныхъ половины (на Западную и Восточную Церковь), вселенскихъ соборовъ не можетъ быть, доколѣ не послѣдуетъ общаго соединенія *). Другіе **), желая содѣйствовать будущему воссоединенію церквей, обращаются съ совѣтами къ русскому пастырству—искать сво-

*) О римск. катол., Смирнова. „Правос. Обзорніе“ окт. 1884 г.

**.) В. В. Соловьевъ.

боднаго и широкаго общенія съ церковными силами Запада на почвѣ совокупнаго, общими силами направляемаго, изслѣдованія церковно-историческихъ и богословскихъ вопросовъ, служащихъ предметомъ спора между церквами, устранивъ взаимныя упреки въ пристрастіи и односторонности и тѣмъ очищать путь къ соединенію церквей. Такія желанія, безъ сомнѣнія, исходятъ изъ православныхъ сердець, ревнующихъ о торжествѣ православной истины. Еще одинъ недавно умершій русскій писатель *) сказалъ, что Западъ сказалъ намъ правду человѣческую, а Востоку предстоитъ возвѣстить правду Божию; всѣ православные присоединятся къ этимъ чаяніямъ, но совокупить разсѣяныя и обратить заблудшія можетъ одинъ Господь Богъ. Бывшіе въ 70-хъ годахъ конгрессы старо-католиковъ, на которыхъ присутствовали и православные богословы, возлагавшіе большія надежды на это, оказавшееся безплоднымъ, движеніе, показываютъ, какъ мало значатъ человѣческія усилія въ этомъ дѣлѣ.

Важный вопросъ для Русской Церкви составляетъ борьба съ недавно появившейся сектой—штундой. О ней богатый матеріалъ мы находимъ въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ за настоящій годъ (ст. Петрушевскаго).

Относительно источника штундизма мнѣнія расходятся. По одному мнѣнію, штундизмъ есть не иное что, какъ баптизмъ, занесенный въ нѣмецкія поселенія нашего юга изъ Германіи, именно изъ Гамбурга—средоточія баптизма, откуда направлены были его пападенія на Россію. Лютеранское духовенство боролось съ распространеніемъ баптизма на Волыни и въ Новороссійскомъ краѣ еще въ то время, когда миссіонерская дѣятельность баптизма направлена была противъ нѣмцевъ. Баптистскіе миссіонеры, по распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора Коцебу, были высланы изъ Россіи, но основались въ Добруджѣ, и оттуда продолжали свое дѣло присылкою книгъ, причемъ изъ Гамбурга имъ оказывалась денежная помощь. Дѣятельность баптизма среди нѣмцевъ была успѣшной. По другимъ изслѣдованіямъ, ученіе это занесено изъ Виртемберга въ Херсонскую губернію колонистами, приглашенны-

*) О. М. Достоевскій.

ми въ 1817 году, а затѣмъ проникло въ Кіевскую губернію чрезъ посредство православныхъ, жившихъ у нѣмцевъ („Русск. Мысль“, ноябрь, 1884 г.). Хотя и нельзя отрицать въ частныхъ случаяхъ нѣкотораго заимствованія отъ протестантскихъ воззрѣній, корень шундизма кроется не во внѣшнемъ заимствованіи. Увѣряютъ, что гдѣ священники обходятся съ ними мягко, шундисты исповѣдываются и причащаются у нихъ. Если это дѣлается не лицемерно, то нужно согласиться съ мнѣніемъ одного писателя (покойнаго профессора Воронова), что шундизмъ больше усвоется какъ направленіе, а не какъ доктрина. Въ основѣ шундизма, какъ и многихъ другихъ сектъ, лежитъ свойственное гордынѣ человѣческой стремленіе, внѣ союза съ св. Церковію, войти въ непосредственное общеніе съ Божествомъ, найти свой собственный и болѣе легкій путь на небо. Въ этой основѣ шундизма—и его притягивающая сила. Въ самомъ дѣлѣ, возвеличеніе личности обнаруживается въ шундизмѣ въ томъ, что послѣдователи его за правило вѣры и жизни принимаютъ одно Св. Писаніе, отвергаютъ руководство Церкви и преданія въ пониманіи Писанія, ставя судіею божественной истины свой разумъ. Утвердившись въ протестантскомъ основаніи, они отвергаютъ спасительныя таинства Церкви и установленное ея ученіе. На основаніи Дѣян. 17, 24—25 и Мѡ. 19, 17—19 они утверждаютъ, что нѣтъ нужды строить храмы, потому что спасеніе совершается исполненіемъ божественныхъ заповѣдей; собираться въ храмы для общественной молитвы нѣтъ нужды, ибо христіане должны поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ (Іоан. 4, 21—24). Почитаніе иконъ не согласуется съ христіанскимъ ученіемъ: возможно-ли изображать на иконахъ Божество, когда въ Писаніи сказано, что Богъ есть Духъ (Іоан. 4, 24), и что „мы не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образъ отъ искусства и вымысла человѣческаго“ (Дѣян. 17, 29). Почитаніе святыхъ и ихъ иконъ также противорѣчитъ Св. Писанію, ибо святые также люди (Дѣян. 10, 25—26, Апок. 9, 20). Иконопочитаніе есть не что иное, какъ идолопоклонство, существовавшее у язычниковъ и запрещенное еще въ В. З. (Псал. 134, 15—18. Псалм. 44, 9—10. Исх. гл. 20.

Послание Іереміи). Въ уничиженіе иконопочитанія штундисты примѣняютъ къ почитанію иконъ то, что говорится въ откровеніи св. Іоанна Богослова (гл. 13-я) объ „образъ звѣря“ и о „начертаніи, которое будетъ положено всѣмъ... на правую руку ихъ или на чело ихъ“ (ст. 15 и 16). Образъ звѣря, по толкованію штундистовъ, это—икона, которая въ народѣ называется образомъ; начертаніе—крестное знаменіе. Совершать на себѣ крестное знаменіе значитъ вторично распинать въ себѣ Сына Божія и ругаться Ему, утверждаютъ они на основаніи Евр. 6, 6. Для уготовленія вѣрующихъ ко спасенію пѣтъ нужды въ особыхъ лицахъ (іерархін), въ таинствѣ священства благодатію рукоположенія получающихъ власть совершать благодатныя таинства и руководствовать людей въ жизнь вѣчную, ибо всѣ христіане—родъ избранный, царственное священство (1 Петр. 2, 9). При своемъ протестантскомъ взглядѣ на спасительныя учрежденія Церкви, штундисты не опускаютъ случая, для смущенія православныхъ, высказывать осужденіе этимъ учрежденіямъ и даже обнаруживать издѣвательство надъ ними: храмы православныхъ они сравниваютъ съ капищами и синагогами; иконы, хоругви, даже св. крестъ называютъ идолами, и иногда на виду православныхъ бросаютъ ихъ на землю, топчутъ ногами и жгутъ; осуждаютъ употребленіе при богослуженіи церковно-славянскаго языка и недопущеніе въ храмахъ мѣстъ для сидѣнья, существующихъ у западныхъ христіанъ. Даже въ таинствѣ Евхаристіи они находятъ поводъ къ глумленію, выставляя на видъ церковный обычай приобщенія съ ложечки.

Не смотря на утвержденіе, что христіане должны служить Богу въ духѣ и истинѣ, штундисты имѣютъ нѣкоторый видъ богослужебнаго устройства и порядка: каждый воскресный день у нихъ бывають собранія, во время которыхъ происходитъ чтеніе Писанія и пѣніе. По временамъ совершается причащеніе или *преломленіе хлѣба*. Существуетъ у нихъ также и крещеніе, которое совершается чрезъ погруженіе, при чемъ предъ погруженіемъ у крещаемаго крестящій спрашиваетъ: вѣруетъ ли онъ въ Господа Іисуса Христа? отрицается-ли отъ сатаны и отъ православія? При погруженіи поютъ: Елицы во Христа крестистеся...

Очагъ штундизма находится въ Кіевской губерніи; но существуетъ онъ и въ Херсонской, Волынской и Подольской губерніяхъ, процикъ въ Могилевскую и Черниговскую. Въ Кіевѣ штундисты представляютъ небольшую общину (10—15 душъ), и свободно устраиваютъ свои богослужебныя собранія. По слухамъ, сообщаемымъ „Зарей“, кіевскіе штундисты намѣрены ходатайствовать о дозволеніи имъ открыть въ Кіевѣ молельню, основываясь на Высочайше утвержденномъ 3 мая 1883 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, 5-мъ пунктомъ котораго разрѣшается раскольникамъ устраивать молитвенные дома („Южн. Край“ № 1144, 1884 г.).

Другой болѣзненный наростъ на тѣлѣ Церкви—расколъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и теоретическимъ соображеніямъ, проявляетъ до сихъ поръ значительную живучесть, особенно въ поволжскихъ губерніяхъ. Въ отдаленной Сибири расколъ даже значительно распространяется: по свѣдѣніямъ за 1882 г. уклонившихся въ расколъ, напримѣръ, въ одной Томской губерніи было до 10,300 человекъ. Всѣхъ-же раскольниковъ въ этой епархіи числилось еще въ 1868 году болѣе 26,300 человекъ. Тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ расколомъ замѣчается благопріятный поворотъ. Съ 1865 года, послѣ того какъ лучшіе люди, столпы раскола, присоединились къ православію, особенно-же послѣ присоединенія іеродіакона Филарета, бывшаго бібліотекаря въ Вѣлокрилицкомъ монастырѣ, и настоятеля безпоповщинскихъ скитовъ въ Пруссіи, инока Павла,—борьба съ расколомъ оживилась. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ослабленіемъ прежняго напряженнаго отвращенія отъ православія и самозаключенія, условливаемаго стѣсненіями, раскольническая мысль получила большій просторъ и возможность стать на путь большаго безпристрастія по отношенію къ православію. А наравнѣ съ этимъ появилась и опасность, угрожающая самому существованію раскольническихъ обществъ, особенно обществъ безпоповцевъ. Вопросъ о Церкви и таинствахъ—роковой вопросъ для безпоповцевъ; лишь только мысль раскольника остановится на томъ, почему у безпоповцевъ нѣтъ священства и таинствъ, она не легко разстается съ этимъ путемъ, и иногда приводитъ къ поиманію заблужденій безпоповщинскаго толка. Оттого без-

поповщинскіе наставники стараются отъ своихъ послѣдователей удалить все то, что можетъ натолкнуть ихъ на размышленія о православной Церкви. Напр. при чтеніи книгъ за службою они приказываютъ чтецамъ пропускать тѣ мѣста, гдѣ говорится о священствѣ и причащеніи (Чт. въ О. люб. духов. пр. янв. 1884 г.) На своихъ соборахъ они также избѣгаютъ вопросовъ догматическаго свойства. На большомъ соборѣ безпоповцевъ Ѳедосіева согласія, бывшемъ недавно въ Москвѣ, произнесено осужденіе „всѣмъ пьющимъ кофе и чай со скоромнымъ сахаромъ, курящимъ табачное зеліе, брѣющимъ брады и стригущимъ власы по иноземному обычаю, но не стригущимъ маковицу, также приѣмлющимъ иноземные обычаи въ одеждѣ“ (Чт. въ О. л. д. пр. мартъ, 1884 г.). Чувствуя свое безсиліе и невѣжество, безоцовщинскіе наставники принуждены удерживать своихъ пасомыхъ въ заблужденіяхъ внушеніемъ имъ нетерпимости и отказомъ отъ разрѣшенія недоумѣній и возраженій, возникающихъ у разсудительныхъ безпоповцевъ. Когда на Ѳедосѣевскомъ соборѣ наставникъ Гаврило Васильевъ, при обсужденіи вопроса о бракѣ, вопреки мнѣнію другихъ наставниковъ, возразилъ, что принужденіе всѣхъ къ дѣвственной жизни несогласно съ заповѣдію Господнею: весь соборъ безъ разсужденія назвалъ его отступникомъ отъ отеческихъ преданій, а когда онъ сталъ защищать свое мнѣніе, соборъ лишилъ его званія наставника, и затѣмъ онъ былъ вытолканъ изъ комнаты соборнаго засѣданія (тамъ-же). Среди послѣдователей поповщинскаго толка, хотя они осязательнѣе чувствуютъ почву подъ собой и имѣютъ болѣе начитанныхъ людей, въ послѣднее время произошли также сомнѣнія и недоумѣнія. Такъ новинковскіе старообрядцы своему верховному пастырю Савватию подали 5-го іюня 1883 года нѣкоторые вопросы. „Въ успокоеніе сомнѣній,—пишутъ они, просимъ васъ, какъ попечительнѣйшихъ пастырей, дать намъ основанныя на Словѣ Божіемъ отвѣты на нижеслѣдующіе вопросы: 1) признавая прекращеніе іерархіи, этимъ не оскорбляемъ-ли мы Божество Сына Божія, обѣщавшагося пребывать съ Церковію до конца вѣка? 2) Принимая Евангеліе, но не вѣря обѣтованіямъ Спасителя, паходящимся въ немъ, можно-ли считаться

вѣрующимъ во Христа? 3) Можно-ли назвать нашу церковь святою и апостольскою? 4) Благонадежно-ли въ пей спасеніе? 5) Если и безъ священства Церковь можетъ существовать до конца вѣка, какъ Христова, то справедливо-ли мы обвиняемъ безпоповцевъ? 6) Если-же безъ священства она не Церковь Христова, то справедливо ли поповцы, не имѣющіе апостольскаго преемства, называютъ себя истинною Христовою Церковію? 7) Если епископы греко-россійской Церкви суть и наши епископы, то отдѣленіе отъ нихъ не явный-ли грѣхъ раскола“? и проч. Отвѣта на эти вопросы, обнаруживающіе уже недовѣріе къ расколу, не послѣдовало никакого. При такомъ состояніи раскольническихъ общинъ, бесѣды съ раскольниками, въ послѣднее время прочно установившіяся въ Москвѣ, наипаче-же бесѣды, руководимыя преосвященнымъ Мисаиломъ, являются какъ нельзя болѣе кстати: онѣ могутъ довести до сознательнаго стремленія къ православію безотчетное чувство неудовлетворенности, испытываемое раскольниками. И понятно. Вѣдь расколъ родился изъ-за привязанности къ обряду, и его послѣдующія мнѣнія не представляютъ сколько-нибудь стройной созидательной доктрины, могущей питать идеальныя стремленія человѣческой души, а являются лишь простымъ отрицаніемъ господствующей Церкви. На одномъ изъ собесѣдованій преосвященнаго Мисаила съ раскольниками, послѣдніе прямо заявили, что „они рады-бы вступить въ Церковь, но боятся пововеденій“. А такое заявленіе показываетъ, что они потеряли значительную долю прежней слѣпой нетерпимости и стоять на распутіи, готовые вступить на путь православія за добрымъ руководителемъ. Изъ бесѣдъ, происходившихъ въ Москвѣ, не лишены интереса собесѣдованія 5-го февраля. Одно изъ нихъ (бывшее на Таганкѣ, въ д. Шумова) имѣло своимъ предметомъ опроверженіе ложнаго мнѣнія безпоповцевъ о совершившемся будто-бы пришествіи и духовномъ царствованіи антихриста со времени патриарха Никона и вмѣстѣ разъясненіе церковнаго ученія по сему предмету *). При обоснованіи своего мнѣнія о наступленіи царства антихристова раскольники опираются на неправильномъ толкованіи (въ смыслѣ опре-

*) См. „Моск. Вѣдом.“ № 40 и 48, 1864 г.

дѣлennaго числа лѣтъ) апокалипсической тысячи, въ теченіи которой связанъ сатана, и ложномъ толкованіи (въ смыслѣ неопредѣленнаго количества лѣтъ) послѣдней, семидесятой седмины изъ 70-ти седминь Даниіловыхъ. Въ 20-й гл. Апокаліпсиса ст. 1—3 сказано, что сатана заключенъ, доколѣ не окончится тысяча лѣтъ. Предѣломъ, съ котораго связанъ сатана, раскольники считаютъ вшествіе во адъ Господа нашего Іисуса Христа. Такъ какъ тысяча лѣтъ давно исполнилась, то, по мнѣнію раскольниковъ, очевидно, теперешнее время есть время царствованія антихриста. Также неправильно безпоповцы толкуютъ и седмины Даниіловы (Дан. 9, 27), утверждая, что семидесятую седмицу должно понимать не какъ семь обыкновенныхъ лѣтъ, а какъ неопредѣленный періодъ времени, заключающій въ себѣ не одну тысячу лѣтъ, хотя въ прочихъ шестидесяти девяти седминахъ они считаютъ по семи лѣтъ въ каждой; указанное-же въ пророчествѣ Даниіла отъятіе жертвы и священства относятъ не къ жертвѣ только ветхозавѣтной и священству по чину Ларонову, но и къ безкровной жертвѣ Новаго Завѣта и къ священству новозавѣтному. По ихъ мнѣнію, 70-я седмина обнимаетъ собою все время отъ начала проповѣди Христовой до втораго Христова пришествія, и дѣлится на двѣ половины. Первая обнимаетъ проповѣдь Евангелія, и, начинаясь отъ дня крещенія Господня, простирается будто-бы до тысячнаго года, т. е. до отпаденія Рима отъ Восточной Церкви, а съ 1000 года начинается вторая половина 70-й седмины; она обнимаетъ будто-бы собою все время царствованія антихристова и своимъ предѣломъ будетъ имѣть кончину міра. Пол-седмина — три съ половиною года. Первый годъ послѣдней пол-седмины или царства антихристова составляетъ для раскольниковъ отпаденіе Рима отъ православной Восточной Церкви, второй — отступленіе въ унію отъ правой вѣры жителей Малой Россіи; третій — отпаденіе отъ православія Великой Россіи, а также и Греческой Церкви, совершившееся будто-бы въ 1666 году, съ котораго господство антихриста, по мнѣнію раскольниковъ, открылось во всей полнотѣ; наконецъ послѣ 1666 года начинаются остальные пол-лѣта (полгода) послѣдней пол-седмины, которыя продолжа-

ются и до нынѣ. Въ эти пол-лѣта должна прекратиться злоба антихриста, и безпоповцы теперь живутъ будто-бы именно во время такового прекращенія антихристовой злобы. Это ученіе о временномъ прекращеніи злобы антихристовой понадобилось раскольникамъ-безпоповцамъ для отраженія обрацаемыхъ къ нимъ вопросовъ: „настоящее время, по вашему мнѣнію, есть уже время послѣдняго антихриста, и посему должно быть самое лютѣйшее: почему же вы нужды никакой не терпите?“ Странники или бѣгуны прямо издѣваются надъ ученіемъ Θεодосѣевцевъ и поморцевъ о временномъ прекращеніи злобы антихристовой, говоря имъ: „какъ это вы умѣли обрѣсти милость у звѣря?“ Между тѣмъ это ученіе о временномъ прекращеніи антихристовой злобы несогласно съ ученіемъ св. Златоуста, который вообще время антихриста называетъ временемъ лютымъ безо всякаго ограниченія (Толк. на 2-е посл. къ Солун.)

Да и вообще все ученіе раскольниковъ объ антихристѣ не согласно съ ученіемъ Церкви. Принявши за несомнѣнное, что сатана связанъ на тысячу лѣтъ, а затѣмъ наступитъ царство антихристово, они въ подтвержденіе своего ученія о наступленіи царства антихристова неправильно опираются на слова пр. Даніила: „въ пол-седмины отыметъ жертва и возліаніе“ (Дан. 9, 27). При толкованіи седмины Даніиловыхъ раскольники впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собой. Счисленіе седмины, какъ сказано было и самому пророку, начинается отъ времени повелѣнія соградити Іерусалимъ, т. е. отъ 20-го года царствованія Артаксеркса Лонгимана, такъ какъ въ то время Неемія получилъ приказъ о созиданіи стѣнъ Іерусалимскихъ (Θеод. Толк. на пр. Дан.). Первые 69 седмины и раскольники понимаютъ согласно смыслу пророчества и ученію св. отцевъ, т. е. въ каждой седминѣ считаютъ 7-мъ лѣтъ, и во всѣхъ 69 седминахъ считаютъ 483 года; въ толкованіи-же 70-й седмины они отступили отъ толкованія Церкви и стали въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ толкованіемъ первыхъ 69 седмины. Какъ ни на чемъ не основанное, необычное толкованіе 70-й седмины, такъ и отнесеніе словъ пророка: „отыметъ жертва и возліаніе“ не только къ Вѣтхому Завѣту, но и ко вре-

мени Новаго Завѣта, объясняются ихъ стремленіемъ найти основаніе для своего ученія о наступленіи царствованія антихриста, о прекращеніи священства и таинствъ. Между тѣмъ слова пророка: „въ пол-седмины отыметъ жертва“, согласно ученію Церкви, относятся исключительно къ прекращенію ветхозавѣтной жертвы (Бл. Θεод. Толк. на пр. Даніила). Въ половинѣ 70-й седмины Господь Іисусъ Христосъ установилъ новозавѣтную жертву, и Себя Самого принесъ на крестномъ жертвенникѣ въ умиловительную жертву Богу Отцу за грѣхи всего міра, чѣмъ и упразднилъ жертву закона ветхаго. Слова пророка, что „во святилищѣ мерзость запустѣнія будетъ“, прямо указываютъ, что здѣсь говорится о храмѣ іудейскомъ и жертвахъ ветхозавѣтныхъ, которыя утратили свое значеніе послѣ крестной жертвы Спасителя.

Толкуя несогласно съ ученіемъ Церкви послѣднюю 70-ю седмину, понимая ее въ смыслѣ неопредѣленнаго времени отъ начала проповѣди Евангелія до наступленія втораго пришествія Господня, безпоповцы встрѣчаются съ обличительнымъ свидѣтельствомъ Св. Писанія, въ которомъ ясно обозначено время власти антихриста тремя годами съ половиной (Дан. 7, 25; 12, 7. см. 12, 11—12. Апок. 13, 5; 11, 2) и это свидѣтельство Писанія находитъ подтвержденіе у отцевъ Церкви—Златоуста (Апост. толк. заг. 150) и бл. Θεодорита (тв. св. отц. 1857 кн. 1). Съ тою-же цѣлію обосновать свое неправильное пониманіе 70-й седмины безпоповцы утверждаютъ, что подъ антихристомъ должно разумѣть не противника Христа, какъ отдѣльное лицо, а духъ времени, противоборствующій Христу. Между тѣмъ въ Писаніи говорится объ антихристѣ, какъ о беззаконникѣ, слѣдовательно какъ о лицѣ (2 Θεсс. 2, 8. Сп. Толк. на Θεсс. Златоуста).

(Продолжете будетъ).

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

Оживленіе расположенности къ философіи въ нашемъ обществѣ.—Примѣненіе философскихъ началъ или основаній къ рѣшенію текущихъ вопросовъ жизни.—Опасности возможныя на этомъ пути.—Наши желанія по этому поводу.—Вопросъ о соединеніи Церкви Восточной съ Церковію Западною.—Научное рѣшеніе этого вопроса въ наше время.—Взглядъ г. Соловьева на соединеніе церквей.—Толки по поводу этого взгляда у насъ и за границею.—Отношеніе г. Соловьева къ традиціонной теологіи и его теософическая точка зрѣнія на вѣроисповѣдній вопросъ.—Наши сужденія о теософическомъ рѣшеніи богословскихъ вопросовъ.

Рѣшаясь говорить о появившихся у насъ новыхъ движеніяхъ философской мысли въ ихъ связн съ богословскими вопросами, мы считаемъ необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о нашихъ цѣляхъ и нашей задачѣ. Несмотря на очевидный упадокъ философіи въ нашемъ обществѣ, несмотря на общую почти нерасположенность къ ней повсюду, у насъ все-же отъ времени до времени появляются философскія произведенія, или лучше—философскія сочиненія и статьи, старающіяся освѣтить тѣ или другіе вопросы науки и жизни философскимъ свѣтомъ. И нельзя сказать, чтобы образованное общество оставалось совершенно равнодушнымъ къ этому освѣщенію. Потому-ли, что въ обществѣ начинаетъ пробуждаться живая потребность въ болѣе основательномъ рѣшеніи занимающихъ его вопросовъ, или потому, что общество уже не удовлетворяется обычнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ на основахъ общепринятыхъ теорій или, такъ называемой, *популярной философіи*, или по какому-либо дру-

гимъ причинамъ, быть можетъ, даже чисто случайнымъ; только нельзя отвергать того очевиднаго факта, что философскія статьи и сочиненія, особенно затрогивающія живые современные вопросы, чаще и чаще начинаютъ появляться въ нашей литературѣ за послѣднее время. Не говоря уже о нашихъ журналахъ—духовныхъ и свѣтскихъ, на страницахъ которыхъ нерѣдко можно встрѣчать статьи самаго разнообразнаго философскаго содержанія, достаточно просмотрѣть каталоги и объявленія нашихъ книгопродавцевъ за послѣдніе годы, чтобы убѣдиться въ нѣкоторомъ оживленіи у насъ философской мысли. Правда, въ этихъ каталогахъ философскія сочиненія и статьи не имѣютъ еще самостоятельнаго отдѣла и большею частію приурочиваются къ рубрикамъ богословія, педагогикъ, права, и даже исторіи; правда, далѣе, въ этихъ рубрикахъ вы встрѣтите имена философовъ и философскія направленія рѣшительно непримиримыя между собою, вы встрѣтите напр. философа Платона рядомъ съ Бюхнеромъ, Фихте рядомъ съ Лассалемъ, Ульрици рядомъ съ Шопенгауеромъ и т. п.; тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, какъ мы сказали, того очевиднаго факта, что философскія статьи и сочиненія, переводныя и самостоятельныя, все чаще и чаще стали появляться въ нашей литературѣ. Мы видимъ въ этомъ хорошій признакъ. Намъ хочется думать, что наше общество, по крайней мѣрѣ образованное, уже не удовлетворяется фельетоннымъ міросозерцаніемъ, популярной философіею, а ищетъ чтенія болѣе серьезнаго, ищетъ чисто философскаго рѣшенія занимающихъ его вопросовъ. Это пробуждающееся стремленіе къ философіи, какъ мы думаемъ, не можетъ не свидѣтельствовать о томъ, что наше общество начинаетъ искать твердой умственной ниши, цѣльнаго міросозерцанія, сознательнаго и разумнаго отношенія къ занимающимъ его вопросамъ.

Но философія, какъ и всякое человѣческое дѣло, не только всегда носитъ на себѣ печать своего несовершенства и незаконченности, но и можетъ оказывать два совершенно противоположныя вліянія на общество. Она можетъ помогать ему въ дѣлѣ болѣе сознатель-

наго и разумнаго пониманія и усвоенія истины, но можетъ и удалять его отъ этой цѣли, можетъ быть благотворной, но можетъ быть и опасной; можетъ отерывать истину, но можетъ и омрачать ее въ нашемъ сознаніи. Все дѣло зависитъ отъ того, какое направленіе, какой характеръ принимаетъ или носитъ на себѣ эта философія. Мы не разумѣемъ въ данномъ случаѣ философію лишь отрицательную, напримѣръ матеріалистическую; мы имѣемъ при этомъ въ виду и ту философію, которая, повидимому, стоитъ за высшія идеальныя потребности человѣческой души, — говоритъ напр. о Богѣ, признаетъ религію и вообще все высшія истины въ человѣчествѣ, но въ тоже время уже не удовлетворяется обычнымъ или общепринятымъ христіанскимъ пониманіемъ ихъ, старается освѣтить ихъ своеобразнымъ свѣтомъ, смотритъ на нихъ сквозь очки своихъ философскихъ началъ и нерѣдко слишкомъ самоувѣренно и слишкомъ самовластно распоряжается въ высшей области вѣчныхъ и дорогихъ для духа человѣческаго истинъ. Философія есть прекрасная наука, достойная полнаго уваженія; но, какъ наука человѣческая, она имѣетъ свои границы, строго очерченныя и которыхъ она не должна переходить; она имѣетъ свое содержаніе, которое не должно быть смѣшиваемо съ содержаніемъ другихъ наукъ; ея авторитетъ есть авторитетъ часто человѣческой науки, а не абсолютной истины. Но когда философія, увлеченная примѣромъ протестантской свободы мысли, забываетъ свои границы, смѣшиваетъ свое содержаніе съ содержаніемъ отверженныхъ истинъ и при посредствѣ искусственно придуманныхъ силлогизмовъ надѣется высмотрѣть все тайны неба, едва доступныя для самой вѣры: тогда, очевидно, она принимается не за свое дѣло, — тогда, при самой искренней любви къ истинѣ, у ней по необходимости является, говоря словами пресвященнаго Амвросія: „шаткость мысли, неопредѣленность и туманность идей, смѣшеніе идей христіанскихъ съ философскими, и въ добавокъ еще стремленія тайны христіанскаго ученія облекать въ философскія понятія и формулы“ *). Мы признаемъ по-

*) См. два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія прав. Церкви, епископа Дмитровскаго. Москва, 1882, стр. 41.

добное направленіе нашей молодой философіи, поставляющей себя въ неправильное и даже ложное отношеніе къ религіознымъ воззрѣніямъ, явленіемъ нежелательнымъ, незаконнымъ, и намъ хотѣлось-бы противодѣйствовать ему по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей. Именно это и побуждаетъ насъ открыть въ нашемъ журналѣ особенную рубрику подъ названіемъ: „Наши новые философы и богословы“. Въ этой рубрикѣ мы хотѣли-бы доказать, на сколько это будетъ для насъ возможно, незаконность вторженія философіи въ область религіозныхъ христіанскихъ истинъ, неудовлетворительность ея метода въ этой области, и желали-бы разсѣять тотъ туманъ, который философія распространяетъ иногда въ этой области подъ благовиднымъ предлогомъ высшаго освѣщенія религіозныхъ истинъ и сообщенія имъ высшаго философскаго смысла. Мы хотѣли-бы въ данномъ случаѣ идти не противъ разумнаго пониманія и усвоенія христіанскихъ истинъ, не противъ возможной для насъ сознательности и искренности убѣжденія въ нихъ, но противъ философскаго искаженія ихъ, противъ философскаго смѣшенія силлогизмовъ, часто одностороннихъ и ошибочныхъ, съ откровенными истинами, не укладывающимися въ этихъ силлогизмахъ, противъ смѣшенія догмата съ философскимъ мнѣніемъ, смѣшенія авторитета философскаго съ авторитетомъ высочайшимъ, богооткровеннымъ. Конечно, философія есть наука свободная и можетъ имѣть свои собственныя мнѣнія о чемъ ей угодно; но дѣло критики опредѣлить, насколько она правильно и законно пользуется своею свободою, не нарушая самостоятельности и свободы другихъ наукъ, насколько она признаетъ права наукъ богословскихъ, и наконецъ насколько ея частныя мнѣнія и выводы согласны и несогласны съ несомнѣнными истинами этихъ наукъ. Мы уважаемъ свободу философіи, но не желали-бы, чтобы эта свобода стѣсняла, ограничивала и даже искажала правильную и законную свободу всѣхъ другихъ наукъ, особенно-же наукъ богословскихъ *). Предпославши эти предварительныя соображенія, приступаемъ къ дѣлу.

*) До сихъ поръ поле философіи въ нашемъ отечествѣ было совершенно открытымъ и Разумъ 1885 г. № 1.

I.

На первый разъ мы останавливаемся на занимающемъ нашихъ новыхъ философо-богослововъ вопросѣ вѣроисповѣдномъ, т. е. вопросѣ о соединеніи Церкви восточной съ Церковію западною. Г. Ковальницкій, въ пзвѣстной рѣчи своей „О значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства“, произнесенной въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной академіи 1880 года, говоритъ, что христіанское единеніе служитъ лозунгомъ нашего времени на христіанскомъ Востокѣ и Западѣ, что „въ настоящее время потребность общехристіанскаго единенія признана такъ ясно, стремленія къ единенію заявляются со всѣхъ концовъ христіанскаго міра такъ громко и настойчиво, въ мотивахъ отърывается такъ много возвышенности и духовности, такъ мало своекорыстныхъ поползновеній и чуждыхъ религіи расчетовъ, какъ это, повидному, не бывало со времени великаго отпаденія Рима отъ всемірскаго единства“. На нашъ взглядъ въ этихъ сужденіяхъ есть нѣкоторая доля преувеличенія, но въ об-

то и свободно. Это было, говоря точнѣе, даже не поле, а за немногими исключеніями лишь широкая и пустынная степь, на которой только изрѣдка можно было замѣчать нѣкоторые признаки растительности. Но вотъ степь начинаетъ оживать, появляются насельники и пионеры философіи, о которыхъ иногда съ трудомъ можно сказать, къ какой народности принадлежатъ они, какому Богу вѣрують и какого держатся вѣроисповѣданія; словомъ, о которыхъ съ трудомъ можно рѣшить, какое главное и основное начало ихъ міросозерцанія, и какія основныя понятія ихъ философіи. До такой степени это міросозерцаніе и эти понятія представляются намъ неопредѣленными, туманными и сбивчивыми. Мы не говоримъ уже о заведомо ложныхъ и ошибочныхъ философскихъ вѣяніяхъ или направленіяхъ, къ сожалѣнію, тоже появляющихся за послѣднее время среди нашего общества. Въ виду всего этого, мы тоже хотѣли-бы занять небольшой уголокъ въ этой пустынной степи, хотѣли-бы ближе всмотрѣться въ наши новыя философскія вліянія, чтобы основательнѣе познакомиться самимъ и познакомить нашихъ читателей со всѣми ими. Именно съ этою цѣлію мы и открываемъ въ нашемъ журналѣ особый отдѣлъ подъ названіемъ: „Наши новыя философы и богословы“. Но чтобы наши сужденія о нихъ не представлялись читателю голосовыми, чтобы они безотпѣчно могли судить о философскомъ направленіи нашемъ и нашихъ противниковъ, мы хотѣли-бы, чтобы нашъ читатель обсуждалъ насъ и ихъ не по первому впечатлѣнію, не по случайнымъ симпатіямъ или антипатіямъ, а на основаніи главныхъ и, такъ сказать, коренныхъ философскихъ воззрѣній нашего журнала. Мы думаемъ, что только такимъ образомъ для читателя будетъ явнѣе ясно, почему мы высказываемъ такіа или иные сужденія, почему относимъ

щемъ они должны быть признаны вѣрными. Именно мы считаемъ преувеличеніемъ то, чтобы у насъ чувствовалась или сознавалась какая-то особенно сильная потребность въ церковномъ единеніи съ Западомъ, чтобы мы усиленно искали этого единенія, но вѣрно то, что въ послѣднее время со многихъ сторонъ все чаще и чаще стали раздаваться голоса въ пользу этого единенія. И замѣчательно, что эти голоса раздаются именно въ наше время, т. е. во время наибольшаго развитія національной самостоятельности, какъ исключительнаго, или преимущественнаго историческаго принципа народной жизни. Очевидно національная рознь, національное обособленіе ищетъ примиренія и объединенія въ христіанскомъ союзѣ. Люди какъ будто предчувствуютъ, что исключительный принципъ національности, заправляющій событіями нашихъ дней, самъ по себѣ опасенъ, недостаточенъ и долженъ быть освященъ высшими началами христіанскаго единенія, христіанскаго ученія. Какъ-бы то ни было, только вопросъ о христіанскомъ единеніи самъ по себѣ не есть какая-либо новость и въ нашей

ся сочувственно или несочувственно къ тому или другому философскому направленію, къ тѣмъ или другимъ философскимъ выводамъ и заключеніямъ. Эти философскіе выводы и заключенія могутъ представляться иногда очень заманчивыми и очень интересными; но если будетъ доказано, что всѣ они вытекаютъ изъ ложныхъ началъ, противорѣчатъ несомнѣннымъ и основнымъ философскимъ положеніямъ, то, безъ сомнѣнія, всѣ эти выводы и заключенія, какъ-бы ни гармонировали съ своими ложными началами, должны потерять въ глазахъ мыслящаго читателя весь свой интересъ и всю свою заманчивость. Въ философско-богословскихъ спорахъ нельзя останавливаться на однихъ лишь выводахъ и заключеніяхъ, но для ясности дѣла и въ интересахъ истины, большею частію, надобно восходить къ основнымъ или кореннымъ философскимъ началамъ, потому что только эти начала даютъ надлежащее освѣщеніе всѣмъ дальнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ. Именно съ этою цѣлію, мы и начали философскій отдѣлъ нашего журнала съ самыхъ основныхъ и, такъ сказать, элементарныхъ философскихъ понятій и стараемся вести его въ строгой связи, послѣдовательности и постепенности. Если читатель усвоитъ себѣ эти понятія, если согласится съ ними (а, кажется, съ ними нельзя не согласиться), то для него совершенно ясно будетъ, почему мы высказываемъ такіа или другія сужденія, почему относимся такъ или иначе, сочувственно или несочувственно, къ различнымъ философскимъ направленіямъ среди нашего общества. Мы предполагаемъ, что всѣ эти основныя философскія понятія нашего журнала совершенно вѣдѣсны нашимъ читателямъ, а потому, когда понадобится, лишь будемъ ссылаться на нихъ, а не повторять или снова доказывать и разъяснять ихъ

литературѣ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ раздѣленіе Церквей на восточную и западную, онъ всегда существовалъ у насъ, затихалъ или усиливался, появлялся, или скрывался, смотря по обстоятельствамъ, но никогда не исчезалъ въ нашемъ отечествѣ. Но если прежде многіе старались рѣшить его при посредствѣ полемики, политики, даже нравственнаго насплія совѣсти, иногда грубаго, а иногда тонкаго и едва замѣтнаго, то въ наше время къ рѣшенію этого вопроса идутъ, или хотятъ идти уже совершенно инымъ путемъ. Вопросъ, какъ говоритъ г. Катанскій въ своей замѣчательной „Исторіи попытокъ къ соединенію Церквей“, переходитъ въ область науки. „За его рѣшеніе берется наука“ надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она съумѣетъ умпротворить Церковь Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ все христіанскія общества“. Но, безъ сомнѣнія, въ послѣднее время у насъ г. Соловьеву принадлежитъ первенство перенесенія этого вопроса на новую научную почву, попытка рѣшить его совершенно на новыхъ научныхъ началахъ, на основахъ философскихъ, не чуждыхъ впрочемъ богословія. Въ журналѣ „Русь“ за 1883 годъ и въ „Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества“ за прошедшій годъ, равно какъ и въ другихъ изданіяхъ, онъ или прямо посвящаетъ этому вопросу цѣлый рядъ статей, или касается его стороною, во всякомъ случаѣ освѣщаетъ его вышнимъ философскимъ свѣтомъ, создаетъ свою „христіанскую политику“ и приходитъ къ убѣжденію въ безусловной необходимости воссоединенія Церквей. Онъ признаетъ это воссоединеніе даже безусловно обязательнымъ для этихъ Церквей, смотритъ на ихъ разнь въ наше время какъ на печальный анахронизмъ, который давно пора-бы сдать въ архивъ, и думаетъ, что если разнь продолжается и теперь, то только благодаря угоренившемуся недоразумѣнію, старому историческому преданію, потухшимъ народнымъ страстямъ и даже эгоизму. Указанное нами его воззрѣнію хочетъ быть безпристрастнымъ; съ высоты своихъ особенныхъ точекъ зрѣнія, онъ одинаково видитъ первоначальныя причины разни какъ въ Церкви восточной, такъ и въ Церкви западной,

т. е. онъ не оправдываетъ ни ту, ни другую; и если его симпатіи больше склоняются въ пользу Церкви западной, то это, по видимому, вытекаетъ только изъ его философскихъ началъ, а не изъ какихъ-либо историческихъ фактовъ, и во всякомъ случаѣ утверждается корнями своими въ благожелательной любви къ Церкви восточной. Такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Соловьевъ. Каково бы ни было это рѣшеніе, нельзя отказать ему ни въ прямотѣ, ни въ опредѣленности, хотя и нельзя назвать самое рѣшеніе какимъ-либо новымъ и оригинальнымъ. Еще въ XII вѣкѣ Вислѣй Ахридсей (Ахрида долго была религіознымъ центромъ православнаго славянства) выводилъ разрывъ Церквей изъ ничтожнаго оскорбленія, изъ простаго раздраженія Церквей (*parva quaedam offendicula*) и признавалъ за той и другой Церковію *однаго* и тотъ же духъ, *одно* и тоже направленіе (*ex uno eodemque spiritu multos fecerint*). Да и на самомъ Западѣ всегда были люди, которые держались этого-же взгляда. Св. Бернардь Клервосскій напр., хотя упораетъ грековъ въ упрямствѣ (*pertinacia*), но признаетъ единство ихъ вѣры съ латинянами (*nobiscum sunt et non sunt, juncti fide, rase divisi* *)). Вообще взглядъ, высказанный г. Соловьевымъ, не отличается ни особенною новостію, ни особенною оригинальностію; но нова и оригинальна у него самая постановка дѣла, ново и оригинально стремленіе его рѣшить вѣроисповѣдный вопросъ въ этомъ направленіи *на основаніи философскихъ началъ*. Это обстоятельство, въ связи съ затронутыми г. Соловьевымъ славянофильскими теоріями, и вызвали въ нашей литературѣ ту довольно страстную полемику въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ, которая велась въ прошломъ и позапрошломъ году и въ которой приняли участіе люди различныхъ взглядовъ и различныхъ убѣжденій. Г. Соловьеву приходилось отстаивать свой взглядъ и противъ друзей, и противъ враговъ: и противъ славянофиловъ, и противъ людей, вовсе не раздѣляющихъ славянофильскихъ теорій.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы поднятый или возобновленный

*) Исторія попытокъ къ соединенію Церквей, А. Катанскаго. С. П. В. 1868 г. стр. 72.

г. Соловьевымъ вѣроисповѣднѣй вопросъ какъ-либо особенно заинтересовалъ нашу публику, чтобы она видѣла въ рѣшеніи его свой жизненный или насущный вопросъ. Для огромнаго большинства нашей публики онъ оставался и остается не болѣе какъ новостію текущей литературы, и не имѣетъ никакого практическаго значенія. Если и были люди, которые готовы были поставить этотъ литературный вопросъ въ связи съ нѣкоторыми политическими событіями нашего отечества, напр. съ недавнимъ примиреніемъ Россіи съ Ватиканомъ, то это были люди или слишкомъ робкіе, или ужъ чрезчуръ тонкіе политики. Отерывая эту связь, они сами удивлялись ей, сами считали ее невѣроятной, невозможной, и затѣмъ скоро успокоились, встрѣтившись съ фактами противоположнаго характера, вполне гармонизировавшими съ ихъ народными преданіями, убѣжденіями и задачами. Повторяемъ, поднятый г. Соловьевымъ вѣроисповѣднѣй вопросъ не выходилъ у насъ изъ сферы текущихъ литературныхъ толковъ и случайныхъ новостей. Но не то произошло на Западѣ, между юго-западными славянскими народностями, среди которыхъ идетъ ожесточенная борьба православныхъ христіанъ съ римско-католиками и гдѣ православнымъ славянамъ приходится испытывать много горя, много тяжелыхъ оскорбленій и притѣсненій, и политическихъ и нравственно-религіозныхъ, отъ торжествующаго и побѣдоноснаго католицизма. Читатели журнала „Вѣра и Разумъ“ знаютъ *), что наши литературные толки о соединеніи Церквей привели православныхъ юго-западныхъ славянъ въ глубокое смущеніе, возмутили ихъ совѣсть и натолкнули на мысль поставять толки въ связи съ такими фактами нашей текущей жизни, которые ничего съ этими толками не имѣютъ общаго. Православные юго-западные славяне увидѣли въ этихъ толкахъ какія-то знаменія времени, стали опасаться, чтобы православные русскіе не оставили ихъ безпомощными и не отдали на поруганіе ихъ заклятымъ врагамъ. Они особенно были смущены тѣмъ, что толки о церковной уніи велись преимущественно въ нашихъ славянофильскихъ журналахъ, или

*) См. Журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 года, № 23, стр. 649 и дал.

газетахъ, преимущественно славянофилами, т. е. людьми, на которыхъ они издавна привыкли смотрѣть какъ на своихъ искреннихъ и безкорыстныхъ друзей, на своихъ старшихъ братьевъ и даже защитниковъ. Они увидѣли въ этомъ явленіи сколько тяжелое, столько-же и неожиданное для нихъ лишеніе нравственной поддержки и нравственной опоры и при томъ со стороны тѣхъ людей, на которыхъ они издавна привыкли много надѣяться. Ихъ ловкіе, опытные и смѣлые враги прекрасно съумѣли воспользоваться этимъ смущеніемъ, жадно подхватывали наши литературные толки, благопріятные для себя, переводили и печатали изъ „Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества“ въ своихъ римско-католическихъ газетахъ статьи г. Соловьева, и съ торжествомъ говорили защитникамъ православія среди этихъ народностей: „что вы можете сказать противъ всего этого?“ Печально, грустно это, читатель! Конечно, во всемъ этомъ есть много недоразумѣній, много преувеличенныхъ опасеній съ одной стороны и неосновательныхъ надеждъ съ другой, въ чемъ рѣшительно не виновата ни наша славянофильская литература, ни даже самъ г. Соловьевъ, поборникъ церковной уніи. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ поставять кому-либо въ вину желаніе разсмотрѣть интересующій его вопросъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, хотя-бы этотъ вопросъ и принадлежалъ къ матеріямъ очень *тонкаго свойства*. Напротивъ литературное обсужденіе подобныхъ вопросовъ даже очень желательно въ видахъ лучшаго разъясненія дѣла. Все это петины очень старыя и очень общезвѣстныя.

Но именно это заставляетъ и насъ высказать свое послѣднее сужденіе объ интересующихъ насъ статьяхъ г. Соловьева. Въ самомъ-ли дѣлѣ его статьи, призывающія православныхъ людей къ религіозному единенію съ римско-католиками, рѣшаютъ старый, вѣковой вѣроисповѣдный вопросъ правильно и основательно? Въ самомъ-ли дѣлѣ г. Соловьевъ на основаніи своихъ логическихъ соображеній долженъ приводить насъ къ тому выводу или заключенію, къ которому приходитъ онъ самъ? Правильны-ли его логическія соображенія? Доказалъ-ли онъ, что причины

разрыва между восточною и западною Церквями въ наше время уже не существуютъ, или что, если эти причины были сильны прежде, въ былыя времена, то въ наше время уже не имѣютъ этой силы и должны быть признаны ничтожными? Вотъ вопросы, которые мы хотѣли бы подвергнуть безпристрастной оцѣнкѣ на основаніи статей г. Соловьева.

Если прежде отвѣты на все подобныя вопросы исключительно принадлежали богословію, и даже тогда, когда политика приписывалась за насильственное рѣшеніе какихъ-либо богословскихъ вопросовъ, то и она искала помощи въ богословіи, по-крайней-мѣрѣ маскировалась богословскимъ рѣшеніемъ ихъ, то совершенно иначе поступаетъ „христіанская политика“ г. Соловьева. Она ищетъ рѣшенія занимающаго ее вѣроисповѣднаго вопроса не въ богословіи, а въ философіи, или лучше въ теософіи. Подобное отношеніе къ дѣлу находится у него въ связи съ его общимъ воззрѣніемъ на богословіе какъ католическое, такъ и православное. Г. Соловьевъ не особенно высокаго мнѣнія объ этомъ богословіи. Онъ называетъ и то и другое богословіе *традиционнымъ*, часто противорѣчающимъ совершенному развитію разума, а потому совершенно оправдываетъ разумъ въ его скептическомъ отношеніи къ богословію. Въ виду этого противорѣчія, полагаетъ г. Соловьевъ, можно конечно смотрѣть на дѣло совершенно иначе, можно по примѣру приверженцевъ традиціонной теологіи „просто отвергнуть все умственное развитіе послѣднихъ вѣковъ, признать его произвольнымъ заблужденіемъ, нѣкоторымъ новымъ грѣхопадѣніемъ“. Но г. Соловьевъ этого не хочетъ, такъ какъ это было-бы очень печально и тяжело для современнаго мыслителя. И тяжело именно потому, что одна теологія сама по себѣ не можетъ дать намъ полной истины. При всехъ своихъ достоинствахъ эта теологія, говоритъ г. Соловьевъ, лишена двухъ признаковъ, необходимо входящихъ въ *полное* понятіе истины: во-первыхъ, она исключаетъ свободное отношеніе разума къ религіозному содержанію, свободное усвоеніе и развитіе разумомъ этого содержанія, во-вторыхъ она не осуществляетъ своего содержанія

въ эмпирическомъ матеріалѣ знанія. Въ этой величественной системѣ религіозныхъ истинъ недостаетъ свободнаго развитія человеческого разума и богатаго знанія матеріальной природы, а между тѣмъ и то и другое необходимо“. Оказывается, слѣдовательно, что разумъ совершенно правъ, когда во имя свободнаго развитія и усвоенія религіозныхъ истинъ съ одной стороны, и богатаго знанія матеріальной природы съ другой, относится съ недоувѣріемъ или, по-крайней мѣрѣ, не съ особеннымъ уваженіемъ къ традиціонной теологіи. Но и этого мало. Традиціонное богословіе страдаетъ еще другимъ кореннымъ недостаткомъ, именно *отвлеченнымъ догматизмомъ*, опредѣленіемъ истины только какъ догмата вѣры. Это лишаетъ, или, по-крайней мѣрѣ, можетъ небрасывать тѣнь сомнѣнія на абсолютность истины, ея божественность. Какимъ образомъ? Если истина, говоритъ г. Соловьевъ, не можетъ опредѣляться какъ только мысль разума, если она не можетъ опредѣляться какъ только факты опыта, то она точно также не можетъ опредѣляться какъ только догматъ вѣры. Истина по понятію своему должна быть и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Итакъ абсолютность, божественность религіозной истины, вопреки мнѣнію традиціонной теологіи, состоитъ не въ томъ, что она возвѣщена Богомъ, открыта Богомъ, а въ томъ, что она одинаково согласна, находится въ полномъ единеніи съ требованіями разума, несомнѣнными положеніями наукъ и, такъ сказать, съ самымъ существомъ всѣхъ извѣстныхъ намъ истинъ. Думать иначе, полагать абсолютность истины въ чемъ-либо иномъ, значитъ впадать въ очевидное внутреннее противорѣчіе. „Въ области теологіи, говоритъ г. Соловьевъ, мы познаемъ истину какъ абсолютную или божественную, но именно абсолютная божественная истина и не можетъ быть одностороннею, исключительною; она должна быть всею истиной, должна быть всею во всемъ. Поэтому разъ дано мышленіе и опытъ, разъ нашъ субъектъ относится ко всему не только мистически (т. е. религіозно), но также рационально и эмпирически, абсолютная истина должна проявиться и въ этихъ отношеніяхъ, должна распространиться и

на нихъ, должна стать истинною разума и опыта, въ противномъ случаѣ она не будетъ уже *абсолютною*". Итакъ, что же дѣлать при подобномъ неправильномъ отношеніи другъ къ другу разума, наукъ и традиціоннаго богословія? Какою выходъ изъ этого затруднительнаго положенія совѣтуетъ намъ г. Соловьевъ? Какъ теософъ *), онъ совѣтуетъ намъ усвоить себѣ теософическую точку зрѣнія. Онъ говоритъ: „нашъ вѣкъ видѣлъ крайнее раз-

*) Мы уже имѣли случай замѣчать, что подъ именемъ теософіи (отъ греческаго слова *Θεός* Богъ и *Σοφία* мудрость) въ общемъ смыслѣ надобно разумѣть познаніе Бога и вообще предметовъ божественныхъ (ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 года кн. 21 стр. 545 и дал.). Въ этомъ общемъ смыслѣ всякій спекулятивный философъ, излагающій свое собственное самостоятельное ученіе о Богѣ, можетъ быть названъ теософомъ въ отличіе отъ богослова, излагающаго подобное-же ученіе на основаніи положительнаго откровенія, т. е. въ зависимости отъ этого откровенія. Таковъ общій смыслъ понятія *теософъ и теософія*. Впрочемъ, это понятіе имѣетъ и болѣе тѣсный, или ограниченный смыслъ. Въ этомъ ограниченномъ смыслѣ теософами называютъ такихъ мыслителей, которые при своемъ изложеніи ученія о Богѣ отступаютъ отъ обычныхъ философскихъ началъ, переступаютъ границы методическаго мышленія, нерѣдко впадаютъ въ энтузіазмъ и сообщаютъ понятія о Богѣ, руководясь какимъ-то высшимъ воодушевленіемъ, просвѣщеніемъ и озареніемъ. Такъ какъ первоначальный источникъ этого воодушевленія, просвѣщенія и озаренія и всѣ основанныя на нихъ понятія и сужденія о Богѣ представляются сомнительными, произвольными и, повидимому, происходятъ изъ дѣятельности сильной и неуправляемой въ надлежащихъ границахъ фантазіи, то обыкновенно теософами называютъ вдохновенныхъ мечтателей касательно предметовъ божественныхъ, и вообще людей самообольщенныхъ въ отношеніи къ первоначальному источнику своихъ понятій или сужденій о Богѣ. Къ числу подобныхъ теософовъ обыкновенно относятъ Якова Беме, Сведенборга, Сень-Мартена и многихъ другихъ. Въ наше время наименованіе теософіи усваиваютъ тому направленію нѣмецкой философіи и спекулятивнаго нѣмецкаго богословія, которое ведетъ свое начало главнымъ образомъ отъ философа Шеллинга и богослова Шлейермахера, и которое старается глубже понять и рациональнѣе изъяснить христіанское ученіе о Богѣ и при этомъ нерѣдко выдаетъ свое пониманіе этого предмета за какое-то особенное богопросвѣщеніе и богооткровеніе, за какинъ-то внушенія всемірнаго Логоса. Такими теософами въ новѣйшее время должны быть признаваемы многіе лучшіе протестантскіе богословы, какъ-то: Длинге, Роте, Мартензенъ, Либнеръ, Дорнеръ и пр. Къ этому-же, т. е. теософическому направленію примыкаютъ и всѣ свободные религіозные мыслители, которые не стѣсняются въ своихъ воззрѣніяхъ общепринятыми догматическими опредѣленіями, полагаютъ какую-то свою произвольную вѣру въ основу своихъ религіозныхъ воззрѣній и при этомъ нерѣдко впадаютъ въ мистико-идеалистскія мечтанія и измышленія. Таковы, по нашему мнѣнію, методисты и ихъ болѣе или менѣе близкіе ученики: редстоккетты, пашковцы, штундисты и т. п.

витіе и отвлеченно - философскаго принципа (въ гегельянствѣ), и принципа отвлеченно - научнаго (въ позитивизмѣ)". Въ первомъ случаѣ мы имѣли чистый разумъ, систему понятій, безъ всякой дѣйствительности, а во второмъ — систему фактовъ, безъ всякой внутренней связи. „Не слѣдуетъ - ли отсюда, спрашиваетъ г. Соловьевъ, что должно просто вернуться назадъ и, осудивъ независимую философію какъ заблужденіе, оставивъ независимой наукѣ область частныхъ полезныхъ свѣдѣній, признать значеніе истины исключительно за религіознымъ знаніемъ, возстановить, какъ нормальную и окончательную систему истиннаго знанія, „Summa theologiae“ Томы Аквинскаго согласно столь авторитетной рекомендаціи папы Льва XIII, или-же ученіе восточныхъ отцевъ Церкви согласно менѣе авторитетному, но тоже уважительному указанію нѣкоторыхъ русскихъ писателей?“ Г. Соловьевъ не хочетъ этого при всемъ своемъ глубокомъ уваженіи къ авторитету папы Льва XIII и даже вопреки своимъ теософическимъ доводамъ въ пользу немедленнаго признанія папы верховнымъ вождемъ всей Церкви и немедленнаго церковнаго единенія православныхъ съ римско-католиками. Измѣняя своей главной задачѣ, г. Соловьевъ не хочетъ возвращаться назадъ, отвергаетъ рекомендацію Льва XIII, да не хочетъ и полнаго возстановленія и ученія восточныхъ отцевъ. Онъ хочетъ быть только теософомъ. Онъ говоритъ: „Если истина не можетъ стать истиною разума, не можетъ быть истиною и для него, не имѣетъ слѣдовательно надъ нимъ силы, то разумъ тѣмъ самымъ имѣетъ основаніе *отрицать* эту истину; если эта истина не можетъ стать истиною и для опыта, то опыту, наукѣ ничего не остается, какъ *отвергнуть* ее. Такимъ образомъ, отрицательное отношеніе разума и науки къ религіозному знанію *оправдывается* отвлеченно догматическимъ характеромъ самой теологіи, противорѣчащимъ абсолютному значенію религіозной истины, и, слѣдовательно, задача не въ томъ, чтобы возстановить традиціонную теологію въ ея исключительномъ значеніи, а напротивъ, чтобы освободить ее отъ отвлеченнаго догмата, ввести религіозную истину въ формѣ сво-

боднаго разумнаго мышленія и реалпзовать ее въ данныхъ опытной науки, поставить теологію во внутреннюю связь съ философіей и наукой, и такимъ образомъ организовать всю область петиннаго знанія въ полную систему свободной и научной *теософіи* *)).

Такова основная точка зрѣнія г. Соловьева на христіанскую религію и ея догматику. Эту-же точку зрѣнія онъ примѣняетъ и къ вѣроисповѣдному вопросу восточныхъ и западныхъ христіанъ, т. е. къ ихъ церковному единенію или союзу. Прежде чѣмъ пойдемъ дальше за г. Соловьевымъ, мы должны нѣсколько остановиться на указанныхъ нами воззрѣніяхъ его. Конечно, когда усвояютъ себѣ подобную свободу въ отношеніи къ догмату, когда уполномочиваютъ свой разумъ во имя сознательнаго пониманія и усвоенія догмата распоряжаться имъ произвольно, тогда могутъ входить въ церковное единеніе съ кѣмъ угодно совершенно свободно, но уже не на основаніи вѣроисповѣднаго ученія, не на основаніи религіознаго единомыслія, а на основахъ уваженія къ своему разуму или на основахъ любви къ теософическимъ началамъ. Но это не церковная, или не теологическая точка зрѣнія. Молагаетъ, ни римская, ни православная теологія не позволитъ никабой теософіи такъ самовластно распоряжаться догматами вѣры. Въ чемъ состоитъ вѣра, какъ совокупность догматовъ, по воззрѣнію христіанина восточной Церкви? Она именно состоитъ, по ученію напр. святителя Тихона Воронежскаго, въ „безмолвной покорности глаголющему Богу“ (Томъ VII, стр. 17). Въ отношеніи къ этой вѣрѣ и ея догматамъ требуется, слѣдовательно, не свобода въ распоряженіи ими или какое-либо свободное отношеніе къ нимъ, во имя пониманія или усвоенія кѣмъ-либо лично, но прежде всего исполненіе *обязанностей*, условливаемыхъ этой свободой. Кто хочетъ быть въ союзѣ съ восточною Церковію, тотъ долженъ свято соблюдать обязанности къ вѣрѣ. И первая изъ этихъ обязанностей есть *постоянство* и *неизмѣнность* въ храненіи дог-

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ т. 145, 1880 года. Крѣпка отвлеченныхъ началъ, стр. 394—396.

мата. Восточная Церковь и отличается отъ всѣхъ другихъ христіанскихъ исповѣданій именно этимъ постоянствомъ, именно этою неизмѣнностію въ храненіи догматовъ. Она не позволяетъ себѣ, да и не позволить никому, ни ради теософіи, ни ради какихъ-либо стороннихъ цѣлей какъ-либо видоизмѣнять, произвольно развивать, суживать или расширять, сокращать или пополнять, а тѣмъ болѣе совершенно отрицать—ни одной малѣйшей іоты въ полномъ составѣ своихъ догматовъ. Почему-же? Потому что, какъ говорятъ богословы восточной Церкви, „все содержащее (православною) вѣрою въ цѣломъ своемъ составѣ есть врачевство для нашего растлѣнія. Кто не принимаетъ чего, тотъ умаляетъ силу врачевства, а иногда совсѣмъ уничтожаетъ. Если изъ рецепта, прописаннаго лекаремъ, отнять одинъ составъ и потомъ принимать по своему уму составленное лѣкарство, а не какъ сказано, то вмѣсто пользы можно получить вредъ“. Но и этого мало. „Въ вѣрѣ нашей, говорятъ тѣже богословы, оставлена намъ ограда, или крѣпость, обезопасивающая и защищающая насъ отъ враговъ. Тутъ все нужно. Отвергни малое, сдѣлаешь проломъ въ стѣнѣ, и пойдутъ враги одинъ за другимъ, разорятъ всю ограду и тебя погубятъ. *Блюдите убо, како опасно ходите*“. (Еф. 5, 15) *). Такъ учатъ православные богословы. Отсюда открывается, что христіанинъ восточной Церкви не можетъ считать догматы своей вѣры какими-то отвлеченными мыслями, сухими и неизмѣющимися никакаго отношенія къ жизни. Въ нихъ, въ этихъ догматахъ, все существенно необходимо для жизни; въ нихъ для него свѣтъ, воздухъ, теплота, словомъ всѣ основы жизни. Пусть человекъ не въ состояніи выразить себѣ, какое вліяніе имѣетъ свѣтъ на его органическую жизнь, пусть онъ не понимаетъ, какимъ образомъ кислородъ воздуха соединяется съ кровью, какимъ образомъ возникаетъ и распределяется теплота въ его организмѣ, какимъ образомъ лѣкарство врача даетъ силу исцѣленія отъ болѣзни: все это однако нисколько не перемѣняетъ его отношенія къ свѣту, теплотѣ, лекарству и т. п. Въ своемъ непосред-

*) Письма о христіан. жизни. С. П. В. 1860, в. IV. стр. 26—27.

ственномъ чувствѣ онъ ясно сознаетъ благотворность и необходимость всего этого для своей жизни. Тоже самое должно сказать и объ отношеніи православнаго христіанина къ принятымъ имъ догматамъ. Будетъ ли не будетъ онъ сознавать ясно, раздѣльно и опредѣленно необходимость, благотворность и спасительность того или другаго догмата въ частности, или въ полной системѣ истинъ, опредѣлитъ ли онъ, или не опредѣлитъ для себя сознательно, какое вліяніе оказываетъ догматъ на его умъ, волю, чувство, на все его міросозерцаніе, на всю его жизнь: это не можетъ измѣнить его отношенія къ догматамъ, потому что въ своемъ непосредственномъ чувствѣ, въ своемъ сердцѣ, онъ ясно сознаетъ всю высоту, всю силу, всю необходимость этихъ догматовъ. Конечно, и къ нему можетъ иногда приражаться духъ сомнѣнія и недоумѣнія, духъ пытливости и пререканія, но онъ будетъ искать и находить причину всего этого или въ своемъ непониманіи догмата, или въ своемъ недостаточномъ и невѣрномъ пониманіи требованій разума, науки, жизни. Онъ не позволитъ себѣ возвышаться надъ догматомъ ни во имя философіи, теософіи, ни во имя какой-либо другой человѣческой науки. Конечно, и онъ можетъ ошибаться, можетъ напр., принимать свои частныя индивидуальныя мнѣнія по поводу этихъ догматовъ за истинны несомнѣнныя, богооткровенныя. Вспомнимъ при этомъ Оригена, который имѣлъ подобныя мнѣнія и даже высказывалъ ихъ, какъ самъ признавался, „съ великимъ страхомъ и опасеніемъ“. Но онъ никогда не предпочтетъ эту, такъ сказать, свою рациональную вѣру вѣрѣ сердечной, вѣрѣ покорной голосу Церкви, вѣрности своимъ обѣтамъ, даннымъ святой Церквю. Вѣра, говоритъ одинъ богословъ, — въ сердцѣ, а не въ головѣ; а когда въ сердцѣ, то сердце согрѣвается ею и любитъ ее, потому что откровенная истина, пока не вошла въ сердце, тоже, что пылъ на полированной доскѣ: повѣетъ вѣтеръ, и все снесетъ; напротивъ того, отеревенная пепина, припаятая сердцемъ, тоже, что крѣпкое вино: она оживляетъ, радуется и веселитъ наше сердце, неизвѣстно какъ и почему. Не говорили-ли іудеи объ апостолахъ, слушая ихъ вдохновенную проповѣдь о Спасителѣ міра: „вотъ

люди, исполненные вина“ (Дѣянїя, кн. II, стр. 13). Отсюда отвергается еще, что абсолютность или божественность откровенной истины или догмата, а также полнота и всеобъемлемость догматической истины, не зависятъ отъ того, уяснили-ли мы себѣ связь ея со всею совокупностію всѣхъ доступныхъ намъ истинъ эмпирическихъ или рациональныхъ, а основывается на непосредственной увѣренности въ ихъ возвышенности, благотворности, необходимости и богооткровенности; ихъ высшій авторитетъ не зависитъ отъ того, примирили-ли мы или не примирили ихъ съ нашимъ ограниченнымъ, часто отрывочнымъ и несовершеннымъ знаніемъ. Православный христіанинъ сознаетъ, что въ этой жизни мы *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ*, какъ учить Слово Божіе, что полное и всеобъемлющее знаніе есть идеаль недостижимый и что поэтому никогда не должно смѣшивать абсолютную, богооткровенную истину съ нашимъ ограниченнымъ пониманіемъ ея. Съ этой точки зрѣнія никакая философія, и въ частности, никакая теософія никогда не замѣнитъ для него догматику, какъ науку о полномъ объемѣ богооткровенныхъ истинъ, и поэтому догматика всегда должна сохранять для него характеръ нѣкоторой отвлеченности, т. е. возвышенности и недоступности сравнительно со всѣми остальными нашими познаніями. Теософія, т. е. стремленіе понять эти истины сознательно, въ мѣру нашихъ познавательныхъ силъ на основаніи тѣхъ или другихъ философскихъ началъ, есть, на нашъ взглядъ, прекрасная наука, оправдываемая духомъ времени и отвѣчающая естественнымъ стремленіемъ челоука къ разумности; но она никогда не должна забывать, что ея субъективное пониманіе откровенныхъ истинъ, ея примиреніе ихъ съ требованіями разума и опыта, никогда не должны замѣнять догматику, выдавать себя за какое-то высшее откровеніе въ челоуческомъ разумѣ и отвергать прямыя и непосредственныя требованія догматики во имя лишь своего субъективнаго пониманія христіанства. Словомъ, мы уважаемъ теософію, но отвергаемъ ея право рѣшать богословскіе вопросы, самостоятельно, независимо отъ догматики и даже вопреки ей, на однихъ лишь

субъективныхъ началахъ. Этотъ выводъ мы не задумываемся при-
мѣнить и къ теософическому рѣшенію г. Соловьевымъ вопроса о
церковномъ единеніи. Именно съ этой точки зрѣнія мы постараем-
ся разсмотрѣть его теософическія начала, лежація въ основѣ
предполагаемаго имъ церковнаго единенія Востока съ Западомъ.

П. Стояновъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ

ФИЛОСОФСКАГО ПОЗНАНІЯ.

Характеристическая особенность, отличающая каждое научное знаніе отъ знанія непосредственнаго или основаннаго на довѣрїи къ авторитету, состоитъ въ томъ, что всѣ входящія въ составъ данной науки положенія должны быть рачіонально обоснованы или доказаны. Правда, истинное положеніе, истинная мысль всегда остается истинною и, какъ таковая, можетъ быть усвоена нами и безъ доказательствъ; но знаніе научное не удовлетворяется такимъ усвоеніемъ истины на вѣру; оно требуетъ указанія рачіональной необходимости признанія ся за истину, требуетъ доказательства. Для мышленія научнаго, каждое недоказанное положеніе или сужденіе, хотя-бы оно было и истинно, остается не достовѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не доказано; только при помощи доказательствъ, вѣра въ извѣстную истину переходитъ въ достовѣрность и самая истина становится достовѣрною истинною.

Но въ дѣйствительномъ ходѣ нашей познавательной дѣятельности, строгое и точное выполненіе этого идеальнаго требованія представляется неосуществимымъ. Такъ напр., доказывая извѣстное положеніе извѣстною мыслию, мы для самой достовѣрности нашего доказательства должны-бы доказать и ту мысль, которою подтверждаемъ данное положеніе; доказательство этой мысли, въ свою очередь, потребовало-бы новаго доказательства того положенія, на которомъ мы ее основываемъ, и такъ далѣе до безконечности. Очевидно поэтому, что въ

цѣпи нашихъ доказательствъ мы должны на чемъ-нибудь остановиться, чтобы не идти въ безконечность, доказывая одно положеніе другимъ, должны предположить что-нибудь несомнѣнное и не пугающееся въ дальнѣйшемъ доказываніи. Эти несомнѣнныя и недоказуемыя положенія, составляющія твердую почву, на которой держится состоятельность всѣхъ прочихъ доказательствъ, и составляютъ *основныя начала* (принципы) достовѣрности каждаго даннаго рода познанія.

Если-же теперь всякое научное, какъ основанное на раціональныхъ доказательствахъ, знаніе въ концѣ концовъ должно опираться на основныя, самодостовѣрныя принципы или начала, то истина и достовѣрность каждаго знанія окончательно будетъ зависѣть отъ истины и достовѣрности этихъ принциповъ, что само собою предполагаетъ для каждаго, имѣющаго притязаніе на научное значеніе, знанія необходимость выяснить и отчетливо установить ихъ.

Какія-же теперь истины или положенія въ области знанія мы должны признать недоказуемыми, основными и непосредственно достовѣрными? Если за отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ существующимъ въ наличности познаніямъ, то получимъ очень разнообразныя отвѣты, соотвѣтственно различнымъ степенямъ приближенія этихъ познаній къ нормѣ или къ идеалу истинно научнаго знанія. Въ этомъ отношеніи болѣе характеристическими признаками выдѣляются три степени познанія: а) знаніе не строго научное; б) знаніе научное и в) знаніе философское.

а) Для знанія не строго научнаго, точно также какъ для мышленія непосредственнаго и не научнаго, положеніями самодостовѣрными и ненуждающимися въ доказательства признаются обыкновенно всѣ тѣ положенія и истины, въ которыхъ согласно убѣждены или всѣ люди или даже извѣстный кругъ людей даннаго мѣста, времени, общества и въ вѣрности которыхъ непосредственно убѣжденъ и самъ познающій. Таковы прежде всего, основанныя на непосредственной очевидности вѣшняго или внутренняго опыта, факты; никто напр. не требуетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ раціональнаго доказательства того, что сегодня свѣтитъ солнце, что видимый мною

домъ есть дѣйствительно домъ, а не что иное, что я чувствую голодь, усталость, радость и т. п. Далѣе, не требуютъ для обыденнаго знанія доказательства положенія, такъ называемаго, здраваго смысла, въ истинѣ которыхъ убѣждены всѣ, напр. что нужно быть добрымъ, что такой-то порокъ заслуживаетъ презрѣнія или наказанія и пр. Этого рода истины, которыя называются иногда азбучными истинами, согласно признаются всѣми, и доказывать ихъ для общаго сознанія было-бы напрасною тратою времени. Наконецъ, какъ мы сказали, содержаніе недоказываемыхъ истинъ можетъ быть чисто условнымъ, зависѣть отъ согласія въ чемъ-либо извѣстнаго круга лицъ, извѣстнаго времени, общества и пр. Напр. для лицъ, исповѣдующихъ христіанскую религію, истина и богооткровенность этой религіи не подлежитъ сомнѣнію; отсюда, при разсужденіи объ извѣстномъ догматѣ или при спорѣ относительно его между лицами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, нѣтъ никакой нужды доказывать истину христіанской религіи вообще, потому что эта истина разсуждающими или спорящими предполагается уже извѣстною и доказанною. Вообще можно сказать, что въ обыкновенномъ мышленіи непосредственно достовѣрнымъ и не нуждающимся въ доказательствѣ признается каждое положеніе, въ истинѣ котораго *убѣждены всѣ* или извѣстный кругъ людей, независимо отъ того, основано-ли это предварительное убѣжденіе на раціональныхъ доказательствахъ или нѣтъ.

б) Выше обыденнаго мышленія и знанія стоитъ обыкновенное научное знаніе. Кругъ положеній, нуждающихся въ доказательствахъ, здѣсь расширяется; каждое научное положеніе, чтобы стать научнымъ, требуетъ доказательствъ своей истины, которыя могутъ быть или эмпирическими или раціональными, судя по характеру науки. Но такъ какъ, что мы и замѣтили, цѣпь другъ друга обосновывающихъ и доказывающихъ положеній могла-бы тянуться въ безконечность, если-бы мы не остановились на чемъ-нибудь первоначальномъ и неизмѣнномъ уже нужды въ доказываніи, то каждая наука имѣетъ такія недоказываемыя истины или положенія, которыя стоятъ во главѣ ея и служатъ основаніемъ возможности всѣхъ другихъ

ея доказательства. Эти, непосредственно принимаемые различными науками, недоказываемые и не могущія быть доказанными въ границахъ самой науки истины, составляющія основоположенія или принципы наукъ, обыкновенно называются *аксіомами*. Таковы напр. въ математикѣ положенія, что цѣлое равно своимъ частямъ вмѣстѣ взятымъ, что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою и др.; таково напр. въ химіи предположеніе матерія, какъ субстрата физическихъ явленій, даже частице, — атомовъ, какъ известной формы существованія матерія. Количество и содержаніе этихъ аксіомъ или основоположеній наукъ опредѣляется спеціальнымъ содержащемъ каждой изъ нихъ. Единственное, формальное требованіе научнаго знанія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы количество этихъ основныхъ положеній науки (аксіомъ) было ограничиваемо возможно меньшимъ числомъ, чтобы разнообразіе ихъ было сводимо къ необходимому числу дѣйствительно основныхъ и производныхъ истинъ.

в) Но нашъ разумъ, въ своемъ высшемъ и глубочайшемъ стремленіи къ вполнѣ достовѣрному знанію, не удовлетворяется однако-же непосредственною и на вѣру принимаемою самодостовѣрностію тѣхъ основныхъ истинъ и положеній, которыя принимаются за несомнѣнныя какъ въ знаніи обыденномъ, такъ и научномъ. Онъ подвергаетъ критическому анализу эти положенія съ цѣлію опредѣлить, дѣйствительно-ли они такъ достовѣрны и несомнѣнны, какъ предполагаетъ то общее и научное сознаніе. Онъ пытается дать себѣ отчетъ въ самыхъ очевидныхъ, повидимому, положеніяхъ общаго смысла и науки, старается по возможности рационально обосновать ихъ, чтобы все наше знаніе въ совокупности могло назваться вполнѣ научнымъ знаніемъ, т. е. основаннымъ не на предположеніяхъ, но на рационально провѣренныхъ и доказанныхъ началахъ. Эту задачу и беретъ на себя философія; тѣ начала и основные принципы, которые общимъ сознаніемъ и науками принимаются какъ непосредственно достовѣрныя, она вновь дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, не смотря на кажущуюся и всѣми принимаемую ихъ очевидность. Таково напр. убѣжденіе общаго сознанія въ объективной истинѣ нашихъ чувственныхъ

впечатлѣній, въ существованіи реального окружающаго насъ міра и др.; таково напр. предположеніе существованія матеріи, атомовъ въ естествознаніи, пространства въ математикѣ; убѣжденіе въ бытіи Бога, загробной жизни въ религіи,—въ существованіи свободы и вслѣдствіе этого вмѣняемости въ области нравственности и права и т. п. *). Въ этомъ стремленіи изслѣдовать непосредственно очевидныя начала и основанія другихъ наукъ и общаго сознанія—и состоитъ существенная задача философіи и вмѣстѣ отличіе ея отъ другихъ наукъ и знаній. Кто говоритъ въ наукѣ о какомъ-либо положеніи: „это само собою очевидно“,—тотъ еще не философъ, потому что основываетъ свое знаніе на непосредственной увѣренности, не провѣренной и не обоснованной рачіонально.

Однако-же и философія, подвергая критическому анализу принципы другихъ наукъ и очевидныя положенія общаго сознанія и стараясь рачіонально обосновать ихъ, должна-же и сама въ свою очередь какъ въ своемъ сужденіи о нихъ, такъ и въ обоснованіи ихъ исходить изъ какого-либо несомнѣннаго принципа или начала. И философія, чтобы не затеряться въ цѣпи другъ друга доказывающихъ положеній, какъ и другія науки, должна *предварительно* признать что-либо первоначально несомнѣннымъ и достовѣрнымъ, чтобы имѣть твердую точку опоры или критерій для обсужденія всѣхъ другихъ научныхъ и ненаучныхъ началъ и для вывода какого-либо всеобще-доставрнаго принципа. Отсюда вытекаетъ необходимость, такъ называемыхъ, философскихъ *основположеній* или *принциповъ*, т. е. такихъ необходимыхъ и неоспоримыхъ истинъ, которыя служили-бы окончательнымъ основаніемъ всѣхъ другихъ началъ и истинъ, отрицаніе которыхъ было-бы невозможно безъ отрицанія самаго знанія. Но необходимость установленія основныхъ принциповъ въ философіи вытекаетъ не изъ одной только общей ей съ другими науками потребности имѣть какое-либо твердое основаніе и опору для своихъ изслѣдованій и доказательствъ. По своему методу и своей задачѣ, она есть не только наука о принципахъ другихъ наукъ,

*) О значеніи философіи какъ науки, изслѣдующей принципы другихъ наукъ, см. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г. № 7,—ст. „Нужна-ли философія?“

но и наука изъ принциповъ, т. е. высшая ея задача состоитъ въ томъ, чтобы вывести и построить цѣльное міросозерцаніе, исходя изъ какихъ-либо твердыхъ и несомнѣнныхъ началъ. Установленіе этихъ началъ дѣло тѣмъ болѣе важное, что отъ характера и степени ихъ состоятельности будетъ зависѣть все дальнѣйшее построение философскихъ системъ и достоинство философскаго міросозерцанія.

Самый фактъ разнообразія, даже противоположности философскихъ направленій показываетъ, что философы далеко не были согласны въ опредѣленіи основныхъ началъ своей науки. Это разногласіе выразилось прежде всего въ томъ, что не только подвергалась сомнѣнію, но и прямо отрицалась самая необходимость и возможность установленія философіею своихъ принциповъ, путемъ раціональнаго изслѣдованія. Такое отрицаніе, само будучи возведено въ принципъ философіи, нашло свое выраженіе въ двухъ противоположныхъ философскихъ направленіяхъ, изъ которыхъ одно началомъ философскаго познанія признаетъ непосредственную увѣренность въ основныхъ истинахъ знанія, другое совершенно отрицаетъ самую возможность какихъ-либо несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ началъ познанія. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ положительному рѣшенію вопроса, какія истины въ философіи мы должны считать основными и принципиальными, мы должны остановить наше вниманіе на этихъ двухъ направленіяхъ. Критическое разсмотрѣніе ихъ должно окончательно выяснитъ для насъ возможность и необходимость установленія точныхъ принциповъ философіи и указать самый путь, какимъ мы должны идти въ дѣлѣ этого установленія.

1. Въ виду крайняго разногласія философскихъ системъ и видимой безнадежности примиренія ихъ въ области самой-же философіи, во всѣ времена были мыслители, которые сомнѣвались найти надежную точку опоры для философіи въ ней самой, въ раціональномъ обоснованіи ея собственныхъ началъ. Имъ казались вовсе ненужными, странными, даже смѣшными усилія философовъ раціонально доказать такіа напр. основныя и непосредственно очевидныя истины, какъ существованіе внѣшняго міра, Божества, достовѣрность мышленія, обязатель-

ность тѣхъ или иныхъ предписаній нравственнаго закона и т. п. Имъ казалось, что если и нужно для насъ какое-либо завѣреніе этихъ и подобныхъ истинъ, то его должно искать не въ какихъ-либо утонченныхъ метафизическихъ изслѣдованіяхъ, но или а) въ простомъ *свидѣтельствѣ* здраваго или *общаго смысла*, или б) въ непосредственной, неподлежащей вѣдѣнію разума, на чувствѣ основанной *вѣрѣ* въ эти истины.

а) Философія *общаго* или здраваго *смысла* не есть, какъ можно-бы предположить, первоначальное обнаруженіе философствующей мысли, когда еще не представлялось необходимости слишкомъ углубляться въ изслѣдованія объ основныя началахъ знанія и когда умъ человѣка могъ довольствоваться, не подвергавшимся еще сомнѣнію, общими и всѣми признаваемыми за истину, убѣжденіями. Напротивъ, она появляется въ философіи въ различныя эпохи, какъ результатъ крушенія различныхъ философскихъ принциповъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго антагонизма и явившагося отсюда недовѣрія къ силѣ философской мысли. При разногласіи философскихъ системъ, при неустойчивости ихъ основоположеній, нѣкоторымъ казалось всего безопаснѣе остановиться на всѣми признаваемыхъ и устойчивыхъ, при всѣхъ превратностяхъ борьбы философскихъ теорій, началахъ обыкновеннаго, здраваго смысла, не давая себѣ бесплоднаго труда научно доказывать или оправдывать эти начала. Такъ первое обнаруженіе направленія, нами разсматриваемаго, мы находимъ у Сократа, который, въ виду взаимнаго антагонизма предшествующихъ философскихъ школъ и разрушенія ихъ софистикою, остановился на непосредственномъ свидѣтельствѣ всеобщаго нравственнаго сознанія, считая бесполезными утонченныя, теоретическія изслѣдованія о природѣ вещей. Тоже самое стремленіе поставить общій смыслъ критеріемъ истины, среди разногласія философскихъ системъ, находимъ у Цицерона. Последнее основаніе и ручательство истины чего-либо, по его мнѣнію, заключается въ естественномъ, прирожденномъ всѣмъ намъ чувствѣ истины. Для нашего сознанія непосредственно очевидны, убѣдительно и какъ-бы врождены основныя истины знанія и жизни. Такъ природа прежде всего даровала намъ основныя нравственныя понятія,

раньше всякаго наученія, какъ-бы нѣкоторое приданое. Сущность нравственности поэтому гораздо безопаснѣе можно узнать изъ общаго сознанія, чѣмъ изъ ученія замѣчательныхъ мужей и опредѣленія понятій. Точно также самою природою пасажены въ насъ понятія о правѣ, и только впоследствии образующаяся вѣклонность ко злу помрачаетъ ихъ. Необходимѣйшія для насъ истины религіи равнымъ образомъ составляютъ природное наше достояніе. Внѣшнимъ-же признакомъ и несомнѣнимъ доказательствомъ врожденности и непосредственной достовѣрности какого-либо мнѣнія служить согласное признаніе его за истину всѣми людьми; согласіе въ чемъ-либо всѣхъ людей, по ученію Цицерона, должно быть почитаемо голосомъ природы. Въ новой філософіи принципъ общаго смысла поставленъ во главу этой науки, такъ называемою, шотландскою школою, главные представители которой: Ридъ, Беатти, Освальдъ и Дюгальдъ-Стюартъ. На здравый смыслъ, какъ на послѣднее завѣреніе истины въ борьбѣ своей съ традиціонными религіозными и политическими установленіями, ссылались обыкновенно французскіе філософы XVIII вѣка: Вольтеръ, Руссо, Дидро и др. Тоже начало служило принципомъ філософіи нѣмецкихъ, такъ называемыхъ, філософовъ просвѣщеннаго взгляда на вещи (Aufklärung's Philosophen) прошлаго столѣтія, каковы: Мендельсонъ, Гарье, Реймарусъ, Базедовъ и др. Противопоставленіе здраваго смысла філософскимъ утонченностямъ и попыткамъ доказать основныя истины сознанія,—явленіе обыкновенное и въ наше время.

Главное основаніе своего довѣрія къ принципу общаго смысла, кромѣ указаній на кажущуюся недостовѣрность и бесполезность теоретическихъ изслѣдованій объ основныя началахъ знанія, защитники его находятъ въ томъ предположеніи, что всѣмъ людямъ прирождено чувство истины, которое съ непреодолимою силою убѣдительности утверждаетъ коренныя истины знанія и нравственности. Сомнѣніе въ этихъ истинахъ, отрицаніе ихъ, есть дѣло случайное, которое можетъ происходить или отъ нравственнаго искаженія разумной природы человека,—каково напр. отрицаніе началъ нравственныхъ, или отъ теоретическаго искаженія ума софистическими утонченно-

стями и абстрактнымъ умствованіемъ; таково отрицаніе основныхъ истинъ знанія, напр. отрицаніе достовѣрности бытія, чувственнаго міра у философовъ-идеалистовъ. Но это, какъ мы сказали, дѣло отдѣльныхъ личностей; за ними не слѣдуетъ общее сознаніе человѣчества, голосъ котораго и служитъ критеріемъ истины: можетъ заблуждаться разумъ частный, разумъ всеобщій непогрѣшимъ.

На первый взглядъ начало общаго смысла, какъ критерій истины, можетъ показаться очень простымъ, яснымъ и опредѣленнымъ: „признавай за истину все то, что согласно съ здравымъ смысломъ и въ чемъ поэтому согласны всѣ люди. въ чемъ выражается голосъ ихъ разумной природы; отвергай прямо какъ ложное, каждое мнѣніе, которое ведетъ къ отрицанію истинъ, составляющихъ общее убѣжденіе человѣчества“. Но эта кажущаяся ясность и опредѣленность скоро исчезаетъ при болѣе внимательномъ взглядѣ на дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое примѣненіе принципа общаго смысла въ философіи оказывается крайне затруднительнымъ.

Уже одно сопоставленіе именъ философовъ, исходившихъ изъ разсматриваемаго нами принципа, одна возможность на той-же почвѣ здраваго смысла возникнуть столь противоположнымъ направленіямъ, каковы напр. Сократа и Вольтера, — противоположнаго разрушительной софистикѣ консерватизма въ религіозной и общественной жизни и все разрушающаго радикализма, заставляеть сильно сомнѣваться, такъ-ли тверда и надежна для философіи эта почва, какъ кажется. Самое коренное различіе философскихъ воззрѣній, однако-же ссылавшихся въ оправданіе своихъ мнѣній на здравый смыслъ, заставляеть предполагать, что понятія ихъ о „здравомъ смыслѣ“ далеко не одинаковы. Поэтому, не смотря на увѣреніе нѣкоторыхъ защитниковъ разсматриваемаго нами направленія, что понятіе здраваго смысла есть до такой степени очевидное и ясное понятіе, что оно не требуетъ никакого опредѣленія *),

*) Такъ, одинъ изъ философовъ шотландской школы (Освальдъ) прямо говоритъ, что онъ не желаетъ и давать опредѣленія здраваго человѣческаго разума, потому что это само собою ясное понятіе и онъ не желаетъ писать для тѣхъ, которые этого не понимаютъ. Однако-же въ философіи нельзя ссылаться на на-

мы вправѣ спросить: что такое здравый смыслъ, какія истины согласны съ нимъ и какія нѣтъ?

Конечно, въ опредѣленіи здраваго смысла и истинъ имъ утверждаемыхъ, какъ философскаго самодостовѣрнаго принципа, мы не имѣемъ права ссылаться на личный здравый смыслъ каждаго. Въ этомъ согласны съ нами защитники разсматриваемаго нами направленія философіи. Разумъ частный, говорятъ, слабъ и способенъ заблуждаться. И дѣйствительно, допустивъ личный, индивидуальный разумъ каждаго, какъ критерій истины, мы придемъ къ крайнему субъективизму, къ положенію софистовъ, уничтожающему всякое научное знаніе: „что кому кажется истиннымъ, то и истинно“.

Итакъ, существенный и необходимый признакъ здраваго смысла есть его всеобщность; здравый и общій смыслъ повятія тождественны, что согласно и съ обычнымъ слово-употребленіемъ. Вообще согласіе людей въ чемъ-либо есть несомнѣнная гарантія истины; разумъ всеобщій, говорятъ, непогрѣшимъ.

Не говоримъ о томъ, что самая эта гарантія, основывающаяся на всеобщности, очень сомнительна. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ она основана? Если мы отказываемъ въ непогрѣшимости разуму индивидуальному, то нѣтъ основанія приписывать ее и разуму всеобщему. Если каждый частный разумъ слабъ и способенъ заблуждаться, то какимъ образомъ сочетаніе множества погрѣшающихъ разумовъ можетъ образовать разумъ непогрѣшимый? Какимъ образомъ, совокупляя недостовѣрности частныхъ умовъ, получимъ въ итогѣ всеобщую достовѣрность? Итакъ самое убѣжденіе въ абсолютной достовѣрности всеобщаго разума представляется намъ недоказаннымъ.

Но этого мало; предположимъ эту достовѣрность. Можемъ-ли мы найти абсолютно достовѣрныя истины разума, т. е. пе-

чало, котораго не хотятъ и не могутъ опредѣлять. А что оно не такъ ясно, какъ кажется, и для самихъ философовъ шотландской школы, видно изъ того, что они съ однимъ и тѣмъ-же выраженіемъ „здравый смыслъ“ соединяютъ очень различныя понятія и вмѣсто него часто ссылаются на вѣру, на принциптъ нашей натуры, на непосредственное убѣжденіе, на чувство. Но эти понятія съ одной стороны столько-же неопредѣленны у нихъ, какъ и понятіе общаго смысла; съ другой далеко не тождественны съ нимъ. Reichlin-Meldegg, Einl. in zur Philosophie. 1870. p. 187.

тины, въ которыхъ согласны всѣ люди и дѣйствительно-ли эти истины несутъ на себѣ требуемый признакъ достовѣрности, т. е. всеобщность?

Среди безчисленнаго разнообразія людскихъ мнѣній мы, конечно, можемъ найти нѣкоторыя истины, въ которыхъ убѣждены всѣ люди, напримѣръ: что дважды два четыре, что предметы, которые мы видимъ, суть дѣйствительно тѣ предметы, какіе мы видимъ; что противорѣчить самому себѣ, говорить объ одномъ и томъ же и да и нѣтъ, значитъ противорѣчить коренному требованію нашего мышленія и т. п. Но очевидно, что всѣ эти и подобныя истины, дѣйствительно признаваемыя всѣми, не лишены здраваго смысла людьми, далеко не суть тѣ положенія, около которыхъ вращаются самыя живыя интересы философскаго знанія. Какъ скоро дѣло доходитъ до такихъ положеній, относительно которыхъ желательно было бы дѣйствительно слышать голосъ, такъ называемаго, всеобщаго разума, тотчасъ возникаютъ недоумѣнія касательно ихъ всеобщности, таковы напримѣръ убѣжденія въ истинахъ бытія Божія, духовности души, въ существованіи свободы и др. Тотчасъ возникаютъ разногласія даже между защитниками философіи общаго смысла, сколько и какія именно положенія должно признавать выраженіемъ этого смысла. Да и кромѣ того, самыя, повидимому, общепризнаваемыя истины представляются съ столь разнообразными субъективными оттѣнками у различныхъ лицъ, народовъ, въ различныя времена, что за устраненіемъ этихъ оттѣнковъ для выдѣленія изъ разнообразнаго и частнаго, общечеловѣческаго, въ итогѣ получаютъ столь общія и неопредѣленныя понятія, что они оказываются совершенно бесполезными для философскаго познанія. Всѣ люди, положимъ, увѣрены въ собственномъ существованіи, въ бытіи природы, Божества; что же касается до самыхъ *понятій* о томъ, что такое наше я, природа, Богъ, то мы встрѣчаемъ здѣсь чрезвычайное разнообразіе, даже противорѣчіе мнѣній. Но много ли будетъ для философіи пользы отъ признанія этихъ неопредѣленныхъ убѣжденій въ бытіи нашего я, міра, Бога, если она не вынесетъ отсюда никакого яснаго понятія о нихъ? Эти убѣжденія не предотвратятъ споровъ и разногласія каса-

тельно пониманія этихъ объектовъ, такъ какъ здѣсь всеобщій разумъ не даетъ никакого рѣшительнаго отвѣта. Для философіи же важно именно правильное *понятіе* объ этихъ предметахъ, а не одно только утвержденіе ихъ, какъ фактовъ общечеловѣческаго сознанія.

Но когда мы называемъ эти и подобныя, бесполезныя по ихъ неопредѣленности убѣжденія, выраженія общечеловѣческаго сознанія, убѣжденіями *всеобщими*, то на самомъ дѣлѣ говоримъ слишкомъ много. Говоря точно, ихъ можно назвать только убѣжденіями большинства людей, при чемъ они очевидно уже много теряютъ въ своемъ значеніи. Исторія философіи показываетъ, что самыя повидимому неоспоримыя истины, для всѣхъ кажуціяся очевидными убѣжденія подвергались сомнѣнію, были отрицаемы. Намъ скажутъ: нѣтъ правила безъ исключенія; такія ненормальныя противорѣчія здравому смыслу также не нарушаютъ всеобщей его достовѣрности, какъ аномаліи напримѣръ въ органическомъ царствѣ—общихъ законовъ его. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ будетъ отличаться философское начало, отъ котораго требуютъ безусловной всеобщности и достовѣрности, если оно будетъ допускать исключенія и ограниченія, какъ обыкновенное мнѣніе? Такое начало, кромѣ того, должно быть началомъ не только всеобщимъ, но и необходимымъ, т. е. такимъ, допущеніе въ мысли противнаго чему было бы немислимо. Но далеко не таковы начала, признаваемые за основныя положенія общаго смысла защитниками разсматриваемаго нами направленія философіи,—таковы напримѣръ положенія о реальности души, какъ отличной отъ тѣла субстанціи, безсмертія ея, объ объективной реальности внѣшняго міра и др. Если-бы были немислимы мнѣнія противоположныя имъ, то ихъ и не возникало-бы въ исторіи мышленія. Итакъ, эти положенія нельзя назвать сами по себѣ очевидными, необходимыми и невуждающимися въ доказательствѣ положеніями.

Кромѣ того, самый характеръ мнѣній, повидимому, противорѣчащихъ положеніямъ общаго смысла, показываетъ, что ихъ никакъ нельзя назвать такими же аномаліями и случай-

ностями, какъ напр. случаи сумашествія или уродства. Если бы мы встрѣчали рѣдкія, ни на чемъ не основанныя уклоненія мнѣній отъ общаго смысла у нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, то можетъ быть имѣли-бы право не обращать на нихъ вниманія. Но когда не какіе нибудь отдѣльные безумцы, а цѣлыя філософскія школы высказывали сомнѣнія касательно достовѣрности всеобщихъ убѣжденій, когда одни, и при томъ составляющіе славу філософіи, мыслители съ направленіемъ идеалистическимъ, отрицали достовѣрность или познанія или бытія предметовъ чувственныхъ; когда другіе философы, съ направленіемъ матеріалистическимъ, отрицали самобытность духовной природы, то невольно возникаетъ недоумѣніе, по какой злосчастной судьбѣ умъ человѣка въ своемъ высшемъ развитіи такъ часто противорѣчитъ положеніямъ общаго смысла? Невольно возникаетъ сомнѣніе, такъ ли несомнѣнны изреченія этого смысла, какъ мы привыкли думать о нихъ, — и кому больше вѣрить, не мыслящему, но руководящемуся общимъ мнѣніемъ большинству, или меньшинству мыслителей? Вообще, явленіе мыслителей, теоріи которыхъ противорѣчатъ убѣжденіямъ общаго смысла, есть явленіе совершенно необъяснимое съ точки зрѣнія філософіи, полагающей этотъ смыслъ своимъ принципомъ; на всѣ філософскія системы, противорѣчащія этимъ убѣжденіямъ, она должна смотрѣть какъ на нѣчто непормальное и бессмысленное.

Не менѣе чѣмъ дѣйствительное разногласіе людей, наводитъ сомнѣніе на абсолютное значеніе общаго смысла и то обстоятельство, что этотъ принципъ не даетъ никакихъ ручательствъ за будущую состоятельность даже тѣхъ убѣжденій, которыя, въ настоящій моментъ мы нашли-бы всеобщими. Принципъ общаго смысла, чтобы быть дѣйствительнымъ началомъ філософскаго познанія, долженъ имѣть характеръ полной всеобщности и необходимости. Нужно, чтобы извѣстная истина была въ точномъ смыслѣ *всеобщимъ* убѣжденіемъ человѣческаго рода, а не одного извѣстнаго времени, даже длиннаго ряда вѣковъ. Но очевидно, что достигнуть такой увѣренности на основаніи одного принципа общаго смысла, мы никакъ не можемъ. Согласіе предшествующихъ поколѣній въ признаціи

какой-либо истины, само по себѣ не заключаетъ еще ручательства, что и будущія поколѣнія также станутъ признавать эту истину. Кто поручится, что мнѣніе, въ которомъ теперь согласны всѣ, не есть мнѣніе вѣка, одна изъ переходныхъ ступеней на пути къ истинѣ? Кто поручится, что черезъ нѣсколько столѣтій то, что теперь кажется неоспоримою истиною, не окажется несостоятельнымъ? Какъ-бы ни было велико количество свидѣтелей истины, вызываемыхъ изъ могилъ цѣлыхъ поколѣній и народовъ, они могутъ быть только свидѣтелями прошедшаго, а не будущаго. Вообще, философія общаго смысла рѣшительно безотвѣтна и безпомощна противъ тѣхъ, не рѣдко и высказываемыхъ предположеній, что самыя существенныя въ прошедшее и настоящее время убѣжденія (напр. религіозныя) могутъ быть только временными, исторически, а не абсолютно необходимыми убѣжденіями, — и въ этомъ ея коренной недостатокъ.

Все это рѣшительно колеблетъ философское значеніе принципа общаго смысла, подрывая единственную гарантію его истины — всеобщность. Въ самомъ дѣлѣ, изъ сказаннаго нами видно, что, строго говоря, мы можемъ найти, и то по отношенію къ настоящему только и прошедшему человѣческаго рода, не всеобщія убѣжденія, но убѣжденія большей части людей, не всеобщій разумъ, а разумъ большинства. Но то начало, по которому количественное большинство голосовъ поставляется судьей истины, если и можетъ быть допущено въ жизни практической и общественной, никакъ не можетъ быть принято началомъ знанія. Истина можетъ быть достояніемъ немногихъ умовъ, качественно возвышающихся надъ большинствомъ, и наоборотъ, заблужденіе можетъ быть всеобщимъ, а не частнымъ только. Опытъ дѣйствительно показываетъ намъ, что сужденія о вещахъ большинства не всегда бывали наилучшими и, даже для своего времени, относительно вѣрнѣйшими. Часто случалось, что истина составляла достояніе очень и очень небольшого числа лицъ, рѣшавшихся идти наперекоръ господствующимъ понятіямъ. Въ древности политеизмъ былъ явленіемъ всеобщимъ въ языческомъ мірѣ; истина единства Божія была достояніемъ лишь немногихъ фи-

лософовъ. Даже въ народѣ избранномъ бывали эпохи, когда подъ вліяніемъ общихъ убѣжденій всего міра, эта истина колебалась до такой степени, что пророкъ приходилъ къ сомнѣнію, не остался-ли онъ одинъ чтителемъ истиннаго Бога *). Вотъ убѣжденіе общаго смысла своего времени, оказавшееся несостоятельнымъ. Въ средніе вѣка вѣра въ волшебство, въ возможность чувственнаго сообщенія темныхъ духовъ съ людьми, въ магію, въ алхімію, была всеобщимъ убѣжденіемъ не только простыхъ, но и образованныхъ людей; но слѣдуетъ-ли отсюда, чтобы то, что признавалъ тогда всеобщій смыслъ, было и па самомъ дѣлѣ истиннымъ и здравымъ? Теорія обращенія земли около солнца, открытая Коперникомъ, прямо противорѣчитъ нашему непосредственному представленію и въ свое время противорѣчила и всеобщему мнѣнію и теоріямъ ученыхъ, но тѣмъ не менѣе наука оправдала гениальное открытіе и никто не скажетъ, чтобы противоположное мнѣніе, и теперь раздѣляемое большинствомъ людей, наводило на него тѣнь сомнѣнія. Эти и подобныя явленія въ исторіи знанія показываютъ, что такъ называемый всеобщій разумъ, или точнѣе — разумъ большинства, по своей ограниченности и способности заблуждаться, не отличается отъ разума частнаго и потому не можетъ быть началомъ и критеріемъ философскаго познанія.

Наконецъ, должно замѣтить и то, что послѣдовательное приложеніе въ знаніи начала общаго смысла, повело-бы къ уничтоженію самаго знанія, такъ какъ знаніе не есть что-либо данное и готовое, но находится въ процессѣ постояннаго усовершенствованія. Строго слѣдуя началу общаго смысла, мы должны бы признать, что каждое мнѣніе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ большее число людей его раздѣляетъ. Но допустивъ это, мы никогда не сдѣлаемъ и одного шага въ области научнаго знанія, гдѣ каждое новое открытіе, новая мысль, прежде всего является достояніемъ немногихъ умовъ, часто вступаетъ въ борьбу съ принятыми уже и освященными древностію убѣжденіями и воззрѣніями и часто, только по истеченіи долгаго времени, мало-по-малу входитъ въ общее сознаніе и стано-

*) 3 Царствъ, 19, 10.

вится общимъ достояніемъ. Въ частности, — исходя изъ такого начала, — соглашаться всегда съ большинствомъ, чтобы не уклониться отъ истины, мы положимъ предѣлъ всякому философскому знанію, которое не только составляетъ удѣлъ не многихъ умовъ, но часто идетъ вопреки обыкновенному мнѣнію; да и въ области самой философіи, каждое новое произведеніе оригинальнаго философскаго ума прежде всего исходитъ изъ сознанія недостаточности прежде принятыхъ философскихъ теорій и, такимъ образомъ, открывая новое, непременно идетъ вопреки господствующему направленію философіи. Словомъ, проводя въ знаніи строго начало общаго смысла, мы остановили-бы всякій прогрессъ знанія, полагая верхомъ благоразумія оставаться *in statu quo*, держась принятыхъ теорій и господствующихъ убѣжденій.

Такимъ образомъ постоянное движеніе науки и усовершенствованіе знанія само собою опровергаетъ мысль объ абсолютной непогрѣшимости всеобщаго разума. Ибо потому и измѣняются и усовершенствуются наши познанія, что прежнія были несовершенны и потому не абсолютно истинны; и что относится къ каждой прошедшей эпохѣ знанія, то имѣетъ мѣсто и въ приложеніи къ настоящему и будущему положенію его. Ни о какомъ данномъ моментѣ въ исторіи человѣческаго разума нельзя сказать, чтобы въ *этомъ* моментѣ онъ не способенъ былъ идти еще дальше, не способенъ усовершеншаться, слѣдовательно чтобы онъ былъ непогрѣшимъ.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, что начало общаго смысла въ сущности не можетъ быть названо строго философскимъ началомъ *). Дѣйствительно, въ основу философіи

*) Не говоримъ здѣсь о формальномъ недостаткѣ принципа общаго смысла, какъ научнаго философскаго принципа. Идеальное требованіе отъ такого принципа, кромѣ его рациональной обоснованности, есть его *единство*. Но какъ далека отъ этого требованія философія общаго смысла, видно изъ того, что наиболѣе научные представители этой философіи, шотландскіе философы, только чисто эмпирически сопоставляютъ различныя истины общаго смысла, не пытаясь объединить ихъ и показать генетическую ихъ связь. Такъ напримѣръ Ридъ находитъ двѣнадцать „началъ истинъ случайныхъ“, или фактическихъ. Сюда относятся убѣжденіе въ дѣйствительности непосредственно сознаваемыхъ нами душевныхъ состояній, убѣжденіе въ принадлежности этихъ состояній моему я, убѣжденіе въ

здѣсь полагается непосредственное чувство или сознаніе истины, удостовѣряемое большинствомъ. Что такое чувство въ насъ есть и что оно имѣетъ большое значеніе въ практической жизни и въ обычномъ ходѣ мышленія, когда мы и безъ особеннаго напряженія ума можемъ, инстинктивнымъ, такъ сказать, чутьемъ, угадывать истину,—это несомнѣнно. Но несомнѣнно и то, что это, присущее всѣмъ людямъ чувство истины, не есть еще *знаніе* истины, какого требуетъ философія. Знаніе истины не есть только непосредственное признаніе ея или убѣжденіе въ ней, но отчетливое, разумное сознаніе, почему мы то или другое принимаемъ за истину. Поэтому и философія, какъ знаніе истины, какъ наука, не можетъ основываться на такихъ убѣжденіяхъ, которыя хотя сами по себѣ могутъ быть и истинны, но лишены характера знанія, т. е. не имѣютъ ясности и отчетливости понятія. Существенное требованіе отъ философіи, чтобы ея основоположенія были обоснованы и доказаны; но этого требованія не хочетъ знать философія общаго смыс-

существованіи предметовъ ясно припоминаемыхъ, въ личномъ нашемъ тождествѣ, въ достовѣрности нашихъ чувственныхъ воспріятій, въ зависимости нашихъ дѣйствій отъ нашей воли, въ присутствіи въ насъ способности отличать истину отъ лжи; убѣжденіе въ томъ, что подобныя намъ существа суть существа разумныя и живыя, что внѣшніе знавіи у людей (напримѣръ слова) выражаютъ внутреннія ихъ состоянія, что люди вообще говорятъ истину; убѣжденіе въ томъ, что множество свободныхъ человѣческихъ дѣйствій не можетъ быть предсказано, что силы природы дѣйствуютъ единообразно, какъ для пастоящаго, такъ и для будущаго. Кромѣ этихъ случайныхъ (фактическихъ) началъ, Ридъ признаетъ еще начала „истинныхъ необходимыхъ“, которыя различаются по наукамъ, основаніе для которыхъ онѣ составляютъ; таковыя начала: грамматическія, логическія, математическія, эстетическія, моральныя и метафизическія. Что касается до началъ фактическихъ, то у Рида нѣтъ никакого основанія, почему онъ принимаетъ ихъ двѣнадцать, ни больше, ни меньше; такого рода началъ можно-бы насчитать и цѣлую сотню. Что касается до началъ необходимыхъ, или руководящихъ принциповъ (аксіомъ) разныхъ наукъ, то и здѣсь замѣчается тотъ-же произволъ въ ихъ установленіи; кромѣ упомянутыхъ мы можемъ съ равнымъ правомъ допустить начала юридическія, медицинскія, физическія, историческія, богословскія. Но истинная философія въ томъ и поставляетъ свою задачу, чтобы объединить разрозненныя начала всѣхъ другихъ наукъ и попытаться вывести ихъ достовѣрность изъ одного начала. Такое выведеніе должно имѣть цѣлю не одну только математическую стройность и цѣльность научнаго знанія (хотя и это требованіе имѣетъ значеніе); оно должно рационально обосновать эти начала: изъ *предположеній*, какими они являются въ частныхъ наукахъ, сдѣлать *достовѣрными истинами*.

ла, принимающая на вѣру главныя свои положенія потому только, что они кажутся ей всеобщими. Но теряя отъ этого въ своей глубинѣ и истинно философскомъ характерѣ, она въ тоже время теряетъ и относительно широты и полноты философскаго познанія. Для нея не существуетъ не только метафизика, но и дѣйствительная теорія познанія; она не интересуется вопросомъ, можетъ-ли и какъ человѣческій умъ достигать истины; она только старается выяснитъ, до какой степени общее сознаніе убѣждено въ извѣстныхъ положеніяхъ. Поэтому-то, какъ показываетъ и исторія философіи, послѣдователи пачала общаго смысла и не произвели ничего существенно важнаго и оригинальнаго въ этой наукѣ. Труды наиболѣе выдающихся представителей направленія, нами разсматриваемаго, касались преимущественно или нравственной философіи или эмпирической психологій. Большинство-же философовъ, руководившихся такъ называемымъ общимъ смысломъ, замѣчательны только популярнымъ, часто поверхностнымъ и не имѣющимъ серьезнаго научнаго значенія философствованіемъ о различныхъ предметахъ. Это философствованіе часто превращалось въ столь-же поверхностную, хотя ожесточенную и самоувѣренную критику существующихъ религіозныхъ и общественныхъ уставовъ, подъ предлогомъ противорѣчія или такъ называемому здравому смыслу или разуму, подъ именемъ котораго разумѣлся уже не общій смыслъ человѣчества, ни даже большинства людей, по пониманію извѣстнаго кружка считавшихъ себя образованными лицъ, выдававшихъ себя за представителей общечеловѣческаго разума.

Съ философіею общаго или здраваго смысла въ самомъ тѣсномъ родствѣ находится то направленіе философіи, которое называется *эклeктизмомъ* или *синкретизмомъ* *). Эклeктизмъ отъ обыкновенной философіи здраваго смысла отличается тѣмъ,

*) Эклeктизмъ отъ синкретизма отличаютъ иногда такъ, что подъ эклeктизмомъ разумѣютъ выборъ и сводъ согласующагося въ различныхъ системахъ, а подъ синкретизмомъ соглашеніе и примиреніе разногласнаго въ нихъ, напр. попытка соглашенія Платона и Аристотеля. Въ этомъ смыслѣ синкретизмомъ называютъ напр. Александрійскій неоплатонизмъ и различаютъ въ немъ: іудейско-греческій (Филона), христіанско-греческій (Климентъ, Оригена) и языческо-греческій (Порфирій, Плотинъ) синкретизмъ.

что представителями этого смысла признаетъ не просто большинство, но большинство по преимуществу мыслящее, т. е. философовъ. Сообразно своему принципу эклектикъ изъ системъ различныхъ мыслителей долженъ-бы выбирать то, въ чемъ если не всѣ, то большая часть ихъ согласны. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ приемъ при коренномъ различіи главныхъ философскихъ направленій не приложимъ, то обыкновенно онъ выбираетъ изъ нихъ то, что самъ онъ считаетъ болѣе согласнымъ съ истинною. Такимъ образомъ принципомъ эклектизма въ дѣйствительности является личное, непосредственное чувство истины. Отсюда видно, что по своему принципу эклектизмъ принадлежитъ не къ строго философскимъ направленіямъ, такъ какъ онъ принимаетъ въ свою систему тѣ или другія мнѣнія философовъ, руководствуясь только внутреннимъ чутьемъ истины, личнымъ здравымъ смысломъ. Конечно такое чутье можетъ быть болѣе и менѣе чуткимъ, судя по большей или меньшей степени личнаго таланта, и оно можетъ иногда вѣрно угадывать истину; но оно не можетъ имѣть строго философскаго характера и быть философскимъ началомъ знанія. Отъ этого эклектизмъ никогда не можетъ создать и строго научной, философской системы. Эклектикъ щиплетъ тамъ и здѣсь цвѣты и листья разныхъ философскихъ произведеній, чтобы изъ нихъ составить растеніе; но онъ дѣлаетъ только букетъ, который на время можетъ высматривать очень красиво, но скоро вянетъ, потому что въ немъ нѣтъ никакой внутренней, собственной жизни. Не говоримъ о другихъ недостаткахъ эклектизма, о трудности изъ разнородныхъ системъ образовать одно внутренне связанное цѣлое, отчего въ эклектическихъ системахъ часто внутренняя, органическая связь замѣняется внѣшней, формальною логическою связью,—о зависимости большей части эклектическихъ системъ отъ одной какой-либо философской системы, или господствующей въ данное время, или особенно уважаемой мыслителемъ по его личнымъ симпатіямъ, при чемъ и его собственная система уже теряетъ характеръ строгаго эклектизма и безпристрастія въ выборѣ элементовъ сводной системы.

Хотя философскія системы, основанныя какъ на началѣ общаго смысла, такъ и на эклектическомъ принципѣ, и не удов-

летворяютъ требованіямъ философіи относительно твердости и научнаго характера своего принципа, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ важное значеніе въ исторіи человѣческой мысли. Это значеніе состоитъ въ томъ, что онѣ болѣе, чѣмъ всякія другія, способствуютъ популяризаціи философскихъ идей и распространенію ихъ въ обширныхъ кругахъ. Дѣйствительно, исторія философіи не разъ отмѣчаетъ тотъ замѣчательный фактъ, что эклектическія, или основанныя на началахъ такъ называемаго здраваго смысла, ученія имѣли несравненно больше вліянія и болѣе обширный кругъ распространенія, чѣмъ системы замѣчательныхъ, сильныхъ и оригинальныхъ мыслителей. Такъ напр., въ древности неоплатонизмъ, который въ сущности есть ничто иное, какъ синкретизмъ идей Платона съ вѣрованіями восточныхъ народовъ, имѣлъ гораздо болѣе жизненнаго вліянія и устойчивости, чѣмъ подлинная философія Платона, которая со времени смерти своего основателя имѣла мало послѣдователей, сравнительно съ другими школами, до тѣхъ поръ, пока не выродилась въ неоплатонизмъ. Философскія сочиненія Цицерона опять имѣли громадное воспитательное вліяніе, съ которымъ не можетъ сравниться вліяніе другихъ, болѣе самостоятельныхъ философскихъ твореній. Нѣтъ нужды говорить о всѣмъ извѣстномъ вліяніи англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ на свое время. Направленіе шотландскихъ философовъ и до сихъ поръ наиболѣе распространенное въ англійской философіи. Такое значеніе и вліяніе эклектическихъ и основанныхъ на началѣ общаго смысла ученій объяснить не трудно. Они болѣе, чѣмъ всякія другія, подходятъ къ уровню обыкновеннаго пониманія и основываются на томъ-же принципѣ, которымъ руководится человѣкъ въ сужденіи о вещахъ въ обыденной жизни. Здѣсь между философомъ и не философскою публикою существуетъ тайное взаимное соглашеніе относительно начала познанія и критерія истины, отъ чего и философскіе выводы кажутся болѣе удобопріемлемыми и убѣдительными. Далѣе, философія общаго смысла, по самому принципу своему, устраиваетъ труднѣйшія и болѣе отвлеченныя философскія проблемы, каковы гносеологическія и большая часть метафизическихъ. Наконецъ эклектическая и здраваго смысла

философія, болѣе чѣмъ какая-либо другая, примѣняется къ стремленіямъ, вкусамъ, потребностямъ времени. Это на первый разъ можетъ показаться страннымъ, такъ какъ ея началомъ, повидимому, служатъ не частныя и временныя, а всеобщія убѣжденія человѣчества или здравый смыслъ свободный отъ, такъ называемыхъ, предрасудковъ. Но мы видѣли, что за исключеніемъ положеній, относящихся къ формальной сторонѣ знанія, установленіе истинно и абсолютно всеобщихъ убѣжденій человѣчества не такъ легко, какъ кажется. Вотъ почему подъ именемъ всеобщихъ убѣжденій часто являются на сцену и выдаются за непреложныя истины убѣжденія большинства, преимущественно современнаго; точно также, какъ вмѣсто отвлеченнаго, всеобщаго здраваго смысла, является личный, окрашенный субъективными оттѣнками своего времени, мѣста и національности, смыслъ извѣстнаго философа. Все это предрасполагаетъ читателя въ пользу извѣстнаго ученія, такъ какъ мнѣнія философа здѣсь болѣею частію совпадаютъ съ мнѣніями и стремленіями большинства. Такимъ образомъ популярная эклектическая или общаго смысла философія оказывается часто не дѣйствительною, свободною отъ субъективныхъ примѣсей философіею, а выраженіемъ міросозерцанія болѣе или менѣе образованнаго большинства даннаго времени.

В. Жудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ФИЛОСОФСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Укажу теперь на самое существенное заблужденіе философов, которое послужило главнѣйшей причиной ея общаго неуспѣха.

Заблужденіе это состоитъ въ томъ, что философы, постоянно пытаясь познать начало абсолютно-безусловное, считали таковымъ сущность міра. Подъ безусловнымъ должно разумѣть начало, не требующее для своего пониманія никакого другаго начала, причину саму себя производящую и не нуждающуюся для своего бытія ни въ какой другой причинѣ,—словомъ то, что Кантъ называетъ свободной причиной. Но такая причина не можетъ быть предметомъ философскихъ опредѣленій; свободная причина дѣйствуетъ внѣ всякихъ условій; между тѣмъ всякое такъ называемое разумное (т. е. путемъ разума) объясненіе вещей или явленій есть не что иное, какъ восхожденіе обусловленнаго къ его условіямъ. Но то, что признается условіемъ даннаго обусловленнаго, само въ свою очередь является обусловленнымъ по отношенію къ вѣкоторому другому, и разумъ не можетъ остановиться ни на какомъ условіи какъ на послѣднемъ, ибо относительно такого мнимопослѣдняго кольца восходящей цѣпи своихъ заключеній онъ съ необходимостью поставитъ свой вѣчный вопросъ: къ чему-же прикрѣплено это кольцо, какова причина этой послѣдней причины? Такимъ образомъ разумъ никогда и въ сущности ни въ какой степени не можетъ объяснить безусловное. Самое выраженіе „объяснить или понять безусловное“ есть *contradictio in adjecto*, ибо всякое

объясненіе есть сведеніе объясняемаго на его условія, показаніе этихъ условій и больше ничего; безусловное-же по самому своему понятію отрицаетъ всякія условія, такъ что „объясненное безусловное“ перестало-бы быть таковымъ, т. е. оно есть чистое противорѣчіе самому себѣ. Безусловное есть лишь необходимый постулатъ правильно размышляющаго разума, но не объектъ его и потому не можетъ быть предметомъ философскихъ трактатовъ, какъ таковыхъ. Это безусловное, или Богъ, есть предметъ религіи, а не философіи. Дѣло послѣдней, какъ дѣло разума по преимуществу—лишь дойти черезъ познаніе сущаго до признанія идеи Бога, но не обсуждать послѣднюю и не пытаться ее анализировать, ибо всякія попытки ея въ этомъ направленіи, на основаніи указанной выше природы рационалистическаго познанія, будутъ тщетны.

Сущность, какъ предметъ изысканія философіи, ошибочно считалась такимъ абсолютно-безусловнымъ началомъ. Она сама изъ себя такъ-же мало объяснима, какъ и весь міръ явленій вообще, которому она служитъ основаніемъ и ближайшей причиной. Сущность можно считать безусловнымъ началомъ только по отношенію къ явленіямъ; міръ явленій есть проявленіе этой сущности, и природа послѣдней обуславливаетъ природу перваго, но сама отъ него не зависитъ, какъ причина отъ своего дѣйствія. Но будучи свободна или независима въ означенномъ смыслѣ отъ являемаго міра, сущность не безусловно свободна вообще; она вовсе не есть „свободная причина самой себя“, и для своего пониманія и бытія нуждается въ нѣкоторомъ абсолютномъ дѣятелѣ или абсолютномъ бытіи; поэтому сущность можетъ считаться только относительно безусловнымъ началомъ. Абсолютно-же безусловнымъ должно признать именно означенное абсолютное бытіе, или Бога, котораго сущность для насъ есть только ближайшее проявленіе въ видимомъ мірѣ. Въ этомъ абсолютно-безусловномъ устанавливается грань, отдѣляющая философію отъ религіи: признаніе идеи Божества есть дѣло разума, поэтому показать необходимость ея лежитъ на обязанности философіи. Но познаніе этой идеи, вложеніе въ нее содержанія есть дѣло религіи, какъ откровенія.

Это раздѣленіе къ сожалѣнію всегда опускалось изъ виду

что вело ко многимъ недоразумѣнiямъ во взаимныхъ отношенiяхъ религiи и философи. Первая верѣдко обвиняла послѣднюю въ незаконномъ вторженiи въ чуждую ей область, въ неумѣстныхъ попыткахъ въ некоторыхъ системахъ создать особаго философскаго Бога, понятiе котораго въ концѣ концовъ разрѣшалось въ пустую безсодержательную абстракцію, на одинъ шагъ отстоявшую отъ совершеннаго отрицанiя Божества.

Философiя дѣйствительно часто грѣшила противъ религiи въ означенномъ смыслѣ, но этотъ грѣхъ не былъ сознательный, намѣренный. Смѣшенiе точки зрѣнiя философской съ религiозною, замѣчаемое во всѣхъ системахъ, было результатомъ неясныхъ представленiй философовъ касательно отношенiя сущности мiра къ Богу.

Но эта неясность, кромѣ практическихъ недоразумѣнiй и споровъ, вела къ весьма вреднымъ послѣдствiямъ въ теоретическомъ отношенiи.

Дѣло въ томъ, что не различая отчетливо абсолютно-безусловнаго и относительно-безусловнаго, философы отождествляли ихъ, ставили одно вмѣсто другаго. Результатъ такого смѣшенiя слишкомъ очевиденъ: философъ или признавалъ только сущность, называя ее Богомъ, и слѣдовательно въ дѣйствительности устранялъ Божество, или-же наоборотъ, принужденный началами своей системы, ихъ различнымъ отношенiемъ другъ къ другу и т. п.—признать Божество, онъ дѣлалъ это такъ, что въ концѣ концовъ упразднялъ сущность, не видя уже въ ней надобности. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ сущность возводилась до Божества, во второмъ Божество выводилось до сущности, и системы естественнымъ образомъ запутывались въ противорѣчiяхъ. Системы съ обожествленной сущностью вели къ раціоналистическому пантеизму, породившему механическое мировоззрѣнiе, а системы втораго рода, принужденныя признать свое полное безсилiе справиться съ понятiемъ о Богѣ, какъ началѣ и предметѣ философи, съ логической необходимостью обращались въ ученiя чистаго мистицизма и, такимъ образомъ, переставали быть философскими, будучи излишни и для религiи.

Исторiя новой философи съ достаточной ясностью показы-

ваетъ, что всѣ системы запутывались въ противорѣчіяхъ именно вслѣдствіе смѣшенія началъ относительно и абсолютно-безусловнаго, сгубившаго прежде всего систему отца этой философіи и этого смѣшенія — Декарта. Основной недостатокъ въ системѣ Декарта состоитъ именно въ отсутствіи отчетливаго раздѣленія этихъ началъ, такъ что картезіанизмъ, или вообще раціоналистическое направленіе, имъ созданное, должно было съ необходимостью прійти къ ихъ отождествленію, т. е. въ сущности къ уничтоженію одного изъ нихъ. Первые шаги къ этому отождествленію сдѣланы въ системѣ самого Декарта, но это шаги еще не твердые, колеблющіеся; Декартъ не могъ еще сказать того, что впоследствии договорилъ за него Спиноза. Поэтому его система отличается неопредѣленностью и сбивчивостью; она подобна эмбриону, который носитъ въ себѣ всѣ зачатки будущаго организма, но самъ пока лишень рѣзкихъ характеристическихъ чертъ его; онъ, такъ сказать, только намекаетъ болѣе или менѣе ясно на тѣ формы, въ которыя организмъ отольется.

У Декарта нѣтъ сущности, какъ верховнаго начала, или высшаго принципа, изъ котораго міръ выводился-бы съ необходимостью. Двѣ его конечныя субстанціи *) не суть сущность, ибо изъ ихъ дѣятельности невозможно объяснить ни жизни, ни познанія. Задачи какъ познанія, такъ и жизни, рѣшаются только при посредствѣ Бога, слѣдовательно, только

*) Субстанціей, по опредѣленію Декартовской школы, называется то, что въ своемъ существованіи не зависитъ ни отъ чего другаго. Признавши три субстанціи — одну абсолютную и безконечную, или Бога, и двѣ относительныя и конечныя субстанціи: мыслящій духъ и протяженное тѣло, этимъ самымъ Декартъ и впалъ въ безвыходное противорѣчіе: какъ о субстанціи въ строгомъ смыслѣ слова, въ системѣ Декарта, очевидно, могла быть рѣчь только о Богѣ, ибо только одинъ Богъ ни отъ чего не зависитъ; двѣ другія субстанціи не суть таковыя въ собственномъ смыслѣ, — по отношенію къ Богу онѣ не суть субстанціи, такъ какъ онѣ зависятъ отъ Него, онѣ суть субстанціи только по отношенію другъ къ другу. Какъ субстанціи по отношенію другъ къ другу, духъ и тѣло, поэтому, должны были разсматриваться Декартомъ, какъ сущности совершенно противоположныя одна другой, совершенно исключаютія и отрицающія другъ друга. Но при такомъ представленіи полной взаимной противоположности этихъ двухъ субстанцій Декартъ и не могъ объяснить изъ нихъ того, что представляетъ дѣйствительность; въ дѣйствительности мы видимъ самое тѣсное посредство и отношеніе между духомъ и тѣломъ, ясно обнаруживающееся и въ фак-

Богъ и есть сущность, или субстанція. Но признать начало трансцендентное, потустороннее для міра, каковымъ является Богъ Декарта, сущностью этого міра—тоже въ сферѣ мышленія, что скачокъ дальше самого себя въ сферѣ движенія,—невыносимое и очевидное противорѣчіе. Именно это противорѣчіе и должно было сгубить систему Декарта.

Обычная критика Декартовской системы видитъ противорѣчіе этой системы самой себѣ въ понятіяхъ съ моей точки зрѣнія никакого противорѣчія въ себѣ не содержащихъ. Такъ напр., Куно-Фишеръ говоритъ:

„Такимъ образомъ конечныя субстанціи ведутъ двойную жизнь. Въ отношеніи къ Богу онѣ суть креатуры (твари), слѣдовательно не субстанціи; въ отношеніи другъ къ другу самостоятельныя существа, слѣдовательно субстанціи. Декарта насколько не возмущаетъ это противорѣчіе; мало того—онъ такъ наивенъ, что слѣдуетъ эти противорѣчающія понятія и впадаетъ въ нелѣпость, говоря о сотворенныхъ субстанціяхъ. Сотворенныя субстанціи, т. е. зависимыя существа, которыя самостоятельны—есть чистое *contradictio in adjecto* (противорѣчіе въ предположеніи); сотворенныя субстанціи составляютъ невыносимое противорѣчіе, въ которомъ система Декарта губитъ себя.“

Я не вижу гибели Декартовской системы въ означенномъ противорѣчій. Сотворенныя субстанціи, какъ *contradictio in ad-*

тахъ познанія и жизни: въ познаніи духъ приходитъ къ представленіямъ о *существенныхъ* предметахъ, слѣдовательно становясь въ прямое отношеніе къ субстанціи тѣла,—фактъ ощущенія, какъ это непосредственно очевидно для насъ, есть дѣйствіе, производимое тѣломъ на душу; въ жизни также обнаруживается тѣсное взаимодѣйствіе между духомъ и тѣломъ,—всякое произвольное движеніе, какъ это также очевидно для насъ, есть дѣйствіе, производимое духомъ на тѣло. Будучи не въ состояніи объяснить изъ понятій двухъ конечныхъ субстанцій это фактическое взаимодѣйствіе духа и тѣла, Декартъ и обращается въ этомъ случаѣ къ понятію безконечной субстанціи, т. е. объясняетъ это взаимодѣйствіе сверхъестественнымъ дѣйствіемъ и вмѣшательствомъ Бога. Но при этомъ воззрѣніи не только отрицается всякая самостоятельность конечныхъ субстанцій, но онѣ представляются прямо чѣмъ-то только кажущимся, фиктивнымъ. Реальнымъ субъектомъ, дѣйствующимъ и въ области практической жизни человѣка и въ области познанія, признается одинъ Богъ; такимъ образомъ Высочайшее абсолютное существо прямо низводится на степень конечнаго дѣятеля. Въ этомъ и заключается коренное противорѣчіе всей системы Декарта, на которое указываетъ авторъ.

Примеч. Ред.

jesto, только тогда губили-бы систему, если-бы онѣ одновременно были и зависимы и независимы въ отношеніи, напр., къ Богу. Независимость-же ихъ въ отношеніи другъ къ другу совершенно можетъ быть совмѣстима съ зависимостью относительно нѣкотораго третьяго начала. Въ „сотворенныхъ субстанціяхъ“ можно видѣть противорѣчіе лишь при совершенно формальномъ отношеніи къ дѣлу, такъ сказать придравшись къ слову „субстанція“. Но критикъ не имѣетъ права приписывать слову иного значенія, чѣмъ-то, въ которомъ употребляетъ его авторъ; въ надлежащемъ-же мѣстѣ Декартъ прямо говоритъ, что подъ субстанціей, какъ безусловнымъ началомъ, онъ разумѣетъ только Бога. Если Декартъ послѣ подобной оговорки тѣмъ не менѣе продолжаетъ говорить о субстанціяхъ мыслящей и протяженной, то онъ это дѣлаетъ не для указанія ихъ безусловности уже исключенной, а лишь для показанія ихъ единственной зависимости только отъ Бога и ни отъ кого больше.

Противорѣчіе, сгубившее систему Декарта состоитъ въ томъ, что словесно, внѣшнимъ образомъ, верховнымъ началомъ выставляется Богъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, по внутреннему смыслу его философіи, первоначало его есть мышленіе.

Для выясненія своего мнѣнія напомнимъ нѣкоторыя части системы Декарта.

Всѣмъ извѣстно, что Декартъ начинаетъ свою философію съ отрицанія всего, истинность чего не провѣрена разумомъ, съ положенія *de omnibus dubitandum*. Его сомнѣніе есть отрицаніе всего, что умъ человѣческій привыкъ считать не подлежащимъ сомнѣнію, не исключая даже существованія собственнаго тѣла.

„Итакъ, говоритъ онъ, достовѣрно только то, что я сомнѣваюсь; но самый фактъ сомнѣнія указываетъ на то, что я мыслю, ибо сомнѣніе очевидно происходитъ въ мышленіи: сомнѣніе отрицаетъ все, кромѣ мышленія, ибо само въ немъ совершается. Такимъ образомъ достовѣрно, что я мыслю. Но мыслить тоже, что существовать, мыслить значитъ существовать, эти понятія связаны между собой неразрывно, слѣдовательно: я мыслю тоже, что я существую,—*cogito ergo sum*“.

Мышленіе, *cogito ergo sum*, и есть высшій принципъ картезіанства, его единственное верховное начало, его субстанція и притомъ субстанція, выражаясь его языкомъ, полная, *completa*. Обоготвореніе мышленія есть самый существенный сокровенный смыслъ Декартовской философіи. Послѣдующій дуализмъ его двухъ субстанцій, его Богъ, механически привлеченный—все это лишь логическія, или алогическія послѣдствія его первоначала—*cogito ergo sum*, содержащаго въ себѣ утвержденіе, что только мышленіе существуетъ.

„Должно сомнѣваться во всемъ, говоритъ Декартъ, даже въ математическихъ истинахъ, повидимому столь несомнѣнныхъ, ибо я не знаю, не создалъ-ли меня Всемогущій Творецъ—такимъ образомъ, чтобъ я постоянно ошибался и обманывался. Итакъ, философствующему уму остается только сомнѣніе. Но сомнѣніе совершается въ мышленіи, оно есть актъ мышленія, а потому только мышленіе есть истинное бытіе, только его не можетъ уничтожить сомнѣніе, ибо само въ немъ совершается. Итакъ бытіе мышленія достовѣрно потому, что я сознаю ясно и *раздѣльно* его необходимость для самого сомнѣнія. Отсюда должно отбросить все и считать достовѣрнымъ лишь то, что мышленіе сознаетъ ясно и раздѣльно, что проверено разумомъ“.

Нельзя болѣе наивно обоготворить разумъ и болѣе открыто признать мышленіе тѣмъ, что называется сущностью міра. Послѣ этого Декарту не было никакой надобности выводить Бога и указывать на необычайную важность достовѣрности Его существованія, какъ единственно ручающейся за реальность идей, за достовѣрность положеній разума, ибо послѣдняя уже *напередъ* предполагается и устанавливается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разумъ сознаетъ что либо ясно и *раздѣльно*.

Изъ двухъ одно: или Богъ совершенно не нуженъ для реальности идей разума и достовѣрности его положеній, ибо признаніе существованія Самого Бога основано на предварительной достовѣрности всего, что разумомъ сознается ясно и раздѣльно, или-же, строго держась положенія разума *de omnibus dubitandum*, Его вывести совсѣмъ нельзя.

Именно въ этой точкѣ начинается противорѣчіе въ системѣ Декарта: верховнымъ началомъ словесно выставляется механически выведенный Богъ, дѣйствительнымъ-же первоначаломъ продолжаетъ быть мышленіе, мыслящая субстанція съ приложенной къ ней ея абстрактной противоположностью—субстанціей протяженной. Этотъ постоянный внутренній контроверсъ въ системѣ дѣлаетъ необходимымъ, чтобъ въ послѣдствіи она была измѣнена соответствующимъ образомъ, и при дальнѣйшемъ своемъ развитіи картезіанизмъ долженъ былъ обратить вниманіе именно на этотъ пунктъ. Въ дѣйствительности такъ и было.

Какъ-же разъяснилась эта темная точка Декартовской системы?

Выше я сказала, что если судить о Декартовской системѣ по духу ея философіи, то ея Богъ, изображаемый въ видѣ какой-то трансцендентной сущности, является только механическимъ приспособленіемъ. Если-же судить ея систему потому, какъ она говоритъ, выражается, а не мыслитъ, то ея первоначало—Богъ. Вотъ эти двѣ точки зрѣнія и дали двѣ вѣтви въ дальнѣйшемъ развитіи Декартовской системы; заходя впередъ, можно сейчасъ опредѣлить самый характеръ этихъ двухъ направленій, имѣя въ виду сказанное выше о судьбѣ системъ, стремящихся къ познанію безусловнаго и потому берущихъ въ свое основаніе начало абсолютно-безусловное: онѣ съ необходимостью приходятъ къ отождествленію ея съ началомъ относительно безусловнымъ; или низводя Бога до послѣдняго, дѣлая Ея сущностью и заставляя Ея вмѣшиваться во всѣ естественныя явленія, и въ концѣ концовъ кончаютъ мистицизмомъ; въ этихъ системахъ нѣтъ сущности. Или-же бросаются въ другую крайность, сущность возводятъ до Бога, сущность обожествляется, такъ что субстанція то-же, что Богъ, какъ въ первомъ случаѣ Богъ то-же, что субстанція, и если тамъ нѣтъ сущности, то здѣсь нѣтъ Бога; въ концѣ концовъ это второе смѣшеніе приводитъ къ механическому міровоззрѣнію.

Отъ Декартовскаго понятія о Богѣ философія пошла обоими этими путями: у окказіоналистовъ философія потеряла

сущность и выродилась въ мистицизмъ, у Спинозы она потеряла Бога и выродилась въ механизмъ.

Итакъ ближайшіе послѣдователи Декартовской системы должны были начать дальнѣйшее движеніе именно съ понятія Бога. Надо было освѣтить этотъ темный пунктъ. Но какъ?

Вышеупомянутыя двѣ точки зрѣнія на Декартовскаго Бога,—одна такъ сказать наивная, принимающая за чистую монету то, что о немъ говоритъ система, и другая критическая, размышляющая—дали ближайшій отвѣтъ на вышепоставленный вопросъ. Для первой было ясно, что система недостаточно развила свое первоначало, не показала въ полной мѣрѣ способа его дѣятельности и отношенія къ конечнымъ субстанціямъ и что ближайшее дѣло и задача ея послѣдователей восполнить этотъ недостатокъ: это точка зрѣнія окказіоналистовъ *). Одинъ изъ нихъ, Гейлинксъ, показалъ съ полнотою, не оставлявшей желать ничего большаго, значеніе Бога, такъ сказать, для практическихъ сношеній конечныхъ субстанцій, онъ рѣшилъ вопросъ объ отношеніяхъ конечныхъ субстанцій и Бога другъ къ другу въ фактѣ человѣческой жизни. Малевравшъ, другой наивный послѣдователь Декарта, разрѣшилъ, способомъ аналогическимъ вышеупомянутому, вопросъ о значеніи Бога, такъ сказать, въ теоретическихъ сношеніяхъ конечныхъ субстанцій,—вопросъ о познаніи. Оба пришли къ чудесному, какъ къ характеристической чертѣ означенныхъ отношеній: понимая Бога Декарта за Бога религіи, къ другому выводу невозможно было и придти. Окказіоналисты еще не могли видѣть, что понятіе Бога въ системѣ Декарта нуждалось не въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ, а въ исправленіи, такъ какъ Богъ чудесъ былъ вопіющимъ противорѣчіемъ всему духу Декартовской системы. Самое подробное теологическое

*) Окказіоналистами называются мыслители, раздѣлявшіе теорію, что взаимодействие между душой и тѣломъ, какое обнаруживается и въ познаніи и въ практической жизни человѣка, производится единственно сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ Бога. Въ области человѣческихъ дѣйствій вмѣшательство Бога, по воззрѣнію окказіоналистовъ, происходитъ *по поводу* (à l'occasion) каждого человѣческаго желанія, для того, чтобы передать тѣлу соответствующее желанію движеніе; въ области познанія это вмѣшательство происходитъ *по поводу* каждого тѣлеснаго ощущенія, для того, чтобы вызвать въ душѣ соответственное воспріятіе.

разъясненіе понятія Бога не въ силахъ было удалить это противорѣчіе, оно только еще ярче выставляло его.

Очевидно Малевбраншъ и Гейлинксъ пошли по ложному пути, пытались разъяснить темное представленіе Декартовской философіи о Богѣ извлеченіемъ изъ понятія послѣдняго всѣхъ возможныхъ послѣдствій, не выведенныхъ самимъ Декартомъ. Этотъ путь привелъ путниковъ къ стѣнѣ, предъ которою разумъ долженъ былъ остановиться: къ чуду. Философствующій умъ не могъ почестъ эту стѣпу вождѣльной цѣлью, къ которой онъ шелъ труднымъ и утомительнымъ путемъ. Оставалось, возвратившись къ мѣсту первоначальнаго отправления, поискать другаго направлепія. Въ этомъ отрицательномъ указаніи должно видѣть историческое значеніе окказіоналистовъ; они показали всю бесплодность философствованія, если въ основаніе его, хотя и мнимос, непосредственно кладется абсолютно-безусловное начало.

Поворотъ философіи на другую дорогу былъ уже совершенъ человѣческой мыслью, и на развалинахъ Декартовскаго зданія воздвигалась въ это самое время философская система, въ послѣдствіи такъ поразившая міръ стройностью и непогрѣшимостію своего мышленія. Рѣчь идетъ о системѣ Спинозы. Спиноза не измѣнилъ началъ Декарта; эти начала остались и въ его философіи, только они проведены съ непоколебимой послѣдовательностью. Міровоззрѣніе Спинозы покоится на томъ-же привидиѣ, на которомъ лежитъ и міровоззрѣніе Декарта, именно *cogito ergo sum*. Какъ-же распорядился Спиноза съ полученнымъ наслѣдствомъ? Онъ совершенно измѣнилъ то понятіе Декартовской философіи, которое окказіоналисты только дополняли, онъ реформировалъ понятіе Бога, или вѣриѣ, вычеркнулъ его и замѣнилъ его субстанціей. Декартовское понятіе о Богѣ довершилось у Спинозы и оказалось тѣмъ, чѣмъ оно должно было быть: *Deus sive natura*. Субстанція или природа дѣлается Самимъ Богомъ. Какъ ни велико различіе системы Спинозы отъ системы Декарта, не трудно видѣть, что послѣдняя преобразуется въ первую, если изъ нея вычеркнуть мысль о Богѣ и замѣнить ее субстанціей, что и сдѣлалъ Спиноза. Декартовскую систему можно себѣ представить такъ:

Богъ (собственно говоря, только Онъ можетъ быть названъ субстанціей).	
субст. мысл.	субст. протяж.
атриб. ея мышленіе	атриб. ея протяженіе
видоизмѣненія	видоизмѣненія.

Система Спинозы, соотвѣтственно сказанному, прійметъ та-
кой видъ:

Субстанція (собственно говоря, она един- ственный въ мірѣ Богъ).	
атрибутъ ея мышленіе	атрибутъ ея протяженіе
видоизмѣненія (модусы).	видоизмѣненія (модусы).

Изъ представленнаго графическаго изображенія не трудно видѣть измѣненіе, произведенное въ системѣ Спинозы сравнительно съ системой Декарта. Понятіе Декартовскаго Бога слито у Спинозы съ понятіемъ субстанціи, и если Декартъ отъ самоизвѣстности мышленія дѣлаетъ логическій скачокъ къ непосредственной извѣстности Бога, то Спиноза изъ того же начала послѣдовательнымъ образомъ выводитъ непосредственную извѣстность субстанціи.

Болѣе подробный разборъ картезіанизма и спинозизма не входилъ въ предметъ этого изслѣдованія. Я имѣла въ виду показать, что существеннымъ недостаткомъ этихъ системъ было смѣшеніе двухъ началъ: Бога и сущности, абсолютно-безусловнаго и относительно-безусловнаго. Съ этой точки зрѣнія я не могла согласиться съ мнѣніемъ Куно Фишера, что „сотворенныя“ субстанціи Декарта должны были погубить его систему. Не могла я согласиться съ этимъ положеніемъ именно потому, что сущность, или міровая субстанція, должна быть началомъ не безусловно самостоятельнымъ и, слѣдовательно, „сотворенныя“, т. е. вообще отъ нѣкотораго начала зависима субстанціи, какъ таковыя, не могутъ погубить философской системы. Далѣе, я напротивъ старалась показать, что вопіющее противорѣчіе Декартовской системы заключалось въ понятіи Бога. Богъ

Декарта, правильно понятый, есть не что иное, какъ сущность міра, такъ сказать, *in statu nascendi*, а потому онъ не могъ быть трансцендентнымъ, какимъ онъ является у Декарта. Понятіе трансцендентнаго Бога есть для философіи величина ирраціональная и всякая система, такое понятіе вводящая, вырождается въ мистицизмъ.

Что Богъ Декарта есть сущность *in statu nascendi* и, какъ таковой, страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ самому себѣ, такъ что дальнѣйшее движеніе философіи опредѣлялось именно этимъ недостаткомъ — я показала между прочимъ тѣмъ, что ближайшіе философы обращаютъ вниманіе именно на этотъ пунктъ: окказіоналисты развиваютъ и дополняютъ понятіе третьей субстанціи, оставляя ее трансцендентнымъ Богомъ; Спиноза уничтожаетъ Бога, дѣлая Его тѣмъ, чѣмъ Ему по логической послѣдовательности надлежало быть — имманентною субстанціей, сущностью міра или природой. Спиноза такимъ образомъ съ необычайной логичностью развилъ начала Декарта, но вмѣстѣ съ тѣмъ не избѣжалъ роковаго по своимъ послѣдствіямъ стремленія класть въ основаніе своихъ объясненій міроваго процесса понятіе абсолютное. Онъ только перемѣнилъ его имя и опредѣленія, назвалъ его безкопечной и абсолютно неопредѣленной субстанціей и сдѣлалъ его имманентнымъ міру началомъ; слѣдовательно, у него тоже нѣтъ раздѣленія двухъ началъ, что должно было привести спинозизмъ къ разложению. И дѣйствительно, корень противорѣчія этой системы самой себѣ философская критика видитъ именно въ понятіи абсолютной субстанціи, положенной въ ея основаніе. Изъ этой субстанціи нельзя было вывести необходимости конечныхъ вещей (модусовъ) и частные факты жизни и познанія остались необоснованными. Ближайшая система (Лейбницъ) начинается съ преобразованія понятія субстанціи.

Итакъ, какъ картезіанизмъ, такъ и спинозизмъ грѣшатъ именно тѣмъ, что въ нихъ отсутствуетъ относительно-безусловное начало, и сущность міра — единственный предметъ изслѣдованія философіи — постоянно смѣшивается съ Богомъ. Результатъ получается различный, смотря, такъ сказать, по способу этого смѣшенія, но онъ всегда одинаковъ по значенію для си-

стемъ: съ нимъ онѣ падаютъ подъ тяжестью собственнаго внутренняго противорѣчія. Картезіанизмъ противорѣчитъ самому себѣ, потому что думалъ видѣть сущность вещей въ Богѣ, трансцендентномъ для этихъ вещей, т. е. потерялъ сущность. Спинозизмъ палъ потому, что сущность, хотя и имманентную міру, возвелъ въ абсолютно-безусловное начало, т. е. потерялъ Бога; и въ томъ и въ другомъ случаѣ относительно-безусловное начало замѣнено началомъ абсолютно-безусловнымъ. Последнее есть предметъ религіи, но не философіи; и если съ одной стороны философіи приходится защищаться отъ неумѣстныхъ вторженій въ ея область точныхъ наукъ, то съ другой стороны и сама она должна соблюдать, такъ сказать, территориальную неприкосновенность религіи, чего она до сихъ поръ не дѣлала ни въ одной системѣ. Религія, соприкасаясь съ философіей въ идеѣ абсолютнаго бытія или Бога, возвышается надъ последней, какъ сама философія—надъ точными науками. Изысканія философіи кончаются тамъ, гдѣ начинаются истины религіи. Изъ положенія философин, граничащей съ одной стороны съ точными науками, съ другой—съ религіей, стоящей, такимъ образомъ, въ срединѣ между ними, ясно ея практическое значеніе, ея высокая жизненная задача—примирить и согласить науку съ религіей, или вѣрнѣе—показать, что ихъ разногласіе совершенно мнимо, основано не на сущности дѣла, а на недоразумѣніяхъ, на неумѣстномъ стремленіи одной вторгаться въ область другой. Это свое великое назначеніе философія можетъ выполнить, разрѣшивъ онтологическій вопросъ о сущности міра, какъ о началѣ безусловномъ относительно міра явленій, но въ свою очередь обусловленномъ абсолютнымъ бытіемъ или Богомъ, слѣдовательно соприкасающемся съ одной стороны съ видимымъ міромъ, а съ другой непосредственно съ Творцемъ какъ міра явленій, такъ и самой сущности, служащей основаніемъ последнему.

В. Болтинск.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАНЦЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

Въ программѣ философскаго отдѣла содержанія журнала „Вѣра и Разумъ“ значатся предполагаемыми къ помѣщенію въ немъ, между прочимъ, „біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго міра, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра“. Вѣрная своимъ задачамъ, выраженнымъ въ программѣ, редакція журнала въ истекшемъ 1884 году и помѣстила въ означенномъ отдѣлѣ многое для исполненія указанной части программы. Между прочимъ въ немъ помѣщаются были *письма философа Сенеки* въ русскомъ переводѣ, съ введеніемъ и примѣчаніями, возбудившія живой интересъ въ читателяхъ журнала, какъ то можно было видѣть изъ многихъ отзывовъ, появившихся въ періодической печати за тотъ-же 1884 годъ. Но философія римская, однимъ изъ представителей которой былъ Сенека, подобно тому, какъ и другія отрасли духовной дѣятельности римлянъ, возникла и развилась на почвѣ философіи греческой и изъ основъ этой послѣдней. Богатая

дарами духа природа греческой народности обнаружила свои необычайные дары и въ области философіи, какъ въ другихъ областяхъ вѣдѣнія и дѣятельности. Греческая философія не только послужила поводомъ къ философствованію римлянъ, но и принесла съ собою Риму богатый содержаніемъ запасъ философскихъ миѣній и ученій. Риму оставалось только воспринимать, усвоить и перерабатывать плоды древне-греческой мудрости. Римъ такъ и поступилъ; да и не могъ иначе поступить. Не въ томъ состояло историческое призваніе его, въ чемъ—призваніе Греціи. Идеальная основа жизни древней Греціи въ немъ, въ силу самыхъ историческихъ обстоятельствъ, должна была издавна уступить мѣсто реальной, практической. Ему не когда было парить въ области идеальнаго, отыскивать высшія начала познанія и дѣятельности. Ему нужно было то, что было ближе къ жизни, къ дѣлу, къ осуществленію на практикѣ. И вотъ онъ воспользовался выработаннымъ умами его учителей-грековъ со стороны основъ идеальныхъ, примѣнялъ это къ дѣлу и прилагалъ къ жизни. Философія Рима такимъ образомъ была по преимуществу практическая. Наилучшимъ для читателя доказательствомъ этого можетъ служить философія Сенеки, практическое направленіе которой видно и въ письмахъ его. Вопросы о добродѣтели, о счастіи и т. д., рѣшаемые въ нихъ—все это вопросы практическіе, которые и въ самой Греціи выступили на сцену умственной дѣятельности во всей широтѣ объема своего лишь въ ту позднюю пору исторіи ея, когда идеализмъ, благодаря политическимъ невздамъ, уступилъ мѣсто реализму, когда грекамъ было не до заоблачныхъ мечтаній, т. е., съ конца IV вѣка до Рождества Христова. И какъ въ Римѣ, такъ и въ Греціи реализмъ ближе всего обосновался на идеализмѣ. Реалистическая философія Аристотеля, послужившая исходною точкою и прочнымъ основаніемъ для практической философіи послѣдующаго времени и между прочимъ римской, сама построена на основаніи идеалистической философіи Платона. Но въ свою очередь и идеалистическая философія въ основаніи своемъ имѣетъ реальное, практическое, и отъ него исходитъ въ дальнѣйшихъ своихъ отиравленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не внимательное-ли разсмотрѣ-

рѣненіе явленій виѣшней природы и жизни человѣческой привело древне-іонійскихъ мыслителей къ философствованію? Не отъ практическихъ-ли основъ исходила философія такъ называемыхъ семи греческихъ мудрецовъ?—Такъ мы приходимъ къ зачаткамъ философіи греческой. Изъ конкретнаго, силою философствующаго мышленія, вырабатывалось въ ней отвлеченное, изъ частваго общее, изъ реального идеальное: на основаніи древнѣйшей натуралистической и практической философіи построилось зданіе нравственной и идеалистической философіи Сократа и Платона. Затѣмъ, въ свою очередь, идеальное опять спускалось въ область реального, частію въ видахъ заимствованія отъ послѣдняго свѣжихъ стихій и силъ для своего полета, а частію въ видахъ примѣненія умозрѣній къ практикѣ и т. п. Таковъ былъ въ общемъ ходъ философствующаго мышленія въ древней Греціи, оплодотворившаго собой философію древняго Рима. Уже и въ виду этого одного не безъ интереса прослѣдить по самымъ произведеніямъ греческихъ мыслителей развитіе философскаго сознанія ихъ. Еще болѣе должно быть это интересно, если мы обратимъ вниманіе на то, что не только римская, а и вся западно-европейская, лучше сказать, вся философія современнаго просвѣщеннаго міра твердо опирается на философіи древне-греческой и безъ нея почти шагу не дѣлаетъ. Даже формы философствующаго мышленія доселѣ въ ходу Аристотелевскія, не говоря о матеріи этого мышленія. Да и не одна философія, но и другія стороны вѣдѣнія и дѣятельности современнаго міра въ основаніи своемъ опираются также на Грецію и Римъ, который сослужилъ вѣрную службу посредника между древнею Греціею и современнымъ просвѣщеннымъ міромъ. „Классическіе народы древности“,—говорила редакція журнала „*Вѣри и Разумъ*“ въ началѣ прошлаго года при изданіи писемъ Сенеки,—„греки и римляне по справедливости могутъ быть названы великими учителями современнаго человѣчества. Они одни указали человѣческой мысли путь къ великимъ открытіямъ, развитіе которыхъ составляетъ сущность цивилизаціи нашего времени,—и рѣшительно можно сказать, что вѣтъ такой стороны жизни, которая не была бы затронута и значвтельно развита этими на

родами. Науки, искусства, политическія учрежденія, изумляющія своею стройностію, законы, справедливо названные писаннымъ разумомъ, даже правила нравственности, иногда весьма близко граничащія съ высокими нравственными истинами христіанства, зародились и выработались у нихъ и готовыми переданы въ наслѣдіе народамъ Европы¹⁾,—зародились и выработались, добавимъ, согласно выше сказанному, въ Греціи, усвоены и переработаны въ Римѣ и затѣмъ переданы въ наслѣдіе народамъ Европы. И ни одна изъ этихъ отраслей вѣдѣнія и дѣятельности не прошла въ древней Греціи, какъ и въ Римѣ, помимо философіи, объемъ которой былъ въ то время также безграниченъ, какъ безграничны стремленія философствующей мысли. А между тѣмъ, къ глубокому сожалѣнію, наше общество мало знакомо съ произведеніями древне-греческой философіи. Не всякому, конечно, подѣ силу пользоваться этими произведеніями въ подлинникахъ, а въ русскомъ переводѣ ихъ издапо доселѣ весьма мало. Не говоря о философіи такъ называемой архаической, даже и произведевія позднѣйшихъ философовъ, далеко немногія переведены на русскій языкъ. Вотъ что и побуждаетъ насъ приступить къ настоящему труду, чтобы имъ принести посильную пользу для исторіи древне-греческой философіи, подобно тому, какъ такая же польза приносится для исторіи философіи римской переводомъ писемъ Сенеки. Предпринимая этотъ трудъ, мы, конечно, не имѣемъ въ виду предложить вниманію читателей журнала „Вѣра и Разумъ“ весь громадный матеріалъ философствованія древней Греціи цѣликомъ. Это потребовало-бы и слишкомъ много мѣста на страницахъ журнала, и слишкомъ много времени для осуществленія всего дѣла, да отчасти было-бы и излишне. Какъ ни мало вообще переведено у насъ изъ сочиненій греческихъ философовъ, однако съ важнѣйшими изъ нихъ любители философіи знакомы по переводамъ на русскій языкъ и притомъ хорошими. Таковы переводы большей части сочиненій великаго ученика Сократова—Платона, исполненные покойнымъ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи *В. Н. Карповымъ*, переводы нѣкоторыхъ сочиненій другаго ученика Сократова—

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 1 отд. филос. стр. 69.

Ксенофонта, ученика Платонова — Аристотеля и др. Мы имѣемъ въ виду предложить читателямъ только избранныя изреченія древне-греческихъ мыслителей или, какъ сказано въ заглавіи, „изреченія древне-греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.“ При этомъ, какъ то дѣлается и у названныхъ сейчасъ собирателей изреченій древне-греческой мудрости, особенно-же у Діогена Лаэртія, мы будемъ предварять переводъ изреченій того или другаго мыслителя сообщеніемъ необходимыхъ, для уразумѣнія образа мыслей его, свѣдѣній о его жизни, дѣятельности и отношеніяхъ, а самый переводъ сопровождать, кромѣ объяснительныхъ подстрочныхъ примѣчаній, необходимыхъ для той-же цѣли, вставкою нѣкоторыхъ эпизодическихъ частей, также относящихся къ характеристикѣ образа мыслей лицъ, оставившихъ намъ изреченія своей мудрости. Такія свѣдѣнія и эпизодическія части мы будемъ извлекать изъ сочиненій тѣхъ-же собирателей, а отчасти изъ другихъ древнихъ писателей, и помѣщать ихъ при переводѣ изреченій—въ видахъ разнообразія и поддержанія или оживленія интереса при чтеніи изреченій, которыя, бывъ взяты отдѣльно, могли-бы утомить вниманіе читателя. Въ тѣхъ-же видахъ мы и порядокъ изложенія означенныхъ свѣдѣній и расположенія изреченій мыслителей будемъ наблюдать нѣсколько иной, нежели какого требовала-бы, можетъ быть, строгая логика современнаго историко-философскаго обозрѣнія. Этотъ порядокъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ мыслителямъ, будетъ хронологическій, а въ отношеніи къ изреченіямъ ихъ—групповый, соотвѣтствующій требованіямъ логики тѣхъ собирателей, изъ которыхъ мы будемъ выбирать ихъ, особенно-же Діогена Лаэртія, котораго мы будемъ лишь дополнять изъ остальныхъ собирателей. И это понятно, если принять въ расчетъ то обстоятельство, что мы предлагаемъ вниманію читателей скорѣе переводъ, нежели свое сочиненіе. Иначе сказать, мы и въ порядкѣ изложенія того, что предлагаемъ вниманію читателей, будемъ слѣдовать, по возможности, болѣе всего тѣмъ-же собирателямъ, особенно Діогену Лаэртію. Но при этомъ естественно рождается вопросъ: можно-ли положиться на тѣ самые источники, изъ которыхъ мы предполагаемъ

дѣлать выборку означенныхъ свѣдѣній и изреченій?—Отвѣтомъ на такой вопросъ будетъ служить нижеслѣдующій краткій историко-критическій обзоръ, предметомъ котораго будетъ происхожденіе и значеніе сборниковъ въ родѣ Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и другихъ.

Съ утратою народной независимости древней Греціи въ IV вѣкѣ до Р. Хр. какъ-бы утратилась и производительность генія греческой народности. Въ современникѣ печальнаго событія утраты греками своей независимости, знаменитомъ философѣ Аристотелѣ, гениальная производительность древне-греческой народности какъ-бы сказала свое послѣднее слово; достигнувъ въ немъ высшей степени своего напряженія, она какъ-бы утомилась. Аристотель такъ много сдѣлалъ въ обширной области мысли, что послѣдующимъ писателямъ въ пору было лишь разбираться въ томъ, что сдѣлано было имъ. Да и не когда было грекамъ замышлять что-либо новое въ этой области, въ виду все болѣе и болѣе осложнявшихся политическихъ невзгодъ. Они сочли за лучшее обращаться, въ часы досуга, къ изученію и разработкѣ того, что прежде было передумано и изложено въ письмени ихъ соплеменниками. И закипѣла такая работа какъ въ самой материковой Греціи (въ Аѳинахъ), такъ и въ другихъ центрахъ греческаго просвѣщенія того времени, особливо въ Александріи. Даже люди, которые, по своимъ талантамъ, могли бы быть и не компиляторами только, каковы: комикъ Менандръ, Аполловій Родосскій и др., не были свободны отъ общаго недуга—духовнаго утомленія и наполненія досужныхъ часовъ воспроизведеніемъ лишь прежде добытаго. Въ эту-то эпоху и подъ такимъ-то неотразимымъ вліяніемъ общаго настроенія умовъ въ Греціи начали появляться, между прочимъ, и сборники изреченій мыслителей древнихъ временъ, постепенно пополняемые новыми и новыми матеріалами такого-же рода, которые заимствуемы были какъ изъ разнородныхъ и разновременныхъ записей устнаго преданія, такъ и изъ подлинныхъ произведеній того или другаго мыслителя, несомнѣнно существовавшихъ въ то время въ большемъ количествѣ, нежели въ какомъ мы ихъ теперь имѣемъ. Таковы именно, къ сожалѣнію не дошедшіе до насъ въ подлинникахъ,

труды: ритора и политическаго дѣятеля III вѣка до Р. Хр., *Димитрія Фалерейскаго*, *Τῶν ἐπτὰ σοφῶν ἀποφθέγματα*— „Изреченія семи мудрецовъ“; александрійскаго грамматика того-же вѣка *Гермитта*, *Βίαι*— „Жизнеописанія“, въ которыхъ авторъ излагалъ жизнь и ученіе тѣхъ-же семи мудрецовъ и сверхъ того Пифагора и позднѣйшихъ философовъ; подобныя-же труды современника Пергамскаго царя Аттала I (241—199 г. до Р. Хр.) *Неанта Кизическаго*, *Сатира*, *Сотіона* и другихъ. Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ трудовъ мы имѣемъ лишь болѣе или менѣе пространныя выдержки у позднѣйшихъ писателей. Ко временамъ Плутарха и Діогена Лаэртія (т. е. къ I—II вв. по Р. Хр.) число и раньше упомянутыхъ матеріаловъ и подобныхъ сейчасъ упомянутымъ трудовъ до того увеличилось, что такимъ любителямъ собиранія древнихъ сказаній и изреченій, какъ Плутархъ и Діогенъ Лаэртій, уже не трудно было составить и нѣчто полное, цѣльное въ томъ-же родѣ. И мы дѣйствительно имѣемъ отъ *Плутарха*, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ трактатовъ, въ которыхъ разсѣяны интересующіе насъ матеріалы, даже такія сочиненія, какъ *Ἐπτὰ σοφῶν συμπόσιον*— „Пиръ семи мудрецовъ“ и еще болѣе обширное *Συμποσιακῶν τῶν φιλοσόφων βιβλίον δέκα*— „Дружескихъ бесѣдъ философовъ за столомъ десять книгъ“. Недостатокъ строго-логической послѣдовательности и критическаго отношенія къ источникамъ у Плутарха въ этихъ, какъ и другихъ его трудахъ, искупается обиліемъ сыраго матеріала, столь драгоцѣннаго для насъ, добродушнымъ юморомъ, съ какимъ сообщаются авторомъ стдѣльныя подробности изъ этого матеріала и т. д. Болѣе серьезенъ трудъ младшаго современника Плутархова, аѳинскаго грамматика *Діогена Лаэртія*. Этотъ послѣдній задался спеціальною цѣлію—изложить систематически, съ поддержаніемъ и хронологическаго порядка, свѣдѣнія о жизни и ученіи древнихъ греческихъ философовъ, начиная съ семи мудрецовъ. Сочиненіе его, дошедшее до насъ въ полномъ видѣ, и носитъ заглавіе: *Βίων καὶ γωριῶν τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκίμησάντων βιβλίον δέκα*— „Жизнеописаній и мѣній прославившихся въ философіи десять книгъ“. Трудъ Діогена Лаэртія отличается болѣе строгою, нежели труды Плутарха, критическою оцѣнкою прежнихъ

сообщеній и источниковъ вообще. Опъ и доселѣ считается необходимымъ пособіемъ при изученіи исторіи древне-греческой философіи ¹⁾. Много потрудился въ томъ-же родѣ александрійскій грамматикъ и софистъ III в. по Р. Хр. *Атений* изъ Навкратиса (въ Египтѣ). Мы имѣемъ весьма значительную долю изъ его большаго по объему (изложеннаго въ XV книгахъ) сочиненія: *Δεικνυσοφισταί*—„Ученые за столомъ“, въ которомъ между прочими, дорогими для любителей древностей греческихъ, сообщеніями авторъ приводитъ множество рассказовъ о жизни древне-греческихъ мыслителей и отрывки изъ ихъ сочиненій. Въ V вѣкѣ по Р. Хр. мы встрѣчаемся съ кропотливымъ, не менѣе всѣхъ предшествующихъ, труженикомъ - собирателемъ Іоанномъ изъ Стобеи (въ Македоніи), болѣе извѣстнымъ подъ именемъ *Стобея*. Его „Эклоги“ (*Ἐκλογαί*), т. е. выбранныя изъ разныхъ древне-греческихъ писателей мѣста ученія о природѣ (*φυσικαὶ ἐκλογαί*) и нравственности (*ὑποθήκαι*) и *Ἀυθολόγιον* ²⁾ или „Цвѣтникъ избранныхъ мыслей (*ἐκλογῶν*), изреченій (*ἀποφθεγμάτων*) и правилъ нравственности“ (*ὑποθηκῶν*) представляютъ собою богатый запасъ интересующаго насъ матеріала. Кромѣ такихъ сборниковъ значительный запасъ того-же матеріала находится и въ сочиненіяхъ писателей, подобныхъ Теофрасту, Симплицію, Сексту Эмпирику и др., которыя составлены подъ вліяніемъ того-же направленія умовъ, какое вызвало на свѣтъ вышеохарактеризованные сборники.

Всѣ эти и подобныя сочиненія, какъ очевидно уже и изъ вышесказаннаго, имѣютъ не одинаковое и вообще относительное достоинство со стороны исторической достовѣрности сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній и изреченій. Но они драгоценны для насъ особенно потому, что по большей части сообщаютъ свѣдѣнія и изреченія на основаніи такихъ источниковъ, изъ коихъ многіе не существуютъ въ наше время въ тѣхъ именно древнѣйшихъ спискахъ, которыми пользовались собиратели, а

¹⁾ Кстати сказать, поэтому-то мы и избираемъ въ главные руководители для себя Діогена Лаэртія. Изданіе его сочиненія, которымъ пользуемся мы въ настоящемъ случаѣ, есть изданіе *Kobe* (Cobet). Parisiis, 1850.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ *Florilegium*, какъ обыкновенно цитруется это сочиненіе.

многіе и совершенно утрачены для насъ, благодаря различнымъ печальнымъ въ исторіи просвѣщенія обстоятельствамъ (истребленіе знаменитѣйшихъ библіотекъ пожарами, разрушеніе и разграбленіе ихъ варварами и т. п.). Къ тому-же сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія и изреченія мы будемъ передавать не безъ провѣрки съ древнѣйшими свидѣтельствами, какія находимъ напримѣръ у Геродота, Платона, Аристотеля и другихъ писателей, вѣрность сообщеній которыхъ не подвергается сомнѣнію, а также и съ подлинными произведеніями тѣхъ мыслителей, которыхъ сочиненія дошли до насъ. Кромѣ того, не смотря на происхожденіе большей части помянутыхъ сборниковъ и сочиненій въ христіанское время, авторы этихъ сборниковъ и сочиненій были язычники, передавали изреченія мыслителей-язычниковъ такъ, какъ они дошли до нихъ также отъ язычниковъ. Слѣдовательно, въ этихъ изреченіяхъ мы увидимъ прямыя слѣды языческой мысли, дѣятельности ума, незареннаго свѣтомъ божественнаго откровенія сверхъестественнаго. И тѣмъ поучительнѣе будетъ для насъ видѣть, какъ этотъ умъ нерѣдко приближался къ христіанской истинѣ, ясно тѣмъ указывая, что душа по природѣ христіанка. Въ виду этого-то обстоятельства и святые отцы и учителя христіанской церкви не только не пренебрегали этими изреченіями древне-языческой мудрости, а и съ уваженіемъ сами пользовались ими для утвержденія истины христіанской въ глазахъ язычниковъ. Такъ поступали, напримѣръ, не только апологеты первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, но и такія свѣтила Церкви Христовой, какъ св. Василій Великій, Григорій Богословъ и другіе. Въ XII вѣкѣ одинъ трудолюбивый монахъ, по имени *Антоній*, по прозванію *Мелисса* (пчела), составилъ даже значительный сборникъ этихъ изреченій на подобіе „Эклогъ“ Стобея, гдѣ приводитъ много и такихъ изреченій древне-греческихъ мыслителей, которыхъ мы не встрѣчаемъ у Діогена Лаэртія, Стобея и другихъ языческихъ собирателей ихъ.

Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ сказать и о томъ, почему избираемъ для перевода изреченія мы называемъ „изреченіями мыслителей“, а не философовъ, какъ на то должно было бы вызывать насъ вышеупомянутое сочиненіе Діогена Лаэрт-

ція, нашего главнаго руководителя. Мы не хотѣли инымъ заглавіемъ вводить въ недоразумѣніе нашихъ читателей. Самъ Діогенъ Лаэртій въ числѣ мужей, „прославившихся въ філософіи“, упоминаетъ много такихъ, которые не были философиами въ строгомъ смыслѣ слова. Таковы на примѣръ семь мудрецовъ, о которыхъ самъ-же Діогенъ Лаэртій говоритъ, что это были „мудрецы (σοφοί), а не философы“¹⁾; таковы-же затѣмъ поэты и ритори: Эпименидъ, Эпихармъ, Димитрій Фалерейскій и др. Но не будучи философиами въ строгомъ смыслѣ слова, всѣ эти лица были несомнѣнно мыслителями, высказывавшими тѣ или другія мнѣнія и сужденія по предметамъ філософіи. О философахъ, какъ мыслителяхъ, полагаемъ, излишне и говорить. Вотъ чѣмъ объясняется заглавіе нашего сборника изреченій, который мы и начинаемъ теперь, слѣдуя Діогену Лаэртию, изреченіями семи мудрецовъ, какъ древнѣйшихъ мыслителей до-христіанской Греціи.

Подъ именемъ семи мудрецовъ разумѣются мыслители древней Греціи, жившіе въ VП—VI вв. до Р. Хр., когда філософія только что еще вступала на путь свой въ лицѣ одного изъ этихъ семи—Θалеса Милетскаго. Кромѣ Θалеса, въ числѣ семи мудрецовъ издавна поставляемы были: Солонъ Аѣнининъ, Килопъ Лакедемонянинъ, Питтакъ Митиленскій, Біасъ Пріинейскій, Клеовулъ Линдскій и Періандръ Коринѣскій. Въмѣсто Періандра Коринѣскаго нѣкоторые зачисляли еще въ плеяду семи мудрецовъ, одни—скиѳа Анахарсиса, другіе Мизона, иные Ферекида или Эпименида, а нѣкоторые даже Пизистрата, тирана Аѣнпскаго²⁾. Но болѣе всего извѣстны за семь мудрецовъ упомянутыя лица, пачиная Θалесомъ и кончая Періандромъ, принадлежавшія къ различнымъ племенамъ греческой народности: іоническому, эолическому, дорическому и аттическому, чрезъ что древніе греки хотѣли какъ-бы между всѣми племенами, составлявшими ихъ народность, раздѣлить славу мудрости и никакое изъ нихъ не обдѣлить. Многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ подвергаютъ сомнѣнію самую историческую достовѣрность существованія этихъ мудрецовъ,

¹⁾ I, 13.

²⁾ Diog. L. I, 13.

не говоря уже о достовѣрности приписываемыхъ имъ изреченій. Но это совершенно несправедливо. Вся до-христіанская древность утверждаетъ историческую ихъ дѣйствительность, хотя иногда и разногласитъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ ихъ жизни, приписываемыхъ имъ изреченій и т. д. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ одни писатели пополняютъ, поясняютъ и иногда поправляютъ другихъ. Уже отецъ исторіи—Геродотъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о семи мудрецахъ и миѣніяхъ ихъ (особенно же Солона). За нимъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуютъ такіе авторитеты, какъ философы: Гераклитъ, Платонъ, Аристотель и другіе. Миѣніями и изреченіями семи мудрецовъ древніе весьма дорожили и хранили ихъ, какъ народную святыню, народное достояніе. И дѣйствительно, всѣ эти изреченія суть плодъ глубокой мудрости и многосторонней опытности. Многія изъ нихъ живо напоминаютъ собою изреченія Св. Писанія и правила христіанской нравственности. Многія, въ томъ или другомъ отношеніи, являются глубоко-поучительными и для нашего времени, съ его духовными недугами, служа такимъ образомъ не только обще-греческимъ, а и общечеловѣческимъ достояніемъ, какъ слѣды не народной только, а и обще-человѣческой мудрости. О разновременныхъ сборникахъ изреченій семи мудрецовъ мы говорили уже раньше. Итакъ, съ довѣріемъ къ многоустому свидѣтельству древности, приступаемъ къ изложенію изреченій каждаго изъ семи мудрецовъ въ отдѣльности, начиная съ Thalеса, этого „первоначальника греческой философіи“¹⁾.

1. Thalесъ Милетскій.

Происходя изъ іонійской колоніи въ Малой Азій, Милета, Thalесъ, какъ „первоначальникъ греческой философіи“, тѣмъ самымъ прославилъ свое племя, которое такимъ образомъ и на путь философованія выступило первымъ, какъ далеко раньше того опозже первое изъ греческихъ племенъ выступило и на путь поэзіи въ лицѣ Гомера. Родителями Thalеса

¹⁾ См. статью: „Заслуга греческихъ философовъ архаическаго періода“, въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1884 годъ, № 2, отд. фил. стр. 104.

признаются Эксамій и Клеовулина, происходившіе изъ знатной финикійской фамиліи Тилидовъ, которая вела свой родъ отъ Кадма и Агеноры. Время рожденія Талеса относится Діогеномъ Лаэртціемъ къ первому году 35-й Олимпіады, т. е. къ 640 г. до Р. Хр. Прежде чѣмъ обратиться къ рѣшенію философскихъ вопросовъ, Талесъ долгое время занимался дѣлами политическими въ своемъ родномъ городѣ и, при естественномъ глубокомъ умѣ своемъ, имѣлъ въ этомъ такую опытность, что совѣты его съ одинаковымъ вниманіемъ выслушиваемы были и простыми гражданами, и сотрудниками по завѣдыванію дѣлами политическими, и даже Крезомъ, царемъ Лидійскимъ. Но политическія дѣла не удовлетворяли вполне Талеса. Умъ его искалъ высшихъ познаній. Съ этой цѣлю Талесъ, по обычаю людей того времени, отправился въ путешествіе по чужимъ странамъ, особенно-же въ Египетъ, который считался тогда источникомъ всякой мудрости. Здѣсь-то онъ и изучилъ философію подъ руководствомъ жрецовъ. Уже старцемъ, съ сѣдинами мудрости, онъ возвратился въ родной городъ свой и здѣсь для всѣхъ открылъ сокровищницу ума своего и обширныхъ познаній. Опять сдѣлалъ много открытій въ области астрономіи, метеорологіи и др. Геометрія также ему обязана своимъ происхожденіемъ въ Греціи. Глубокое изученіе отечественной словесности видно уже въ извѣстномъ основоположеніи философіи Талеса о водѣ, какъ началѣ всякаго бытія, что имѣетъ связь съ изученіемъ Иліады (XIV, 245—246) объ Океанѣ, какъ источникѣ всякаго бытія. Однако напрасно поэтому, со временъ блаженнаго Августина (*De Civit. Dei* VII, 2), многіе думали и думаютъ, что Талесъ, все производя изъ одной только воды, Божеству не приписывалъ никакого участія въ міробытіи. Не такъ смотрѣли на него сами язычники. Плутархъ напримѣръ, признавая Талеса основателемъ іонійской натуралистической философіи, вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что онъ (Талесъ) признавалъ „Бога умомъ міра“. Подобное-же говоритъ о немъ и Цицеронъ въ „*De natura deorum*“ I, 10, также Стобей. А Діогенъ Лаэртцій, на основаніи древнѣйшихъ свидѣтельствъ, признаетъ Талеса и первымъ провозвѣстникомъ ученія о безсмертіи души. Какою славою мудро-

сти пользовался Талесъ среди современниковъ своихъ, о томъ свидѣтельствуется древнее сказаніе о золотомъ трепожникѣ, вынутомъ изъ моря милетскими рыбаками и возбудившемъ споръ о томъ, кому присудить его. Когда спросили о томъ Дельфійскій оракуль, то онъ отвѣтилъ: мудрѣйшему. И трепожникъ единогласно присужденъ былъ милетцами Талесу ¹⁾. О той-же мудрости Талеса свидѣлствуютъ и передаваемая намъ древними изреченія его.

„Началомъ всего онъ полагалъ воду и говорилъ, что міръ одушевленъ и полонъ Божества.—Приписываются ему и слѣдующія изреченія:

Старѣйшее изъ всего сущаго есть Богъ: ибо Онъ не рожденъ. Прекраснѣйшее изъ всего есть міръ: ибо онъ—твореніе Божіе. Величайшее изъ всего есть пространство: ибо оно вмѣщаетъ все..

Быстрѣе всего—умъ: ибо онъ чрезъ все пробѣгаетъ.

Сильнѣе всего—необходимость: ибо она властвуетъ надъ всѣмъ.

Мудрѣе всего—время: ибо оно изобрѣтаетъ все.

Смерть, говорилъ онъ, ни чѣмъ не отличается отъ жизни. Такъ почему-же ты не умираешь?—спросилъ его кто-то. Поэтому, отвѣтилъ онъ, что нѣтъ никакой разницы.

На вопросъ: что прежде явилось, ночь или день, онъ отвѣтилъ: ночь однимъ днемъ прежде ²⁾).

Кто-то спросилъ его: утаятся-ли отъ боговъ человѣкъ, дѣлающій злое? Онъ отвѣтилъ: не утаятся даже и помышляющій злое ³⁾).

Прелюбодѣю, спрашивавшему, клясться-ли ему въ томъ, что онъ не прелюбодѣйствовалъ, Талесъ сказалъ: ложная клятва не хуже прелюбодѣянія.

Спрошенный о томъ, что трудно? онъ отвѣтилъ: познать самого себя.—А что легко?—Другому подавать совѣтъ.

¹⁾ Свидѣнія о жизни Талеса мы заимствовали главнымъ образомъ изъ *Диогена Лаэртія* I, 22—34. Но сравни также *Геродота* I, 74—75, 170; *Платона*, *Феэтегъ* стр. 174 изд. Стефани; *Аристотеля*, *Метафиз.* I, 3; *О небѣ* II, 13; *Плутарха*, *De placit. phil. lib.* I, 3 и др.

²⁾ Кромъ остроумной подкладки, въ основаніи смысла отвѣта могло лежать и указаніе на мифологическое представленіе о томъ, что „Черная ночь“ родила „день“ (*Гезіода*, *Теогонія*, ст. 123—124)..

³⁾ Срав. *Іов.* 34, 21; *Псал.* 37, 10; *1 Парал.* 28, 9 и др. ми.

Что всего пріятнѣе? — Достигать желаемого.

Что есть Божество? — Существо, не имѣющее ни пачала, ни конца.

Что для него тяжело видѣть? — Старика-тиранна.

При какомъ условіи человѣкъ легче всего можетъ перенести несчастье? — Если онъ будетъ видѣть враговъ своихъ въ еще худшемъ положеніи.

При какомъ условіи мы будемъ жить лучше и справедливѣе всего? — Если сами не будемъ дѣлать того, что другимъ запрещаемъ.

Кто счастливъ? — Здравый тѣломъ, благополучный въ судьбѣ, благовоспитанный душою.

Θалесъ-же говорилъ слѣдующее: о друзьяхъ должно помнить не въ присутствіи только ихъ, но и въ отсутствіи.

Не паружность должно украмать, но быть красивымъ въ духовныхъ начинаніяхъ.

Не приобрѣтай богатства злымъ способомъ.

Не поддавайся клеветѣ на тѣхъ, которые снискали твое довѣріе.

Какія услуги ты самъ оказалъ родителямъ, такихъ ожидай и отъ своихъ дѣтей.

Нить наводняется вслѣдствіе теченій, напирających на него отъ противныхъ пассатныхъ вѣтровъ.

Герминій въ своихъ жизнеописаніяхъ ¹⁾ относитъ къ Θалесу слѣдующія слова, которыя другіе относятъ къ Сократу:

За три вещи благодаритъ онъ судьбу: во-первыхъ, за то, что родился человѣкомъ, а не звѣремъ; во-вторыхъ за то, что родился мужчиной, а не женщиной и въ третьихъ за то, что родился грекомъ, а не варваромъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ сына Кивисса; а нѣкоторые — что онъ остался безбрачнымъ, но усыновилъ себѣ сына сестры своей. И когда его спрашивали, почему онъ не хотѣлъ имѣть дѣтей, онъ отвѣтилъ: потому что люблю дѣтей ²⁾.

¹⁾ Срав. евангеліе выше о Герминіи, какъ одномъ изъ первыхъ собирателей изреченій древне-греческой мудрости.

²⁾ Въ „Цвѣтникѣ“ Стобел (LXVIII) отвѣтъ Θалеса на тотъ-же вопросъ иной, но хорошо разъясняющей дѣло: „истому что не хочу добровольно обрекать ихъ на страданія“.

Говорятъ также, что когда мать понуждала его вступить въ бракъ, онъ говорилъ: клянусь Зевсомъ, еще не время; а потомъ, когда онъ устарѣлъ для брака и когда мать все-таки настаивала на томъ-же, онъ сказалъ: уже не время.

Желая показать, какъ легко разбогатѣть и предвидя хорошей сборъ маслины, онъ нанялъ работниковъ для сбора ея и получилъ отъ этого сбора весьма много денегъ.

Многословіе, говорилъ онъ, отнюдь не показываетъ благо-разумія: изслѣдуй одно только мудрое, избирай одно только доброе: этимъ ты заключишь многоглазыхъ уста людей болтливыхъ ¹⁾.

Будучи въ гостяхъ у Періандра, Талесъ на предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ слѣдующее:

Что старѣе всего?—спрашивали его. Онъ по прежнему отвѣчалъ: Богъ; ибо Онъ не рожденъ.

Что болѣе всего?—Пространство; ибо если другое что міръ объемлетъ, то пространство объемлетъ и самый міръ.

Что прекраснѣе всего?—Міръ; ибо все, расположенное въ порядкѣ, есть часть его.

Что всего мудрѣе?—Время, ибо оно одно уже избрѣло, а другое избрѣтеть еще.

Что самое общее для всѣхъ?—Надежда; ибо если у кого и ничего нѣтъ, то она есть.

Что полезнѣе всего?—Добродѣтель; ибо, при хорошемъ употребленіи ея, она и все прочее дѣлаетъ полезнымъ.

Что вреднѣе всего?—Порокъ; ибо проявившись, онъ вредитъ весьма многому.

Что сильнѣе всего?—Необходимость; ибо только она непобѣдима.

Что легче всего?—То, что согласно съ природой; ибо отъ удовольствій еще часто отказываются.

Тамъ же Талесъ говорилъ, что властелинъ тогда только

¹⁾ Всѣ эти изреченія и эпизоды извлечены изъ Діогена Лаэртія I, 26—27, 33, 35—37. Къ тому срав. Aristotelis, De anima I, 5; Plutarchi, Convivium VII sapient. opp. t. VI p. 582 ed. Reiske; Stobei, Florilegium, serm. III; et Eccllog. I, 2, 29.

долженъ быть признаваемъ счастливымъ, когда умретъ въ старости по закону природы.

Должно, высказывать онъ, говорить только о правдоподобномъ, а о томъ, что неисполнимо, умалчивать.

Врагамъ не должно вѣрять и въ томъ, что они говорятъ вѣрно, а друзьямъ должно вѣрять и въ томъ, что не вѣрно ¹⁾.

Оалесь же сказалъ, что яснѣйшій изобличитель всѣхъ дѣлъ есть время: ибо оно обнаруживаетъ истину.

У Димитрія Фалерейскаго записаны были еще слѣдующія его изреченія: Отдавай деньги въ вѣрныя руки: иначе понесешь убытокъ.—Говорить лестное родителямъ не сомнѣвайся.

Порока не допускай къ себѣ.

Хорошее трудно узнать.

Бездѣйствіе тягостно.

Неумѣренность—дѣло худое.

Необразованность отяготительна.

Научай и учись лучшему.

Не будь празденъ, хотя бы ты былъ и богатъ.—Благополучіе скрывай ради устраненія зависти.

Не жалуйся.

Наблюдай мѣру.

Не всемъ довѣрай.

Будучи правителемъ, управляй самимъ собой ²⁾.

Властителя почитай.

Испытывай друзей.

Будь равенъ себѣ самому.

Обѣщаній не давай никому.

Благосклонностію согражданъ не провозносись.

Настоящее обдумывай хорошенько.

Отъ пороковъ удерживайся.

Славы ищи.

Заботься о жизни.

¹⁾ Plutarchi, Conviv. VII Sapient. pagg. 577, 582—583, 611 ed. cit. t. VI Lipsiae, 1777.

²⁾ Stobei Floril. serm. III pag. 45—46. Basileae, 1543. Мы конечно не включали сюда тѣхъ прѣреченій, которыя однородны съ изреченіями, выбранными изъ Діогена Лаэртія. Такъ будемъ поступать и далѣе.

Люби миръ.

Старайся заслужить похвалу отъ всѣхъ.

Человѣка, нашептывающаго клевету на другихъ, изгоняй изъ дома твоего ¹⁾.

Спрошенный кѣмъ-то, на сколько отстоитъ ложь отъ истины, Салесъ сказалъ: на сколько глаза отъ ушей ²⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

Въ статьѣ профессора В. Кудрявцева „Составъ философіи“, помѣщенной въ 23-й книжкѣ 1884 г.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Стр. 458, строка 17 сверху	излагается	излагаетъ
Стр. 463, строка 15 сверху	отличаются	отвлекаются
Стр. 469, строка 4 сверху	основныя	составныя.

¹⁾ Эти изреченія заимствованы изъ древняго кодекса сочиненій Теокрита, къ которымъ они присоединены, по изданію Альда Мануція 1495 г.

²⁾ Антонія и Максима Пері *ἀληθείας*.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

1 Января № 1. 1885 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о состояніи Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ лицъ, коимъ предоставлено право преподаванія простаго (уникопнаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Извѣдѣніе о количествѣ свѣчей, огнущенныхъ пѣзъ склада комиссіонера священника А. Лобковскаго, Старобѣльскаго уѣзда.—Списокъ пожертвованій на возобновленіе постройки адамшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 20-го ноября — 3-го декабря 1884 года, за № 2538 о книгѣ Платонова „Отвѣтъ автора „Анти-энциклики“ на послѣдовавшее противъ нея со стороны католичества возраженіе“.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 1 минушаго ноября за № 860, журналъ Учебнаго Комитета № 398, съ заключеніемъ Комитета, о составленной статскимъ совѣтникомъ Платоновымъ книгѣ, подъ названіемъ: „Отвѣтъ автора „Анти-энциклики“ на послѣдовавшее противъ нея со стороны католичества возраженіе“ (Харьковъ, 1884 г.). Учебный Комитетъ считаетъ полезнымъ распространеніе книги, подъ названіемъ: „Отвѣтъ автора „Анти-энциклики“ на послѣдовавшее со стороны католичества возраженіе“, по духовнымъ семинаріямъ и тѣмъ епархіямъ, гдѣ наиболѣе многочисленно населеніе римско-католическаго исповѣданія. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ по духовному вѣдомству, сообщить для напечатанія въ „Церк. Вѣстникъ“.

II Узнавъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Пресвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому. Объ измѣненіи маршрута для крестнаго хода съ чудотворною иконою Божіей Матери изъ села Каплуновки въ городъ Богодуховъ и обратно.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Преосвященства,

отъ 9 октября сего года за № 208, объ утвержденіи новаго маршрута для крестнаго хода съ чудотворною иконою Божіей Матери изъ села Каплуновки въ городъ Богодуховъ и обратно. Приказали: въ Харьковской епархіи совершается ежегодно, съ 15 сентября по 15 октября, крестный ходъ съ Каплуновскою чудотворною иконою Божіей Матери изъ села Каплуновки, чрезъ селенія: Козѣевку, Цолковую Никитовку и Матвѣевку, въ г. Богодуховъ и изъ послѣдняго обратно, чрезъ тѣ-же селенія. Нынѣ, вслѣдствіе ходатайства крестьянскихъ обществъ волостей: Хрущово-Никитовской, Мурафовской, Краснокутской и Пархомовской, — Ваше Преосвященство просите разрѣшеніе на то, чтобы на обратномъ пути изъ Богодухова въ слободу Каплуновку, означенный крестный ходъ слѣдовалъ чрезъ селенія: Хрущовую Никитовку, Шаровку, Мирное, Мурафу, заштатный городъ Краснокутскъ и Пархомовку, чрезъ что крестный ходъ имѣеть продлиться до 19 октября. Ваше Преосвященство присовокупяете, что со стороны Начальника Харьковской губерніи, какъ видно изъ полученнаго отъ него отзыва, не встрѣчается препятствій къ вышензложенному измѣненію въ маршрутѣ крестнаго хода. Въ виду сихъ данныхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ уваженіе благочестиваго усердія жителей поименованныхъ выше селеній къ Каплуновской чудотворной иконѣ Божіей Матери, разрѣшить предположенное Епархіальнымъ Начальствомъ измѣненіе въ путешествіи помянутаго крестнаго хода, о чемъ и послать Вашему Преосвященству, для зависящаго распоряженія, указъ. Ноября 23 дня 1884 года.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁸³/₈₄ учебный годъ.

(Продолженіе *)

д) *Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.*

Урокъ въ училищѣ въ отчетномъ году начался 16 августа и окончился 28 апрѣля. Такимъ образомъ всѣхъ учебныхъ дней въ году, если исключить 20 дней на Рождественскія святки съ обязательнымъ говѣніемъ предъ ними, 3 дня на масленицу, 17 дней на праздники Пасхи со Страстною седмицею и всѣ воскресные и праздничные дни, — было 171.

Устные испытанія по обязательнымъ предметамъ начался 4 мая, по

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 22

предварительно были произведены экзамены по музыкѣ (въ теченіе великаго поста), по церковному пѣнію (въ послѣдніе уроки, назначенные росписаніемъ для этого предмета), экзаменъ въ педагогической школѣ, существующей при училищѣ (28 апрѣля) и письменныя испытанія посредствомъ экспромптовыхъ сочиненій (30 апрѣля). Назначали темы для экзаменныхъ сочиненій и исправляли самыя сочиненія: въ I, II, III, IV и V-мъ классахъ преподаватели русскаго языка, а въ VI-мъ—инспекторъ классовъ. Устные испытанія производились Комиссіями, въ составъ которыхъ входили: предсѣдатель, одинъ изъ членовъ Совѣта, преподаватель даннаго предмета и ассистентъ, преподаватель того-же предмета въ другихъ классахъ или предмета сроднаго. Окончились всѣ испытанія 7 іюня, а 12-го происходилъ торжественный актъ, которымъ закончился учебный годъ.

е) *Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ—видно изъ нижеслѣдующей таблицы:*

Къ началу учебнаго года состояло воспитаницъ: въ I-мъ классѣ 45, во II кл. 49, въ III—48, въ IV нормал.—40, въ IV параллельн.—41, въ V—47 и въ VI кл. 36; итого 306 воспитаницъ.

Среди учебнаго года вышло изъ I кл. 1, изъ III—2, и IV параллельнаго—3 воспитаницы; итого 6 воспитаницъ.

Среди учебнаго года прибыла вновь 1 воспитаница—въ I-й классъ.

Осталось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ I-мъ классѣ 45 восп. во II—49, въ III—46, въ IV нормальн.—40, въ IV параллельн.—38, въ V кл. 47 и въ VI—36; итого 301 воспитаница.

Держали годовой экзаменъ: въ I классѣ 45 восп., во II—48, въ III—45, въ IV нормал.—39, въ IV парал.—37, въ V кл.—45 и въ VI—33; итого 292 воспитаницы.

Не держали экзамена во II классѣ 1 восп.—по неявкѣ въ училище, въ III кл. 1 восп., въ IV норм. 1 восп., въ IV парал. 1 восп., въ V клас. 2 восп. и въ VI кл. 3 восп.,—всѣ восемь по болѣзни; итого 9 воспит.

Персведено изъ младшихъ въ старшіе классы: изъ I-го во II кл. 42 восп.; изъ II-го въ III-й кл. 45 восп.; изъ III-го въ IV—40 восп.; изъ IV норм. въ V норм. 33 восп.; изъ IV парал. въ V парал.—35 восп. и изъ V-го въ VI кл. 39 восп.; итого 231 воспитаницы.

Оставлено въ тѣхъ-же классахъ на повторительный курсъ: въ I кл. 3 восп., во II-мъ—3, въ III-мъ—2,—всѣ по малоуспѣшности; въ IV норм. 7 восп.—1 по болѣзни, 4 по малоуспѣшности и 2 по малоразвитости; въ IV парал. 3: 1 по просьбѣ отца и 2 по малоуспѣшности; въ V кл. 5: 1 по просьбѣ отца и 4 по малоуспѣшности; итого 23 воспитаницы.

Окончало курсъ въ VI классѣ 34 воспитан. (въ томъ числѣ одной выданъ аттестатъ безъ экзамена, по резолюціи Преосвященнаго).

Уволено изъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ: изъ II кл. 1 восп.—за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причинъ, изъ III кл. 4 восп.—3 по просьбѣ родителей и 1 по малоуспѣшности и изъ V кл. 3 восп.—2 по просьбѣ родителей и 1 по малоуспѣшности; итого 8 воспитанницъ.

Такимъ образомъ къ началу 1884/85 учебнаго года въ училищѣ числилось 257 воспитанницъ.

Въ августѣ и сентябрѣ 1884 года принято въ училище вновь 49 дѣвицъ: 46 въ первый классъ, 1 во второй и 2 въ четвертый и уволена по просьбѣ родителей 1 воспитанница пятого класса.

Вслѣдствіе этого къ 4 октября въ училищѣ числятся 305 воспитанницъ, именно: въ I классѣ 49, во II-мъ 46, въ III-мъ 47, въ IV—52, въ V нормальномъ 35, въ V парал. 37 и въ VI-мъ 39 воспитанницъ.

ж) *Общая свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.*

1. Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году по всѣмъ предметамъ, наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ:

I класса (45 воспитанницъ).

Балль 5	получили	14	воспитанницъ	или	31 ⁵ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 4	—	18	—	—	40 ⁰ / ₀
— 3	—	12	—	—	26 ³⁰ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 2	—	1	—	—	2 ¹⁰ / ₄₅ ⁰ / ₀

II класса (48 воспитанницъ).

Балль 5	получили	19	воспитанницъ	или	39 ²⁸ / ₄₈ ⁰ / ₀
— 4	—	19	—	—	39 ²⁸ / ₄₈ ⁰ / ₀
— 3	—	8	—	—	16 ³² / ₄₈ ⁰ / ₀
— 2	—	2	—	—	4 ² / ₄₈ ⁰ / ₀

III класса (45 воспитанницъ).

Балль 5	получили	9	воспитанницъ	или	20 ⁰ / ₀
— 4	—	23	—	—	51 ⁵ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 3	—	13	—	—	28 ⁴⁰ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 2	—	—	—	—	—

IV норм. класса (39 воспитанницъ).

Балль 5	получили	8	воспитанницъ	или	20 ²⁰ / ₃₉ ⁰ / ₀
— 4	—	17	—	—	43 ²³ / ₃₉ ⁰ / ₀
— 3	—	14	—	—	35 ³⁵ / ₃₉ ⁰ / ₀
— 2	—	—	—	—	—

IV парал. класса (37 воспитанницъ)

Балль 5	получили	12	воспитанницъ	или	32 ¹⁰ / ₃₇ ⁰ / ₀
— 4	—	17	—	—	45 ³⁵ / ₃₇ ⁰ / ₀
— 3	—	8	—	—	21 ²³ / ₃₇ ⁰ / ₀
— 2	—	—	—	—	—

V класса (45 воспитанницъ).

Балль 5	получили	9	воспитанницъ	или	20 ⁰ / ₀
— 4	—	19	—	—	42 ¹⁰ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 3	—	17	—	—	37 ³⁵ / ₄₅ ⁰ / ₀
— 2	—	—	—	—	—

VI класса (33 воспитанницы).

Балль 5	получили	10	воспитанницъ	или	30 ¹⁰ / ₃₃ ⁰ / ₀
— 4	—	14	—	—	42 ¹⁴ / ₃₃ ⁰ / ₀
— 3	—	9	—	—	27 ⁹ / ₃₃ ⁰ / ₀
— 2	—	—	—	—	—

Примѣчанія: а) Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя держали экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

б) Въ составъ общаго балла по русскому языку въ III, IV, V и VI классахъ вошли баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ, а въ VI классѣ еще баллы усныхъ отвѣтовъ по русской грамматикѣ.

2. Въ поведеніи воспитанницъ въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ сколько-нибудь важныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніяхъ, почему изъ общаго числа воспитанницъ (301) только 19 получили по поведенію общій годовой балль 4 (очень хорошо); остальные-же 282 получили балль 5 (отлично).

3. Состояніе здоровья воспитанницъ въ отчетномъ году было менѣе благопріятно, чѣмъ въ предыдущемъ. Случаевъ заболѣванія было 283, что при 306 воспитанницахъ (къ началу года) составляетъ 92¹⁴⁸/₃₀₆⁰/₀, тогда какъ въ 1882/83 учебномъ году случаевъ заболѣванія было только 251, что при 308 воспитанницахъ даетъ только 81⁵²/₃₀₈⁰/₀. Къ счастью, страдали большею частію легкими формами болѣзней, именпо: лпхорадкой (33⁰/₀), жабой (около 16⁰/₀). Случаевъ заболѣванія тяжелыми болѣзнями было 10, именпо: 6 случаевъ оспы, 3 случая воспаленія легкихъ и 1 случай тифа. Смертнаго случая не было ни одного.

з) Число пропущенныхъ преподавателями училища уроковъ въ отчетномъ году.

Законоучитель въ IV, V и VI классахъ священникъ Н. Оникевъчъ (12 нед. уроковъ): пропущено 3 урока—по болѣзни. Помощникъ законоучителя въ I, II и III классахъ священникъ Г. Волобуевъ (12 нед. уроковъ):

пропущено 13 уроковъ—11 по обязанностямъ священника и 2 по семейнымъ обстоятельствамъ. Преподаватель русской словесности въ IV нормальномъ, V и VI классахъ А. А. Снегиревъ (10 нед. уроковъ): пропущено 21 урокъ—18 по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ и 3 по болѣзни. Преподаватель русской словесности въ IV парал. классѣ, М. В. Доброправовъ (3 нед. уроковъ): пропущенъ 1 урокъ—по болѣзни. Учительница русскаго языка въ I, II и III классахъ Е. А. Горбачевская (12 нед. уроковъ): пропущено 9 уроковъ—по семейнымъ обстоятельствамъ. Преподаватель арифметики, геометріи, физики и космографіи въ IV, V и VI классахъ, А. П. Эльтековъ (17 нед. уроковъ): пропущено 139 уроковъ—40 по причинѣ отпуска и 99 по болѣзни. Учительница арифметики въ I, II и III классахъ О. К. Рудинская (12 нед. ур.): пропущено 3 урока—по болѣзни. Преподаватель гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ, А. Θ. Вертеловскій (11 нед. уроковъ): пропущено 19 уроковъ—16 по болѣзямъ и 3 по обязанностямъ службы въ семинаріи. Преподаватель географіи въ IV, V, VI классахъ, В. Л. Спасскій (11 нед. уроковъ) состоялъ на службѣ по день смерти 17 января 1884 г.: пропущено 82 урока—по болѣзни. Преподаватель географіи въ IV, V и VI классахъ, В. В. Лаппинъ (11 нед. уроковъ) на службѣ съ 30 января 1884 г.: пропущено 3 урока—1 по болѣзни и 2 по обязанностямъ службы въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Учительница географіи во II и III классахъ, Л. Е. Дьякова (4 нед. урока): пропуска уроковъ не было. Преподаватель педагогики въ V и VI классахъ, Н. Н. Страховъ (3 нед. уроковъ): пропущено 5 уроковъ—1 по болѣзни и 4 по семейнымъ обстоятельствамъ. Учитель церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ, священникъ С. Петровскій (8 нед. уроковъ): пропущено 43 урока—по обязанностямъ священника. Учитель чистописанія въ первыхъ четырехъ классахъ, Д. О. Ланевскій (14 нед. уроковъ): пропущено 11 уроковъ—3 по болѣзни, 1 по семейнымъ обстоятельствамъ и 7 по причинѣ вызова въ судъ экспертомъ. Учительница французскаго языка во всѣхъ классахъ Е. Н. Гейцигъ (12 нед. уроковъ): пропущено 4 урока—3 по обязанностямъ службы и 1 по семейнымъ обстоятельствамъ.

Примѣчаніе: Кромѣ указанныхъ не были заняты уроки географіи въ IV, V и VI классахъ съ 17 по 30 января 1884 года,—отъ смерти преподавателя В. Л. Спасскаго до опредѣленія на его мѣсто В. В. Лаппина.

и) *Число пропущенныхъ уроковъ воспитанницами въ отчетномъ году.*

Въ I классѣ (45 восп.)—107 ур. по неявкѣ и 574 по болѣзни, итого 681 ур.; во II классѣ (49 восп.)—257 ур. по неявкѣ и 330 по болѣзни, итого 587 ур.; въ III классѣ (48 восп.)—176 по неявкѣ и 519

по болѣзни, итого 695; въ IV норм. классѣ (40 восп.)—102 по неявкѣ и 140 по болѣзни, итого 242; въ IV парал. классѣ (41 восп.)—185 по неявкѣ и 203 по болѣзни, итого 388 ур.; въ V классѣ (47 восп.)—156 по неявкѣ и 586 по болѣзни, итого 742 ур.; и въ VI классѣ (36 восп.) 189 по неявкѣ, 373 по болѣзни и 1016 по причинѣ дежурства въ педагогической школѣ, итого 1578 ур.

Такимъ образомъ всѣмъ воспитанницамъ училища въ теченіе года пропущено 4913 уроковъ, что, по раздѣленіи на общее число воспитанницъ, которыя вошли въ эту вѣдомость (306), дастъ на каждую воспитанницу 16 пропущенныхъ уроковъ. Сравнительно съ прошлымъ учебнымъ годомъ, когда на каждую воспитанницу пришлось около 22 пропущенныхъ уроковъ, настоящій годъ оказался сравнительно очень благопріятнымъ.

к) *Мѣры, принятыя и проектируемыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ.*

Для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла въ училищѣ въ отчетномъ году приняты слѣдующія мѣры:

1) Вслѣдствіе заявленія инспектора классовъ о необходимости увеличить количество сочиненій воспитанницъ старшихъ классовъ для достиженія ими большаго умѣнья свободно и правильно выражать свои мысли, Совѣтъ училища, постановленіемъ своимъ отъ 6 сентября 1883 года, назначилъ въ IV и V классахъ, вмѣсто 7, какъ было прежде, по 8 сочиненій, въ томъ числѣ одинъ классный экспромптъ. Въ то же время Совѣтъ постановилъ болѣе серьезныя и письменныя упражненія воспитанницъ III класса, опредѣлявъ, чтобы темы для домашнихъ сочиненій въ этомъ классѣ предварительно обсуждались въ педагогическихъ собраніяхъ и утверждались Преосвященнымъ, баллы ихъ вносились въ особую вѣдомость, наравнѣ съ баллами сочиненій воспитанницъ старшихъ классовъ, и при переводѣ въ слѣдующій классъ имѣли равное значеніе съ баллами устныхъ отвѣтовъ по русской грамматикѣ, такъ чтобы удостоивались перевода только тѣ воспитанницы III класса, которыя и по устнымъ отвѣтамъ, и по сочиненіямъ (отдѣльно) получаютъ въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отмаѣтокъ удовлетворительныя баллы. А чтобы воспитанницы этого класса возможно больше упражнялись въ письменныхъ изложеніяхъ, предложено и учительницѣ арметкии задавать имъ ежемѣсячно на домъ по одному письменному отвѣту, какъ это дѣлается въ старшихъ классахъ.

Всѣ эти постановленія Совѣта въ отчетномъ году были исполнены въ точности.

2) Для приученія воспитанницъ къ выразительному и толковому чтенію книгъ, по заявленію инспектора классовъ, съ января 1884 года устроены

были по воскреснымъ днямъ преподавателями русскаго языка образцовыя чтенія для воспитанницъ IV, V и VI классовъ.

3) Согласно заявленію инспектора классовъ, Совѣтомъ училища, съ разрѣшенія Преосвященнаго, введенъ еженедѣльно одинъ сводный урокъ церковнаго пѣнія въ V и VI классахъ, взаимѣнь чего въ I классѣ изъ двухъ уроковъ, положенныхъ по уставу, оставленъ только одинъ. Это перемѣщеніе уроковъ, дозволенное указомъ Св. Синода отъ 3—17 мая 1878 года за № 686, сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы: а) готовить воспитанницъ V и VI классовъ (въ которыхъ не назначено уставомъ обязательныхъ уроковъ по этому предмету), къ пѣнію въ церкви (такъ какъ онѣ составляютъ училищный хоръ), не отнимая у нихъ послѣобѣденнаго времени, назначеннаго на другія занятія и отдыхъ; б) продолжить обученіе церковному пѣнію на два года и при томъ въ такомъ возрастѣ, когда обученіе можетъ достигать большихъ успѣховъ и в) дать возможность по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ воспитанницамъ этихъ классовъ, поющимъ въ хорѣ, сколько-нибудь пріобрѣсти умѣнье разучивать новыя піесы и управлять хоромъ, — что было-бы весьма важно и полезно для нихъ, какъ будущихъ учительницъ въ сельскихъ школахъ.

4) Для достиженія воспитанницами училища, обучающимися музыкѣ, большихъ успѣховъ, по мысли г-жи Начальницы училища, введено преподаваніе теоріи музыки отдѣльно отъ практическихъ упражненій въ ней и назначено для него еженедѣльно по одному часовому уроку.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Его Преосвященство изволилъ объявить нижепоименованнымъ протоіереямъ и священникамъ Харьковской епархіи искреннюю благодарность, за особенное содѣйствіе, оказанное ими въ распространенія по своимъ приходамъ журнала „Вѣра и Разумъ“: 1) настоятелю Сумскаго Преображенскаго Собора, протодіакону Василю Никольскому; 2) помощнику настоятеля Покровской церкви, слоб. Спѣваковкп, Старобѣльскаго уѣзда, священнику Василю Алексѣевскому; 3) настоятелю Успенской церкви, слоб. Маньковкп, Купянскаго уѣзда, священнику Василю Попову; 4) настоятелю Славянской Троицксіи церкви, Изюмскаго уѣзда, протодіакону Теодору Любарскому; 5) настоятелю Лебединской Вознесенской церкви, священнику Кириллу Щелкунову, и 6) настоятелю Краспокутской Успенской церкви, Богодуховскаго уѣзда, священнику Алексію Ситсаревскому.

— Его Преосвященство, Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, Епископомъ Харьковскымъ и Ахтырскимъ, благословлено употреблять при богослуженіи *набедренники* слѣдующимъ священникамъ: 1) настоятелю Борисоглѣбской церкви с. Водянаго, Зиіевскаго уѣзда, священнику Теодору *Николаевскому*; 2) помощнику настоятеля, священнику слоб. Коробчанской того же уѣзда, Петру *Дейнишовскому*; 3) помощнику настоятеля, священнику сл. Охочей того же уѣзда, Варсонофію *Антоновскому*; 4) помощнику настоятеля, священнику слоб. Ефремовки того же уѣзда, Теодору *Сюсареву*; 5) настоятелю Валковской Благовѣщенской церкви, священнику Гавріилу *Павловскому*; 6) помощнику настоятеля, священнику села Княжпаго, Валковскаго уѣзда Андрею *Закричному*; 7) настоятелю Всѣсвятской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, священнику Григорію *Рудинскому*; 8) настоятелю Иоанно-Вониской церкви с. Рогознаго, Сумскаго уѣзда, священнику Михаилу *Добрецкому*; 9) священнику Покровской церкви г. Лебедина Стефану *Прокоповичу*; 10) священнику Николаевской церкви села Боброваго, Лебединскаго уѣзда, Адріану *Крыжановскому*; 11) священнику Николаевской церкви села Голубовки, Лебединскаго уѣзда, Іосифу *Крохитскому*; 12) священнику Покровской церкви села Луцыковки, Лебединскаго уѣзда, Петру *Новичкому*; 13) священнику Георгіевской церкви села Вѣловода, Сумскаго уѣзда, Іакову *Хорошкову*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) Въ слоб. Малой Волчей, Волчанскаго уѣзда; 2) въ слоб. Малой Алексѣевкѣ, Харьковскаго уѣзда.

С П И С О К Ъ

лицъ, коимъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено, съ утвержденія Его Преосвященства, право преподаванія простаго (унисоннаго) церковнаго цѣмля въ церковно-приходскихъ школахъ съ обозначеніемъ времени выдачи свидѣтельствъ на сіе право.

1) Окончившій курсъ Ахтырскаго духовнаго училища Дмитрій Стефановъ Труфановъ; 2) уволенный изъ 4-го класса Харьковскаго духовнаго училища Меодій Фотіевъ Власовскій; 3) уволенный изъ 3-го класса Харьковскаго духовнаго училища Іаковъ Андреевъ Григоровичъ; 4) Харьковскаго уѣзда села Жикора, исправляющій должность псаломщика Иванъ Васильевъ Пономаревъ; 5) находящійся въ числѣ послушниковъ Харьковскаго архіерейскаго дома — крестьянинъ города Сумъ Миронъ Константиновъ Гончаренко; 6) Харьков-

скаго уѣзда слободы Удѣ, исправляющій должность псаломщика Николай Ивасовъ Степурскій; 7) Лебединскаго уѣзда слободы Межирича, исправляющій должность псаломщика Трофимъ Михайловъ Федоровскій; 8) Купинскаго уѣзда слободы Преображенской исправляющій должность псаломщика Иванъ Николаевъ Мухипъ; 9) учитель Воскресенской церковно-приходской, въ гор. Харьковѣ, школы Василій Алексѣевъ Браиловскій; 10) Харьковскаго уѣзда села Пересѣчнаго, исправляющій должность псаломщика Иванъ Васильевъ Григоровичъ; 11) изъ дворянъ—уволенный изъ 1-го класса Ахтырскаго духовнаго училища Николай Яковлевъ Воробьевъ и 12) сынъ діакона, состоящій вольнонаемнымъ церковникомъ при Димитріевской гор. Харькова церкви Георгій Александровъ Наумовъ. Всѣмъ этимъ лицамъ выданы свидѣтельства 13 декабря 1884 года.

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ церквамъ изъ склада комисіонера-священника Алексѣя Лобковскаго Старобѣльскаго уѣзда 5 округа, за 1884 годъ.

Въ Петро-Павловскую Петро-Павловскую церковь 5 п. 22 фун., въ Ново-Айдарскую Николаевскую ц. 5 п. 16½ ф., въ Петро-Павловскую Успенскую ц. 5 п. ½ ф., въ Смольяниновскую Рождество-Богородичную ц. 6 п. 18¼ ф., въ Райгородскую Николаевскую ц. 4 п. 27½ ф., въ Ново-Ахтырскую Богородичную ц. 8 п. 33¾ ф., въ Шгоршовскую Рождество-Богородичную ц. 7 п. 13 ф., въ Старо-Айдарскую Михайловскую ц. 10 п. 1 ф., въ Боровскую Николаевскую ц. 7 п. 23 ф., въ Алексѣевскую Успенскую ц. 7 п. 24 ф., въ Трехизбнскую Покровскую ц. 9 п. 32 ф., въ Бахмутовскую Троицкую ц. 7 п. 20 ф., въ Муратовскую Николаевскую ц. 7 п. 32¾ ф., въ Черниговскую Троицкую ц. 7 п. 39¼ ф., въ Безгиновскую Казанскую ц. 9 п. 19⅓ ф., въ Волкодавовскую Николаевскую ц. 3 п. 35 ф., въ Чебановскую Вознесенскую ц. 6 п. 20 ф., въ Ланиновскую Покровскую ц. 5 п. 30 ф., въ Свято-Димитріевскую Димитріевскую ц. 7 п. 8¼ ф., въ Спѣваковскую Покровскую ц. 4 п. 25 ф., въ Денежниковскую Петро-Павловскую ц. 7 п. 21 ф., въ Ново-Айдарскую Михайловскую ц. 8 п. 12 ф., въ Варваровскую Иоанно-Предтечевскую ц. 8 п. 20 ф., въ Бѣлязскую Михайловскую ц. 3 п., въ Михайловскій молитвенный домъ 4 п. 10 ф., въ Гречининъ молитвенный домъ 2 п. 17 ф.; всего съ 1 января 1884 г. по 1 января 1885 г. отпущено 173 п. ½ ф.

СПИСОКЪ

пожертвованій на возобновленіе ризницы и украшеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.

Поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ: отъ прихожанъ слободы Сѣннаго Богодуховскаго уѣзда 2 руб.; отъ священника заштатнаго города Бѣлополя о. Максима Подлудскаго 3 р.; отъ Харьковскаго купца Ивана Семеновича Петрова 100 руб.; отъ Харьковскаго купца Федора Андреевича Бѣляева 200 р.; отъ священника слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, о. Сумеона Стеллецкаго 2 руб. Итого 307 руб.; всего съ прежде поступившими 1537 р. 74 коп.

Вышеименованнымъ уважаемымъ жертвователямъ правленіе Харьковской духовной семинаріи выражаетъ сердечную благодарность.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Одобреніе Св. Синодомъ „Отвѣта въ защиту Анти-энциклики“.—Прш-
лое церковно-приходской школы на западѣ.—Отношеніе высшаго церковнаго пра-
вительства къ пуждамъ церковно-приходской школы.—Современныя релігіозныя
потребности.—Статистическія свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ.—Число штунди-
стовъ въ южныхъ губерніяхъ.—Отношеніе православныхъ къ штундистамъ.—По
поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меодія.—Русскія церкви за гра-
ницей.—Новый попечитель Харьковскаго учебнаго округа.—Новый городской го-
лова въ Харьковѣ.—Предпринимаемая въ Харьковѣ противъ появленія холеры
мѣры.—Новый способъ истребленія жука кузки.—Вниманію сельскихъ хозяевъ.—
Воззваніе Православнаго Палестинскаго Общ.ства.—Некрологъ.—Уставъ общества
для распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Тиражъ билетовъ 1-го государствен-
наго съ выигрышами займа.

Въ началѣ „Листка“ этого № мы напечатали опредѣленіе Свя-
тѣйшаго Синода, отъ 20-го ноября—3-го декабря истекшаго 1884 г.,
о пріобрѣтеніи правленіями духовныхъ семинарій для своихъ фун-
даментальныхъ и ученическихъ библіотекъ вышедшаго въ началѣ
прошлаго года, въ Харьковѣ, сочиненія подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ
автора Анти-энциклики“ на послѣдовавшее противу нея со сторо-
ны католичества возраженіе, какъ поступлено было и съ первона-
чальнымъ сочиненіемъ, „Анти-энцикликой“.

Не довольствуясь такою рекомендаціею, Святѣйшій Синодъ, какъ
намъ извѣстно, истребовалъ „Отвѣтъ“, какъ въ свое время и „Анти-
энциклику“, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки
въ тѣ мѣста, въ которыхъ распространеніе изданій, представляю-
щихъ католичество и дѣйствія папъ въ истинномъ свѣтѣ, можетъ
быть наиболѣе полезнымъ. Послѣ таковой лестной для автора оцѣн-
ки его трудовъ высшею правительственною властію русской Церкви
наше личное сужденіе о несомнѣнныхъ и высокнхъ достоинствахъ
„Отвѣта“ профессора Платонова было бы излишне и отчасти не-
удобно, потому что „Отвѣтъ“ его католичеству, какъ и „Анти-
энциклика“ появились въ первый разъ въ печати въ „Харьков-
скихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, мѣсто которыхъ занимаетъ
теперь журналъ „Вѣра и Разумъ“. Но мы считаемъ своимъ
долгомъ выразить желаніе и покорнѣйшую просьбу автору, что-
бы за истребованіемъ Св. Синодомъ всей наличности экzemпля-
ровъ „Отвѣта“, онъ, въ интересахъ православія, озаботился изго-
товить новое изданіе, къ празднованію памяти свв. первоучителей
славянскихъ, когда католики, судя по приготовленіямъ, дѣлае-
мымъ ими подъ вліяніемъ злобствующихъ на Россію поляковъ, имѣя
во главѣ Штрессмайера,—думаютъ нанести рѣшительный ударъ
православію и отвоевать отъ него свв. Кирилла и Меодія, какъ

сдѣлавшихся теперь для ихъ цѣлей очень пригодными. Надѣемся, что наше желаніе раздѣляютъ всѣ читавшіе „Анти-энциклику“ и „Отвѣтъ“.

— Его преосвященство, преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій и Ахтырскій, получилъ отъ Православнаго Палестинскаго Общества слѣдующаго содержанія письмо: „Произведенныя, по распоряженію Августѣйшаго предсѣдателя Православнаго Палестинскаго Общества, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, археологическія раскопки на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія Господня въ Иерусалимѣ, привели, между прочимъ, къ открытію порога современныхъ земной жизни Спасителя древнихъ еврейскихъ воротъ, чрезъ которыя, какъ ближайшія къ Голговъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть за грѣхи рода человѣческаго.

Дабы защитить сіе священное мѣсто, скрывавшееся доселѣ подъ вѣковымъ слоемъ мусора отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ и сдѣлать оное доступнымъ для чествованія христіанскихъ поклонниковъ, Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества, съ утвержденія Августѣйшаго предсѣдателя своего, постановилъ: возвести на этомъ мѣстѣ особое сооруженіе, призвавъ къ пожертвованіямъ на сей предметъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ людей, которымъ дороги мѣста, освященныя жизнію и страданіями Христа Спасителя“.

Прилагая 400 экземпляровъ печатнаго возванія къ благочестивымъ православнымъ христіанамъ, авторъ письма проситъ отъ имени Совѣта Общества распространить оное по вѣренной Его Преосвященству епархіи.

Вотъ подлинный текстъ самаго возванія:

Православнаго Палестинскаго Общества

В О З В А Н І Е.

Близъ храма Воскресенія Господня въ Иерусалимѣ принадлежитъ Россіи мѣсто, которое до послѣдняго времени оставалось пустыремъ, покрытымъ вѣковымъ мусоромъ.

Православное Палестинское Общество, по мысли и предложенію своего Августѣйшаго предсѣдателя Государя Великаго Князя Сергія Александровича, предприняло, на пожертвованія Его Императорскимъ Высочествомъ средства, раскопки на этомъ мѣстѣ, съ двойною цѣлью: разъяснить планъ воздвигнутыхъ Равноапостоль-

нымъ Императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Господа нашего Иисуса Христа и отысканіемъ на правленія старой городской стѣны Иерусалима — подтвердить подлинность чествуемой всѣмъ христіанскимъ міромъ пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Богочеловѣку.

Совершенныя Обществомъ раскопки увѣнчались, по благословенію свыше, успѣхомъ, превзошедшимъ надежды и ожиданія. По очищеніи мѣста до природной скалы отъ лежавшаго на немъ слоя вѣковаго мусора, найдены остатки древнихъ городскихъ стѣнъ Иерусалима и порогъ воротъ, ведущихъ за городъ во время земной жизни Спасителя. Такъ какъ ворота сіи ближайшія къ Голгоѣ, то съ несомнѣнною достовѣрностью можно сказать, что чрезъ нихъ проходила конечная часть крестнаго пути, по которому Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть.

Въ настоящее время, когда Промыслу Божию угодно было открыть для чествованія христолюбивыхъ поклонниковъ стезю, по которой шествовалъ Спаситель на крестную смерть за грѣхи рода человѣческаго, на Православномъ Палестинскомъ Обществѣ лежитъ священная обязанность защитить сіе мѣсто особымъ сооруженіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ.

Въ виду этой цѣли Православное Палестинское Общество приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ людей, которымъ дороги мѣста, освященныя земною жизнью и страданіями Христа Спасителя, придти Обществу на помощь своими пожертвованіями, да вновь не заустѣетъ мѣсто свято.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества:

чрезъ мѣстное епархіальное начальство;

или прямо въ Совѣтъ Общества въ С.-Петербургѣ: чрезъ Контору Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Собственный Его Высочества дворецъ, и на имя казначея Общества Сергія Дмитріевича Лермонтова, Манежнй переулокъ, 7.

Жертвователи могутъ пересылать свои приношенія и чрезъ уполномоченныхъ Общества:

въ Москвѣ—Священника Гаврііла Григорьевича Срѣтенскаго, Большая Никитская; въ домѣ церкви Малаго Вознесенія, и Андрея Николаевича Лѣнцова, Пятницкой части, Лужниковскій пер., въ своемъ домѣ;

въ Троице-Сергіевой Лаврѣ—о. Агапѣта, въ Новой гостинницѣ;

въ Кіевѣ—Протоіерея Ілью Тихоновича Экземплярскаго, Фунду-
клеевская улица, въ Коллегіи Галагана, протоіерея Петра Гаври-
ловича Лебединцева, въ домѣ Софійскаго собора, и о. іеромонаха
Александра, въ Лаврской гостинницѣ;

въ Одессѣ—протоіерея Александра Николаевича Кудрявцева, въ
университетѣ, и Михаила Ивановича Осипова, Воронцовскій пер.,
въ домѣ Бодаревскаго;

въ Воронежѣ—ризничаго Митрофаніева монастыря, о. іеромонаха
Платона;

въ Перми—Дмитрія Дмитріевича Смышляева;

въ Казани—Николая Васильевича Саврасова, Черноозерская ул.,
въ домѣ Куракиныхъ;

въ Полоцкѣ—Петра Михайловича Казначеева, и

въ Читѣ—Ивана Васильевича Махова.

— Въ „Моск. Церк. Вѣд.“ помѣщенъ рядъ весьма замѣчатель-
ныхъ статей о прошломъ церковно-приходской школы на Западѣ.
Поучительна исторія западной церковно-приходской школы. Като-
личество мало обращало вниманія на образованіе народа; оно за-
нято было высшими и низшими школами. Протестанство съ само-
го-же начала рѣшилось отдать образованіе народа въ руки духо-
венства; но пасторы не смогли по разнымъ причинамъ удержать
въ своихъ рукахъ народныя школы. Цѣлыхъ два вѣка протестант-
ское духовенство вело борьбу съ непріязненными ему направленіями
воспитанія и, наконецъ, было побѣждено: въ 1872 году въ Пруссіи,
по предложенію князя Бисмарка, принятъ законъ, по которому над-
зоръ за дѣломъ воспитанія и образованія оставленъ исключительно
за государствомъ. Піэтисты XVII и XVIII в. и послѣдующіе пе-
дагоги—Раттихъ, Ам. Коменскій, Руссо, Базедовъ, Песталоцци и
Дистервергъ побѣдили пасторовъ...

Побѣда этихъ свѣтскихъ педагоговъ Запада не дешево обоилась
и намъ русскимъ.

Печальная исторія церковно-приходской школы на Западѣ оста-
вила и у насъ довольно видныя слѣды. Разрывъ школы съ Церко-
вію совершался именно въ эти послѣдніе два вѣка, когда мы съ
такою жадностію старались перенимать у Запада все—и доброе и
худое; и не было ни одной новости въ педагогіи, ни одного дви-
женія въ дѣлѣ разрыва школы съ Церковію на западѣ, которыя-бы
такъ или иначе не отразились у насъ.

Не будемъ упрекать свѣтскихъ людей. Мы, духовные, сами иног-
да были забиваемы современными идеями о воспитаніи и на раз-

ные лады, сами того не сознавая, повторяли рѣчи тѣхъ, кто шелъ на Западъ противъ вѣры и Церкви.

Кто не видалъ этихъ попытокъ переверотить священную исторію съ задъ на передъ, съ нарушеніемъ глубоко педагогической постепенности откровеннаго ученія? Кто не возмущался этими часто грубыми, еще чаще жалости подобными картинками, испещряющими нѣкоторыя изъ книжекъ священной исторіи? Кому неизвѣстно это самоизвольное, часто дерзкое хозяйничанье въ размѣщеніи свящ. рассказовъ, заповѣдей, молитвъ не такъ, какъ они изложены въ Библии и даны свыше, а какъ представится какой-либо досузей фантазін:—эта утомительнѣйшая катихизація самыхъ простыхъ и доступныхъ пониманію дѣтей истинъ, которая такъ запутываетъ ее въ лабиринтѣ разныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, что даже взрослому человѣку нѣтъ возможности ее замѣтить и усвоить? Всему этому можно было-бы подвести цитаты: это взято изъ Базедова, это изъ Песталоцци, это сказано у Амоса Коменскаго, а это у Динтера или Дистервега, но все это представлено въ видѣ утрированномъ и искаженномъ. Не смотря однако-жъ на то, что мы и сами такъ податливы были къ педагогическимъ идеямъ Запада, на насъ отсюда вѣяли всѣ противныя вѣтры: все, что ни натворили тамъ наши собратія въ католичествѣ и протестантствѣ, все это безъ дальнихъ околичностей усвоилось намъ. Мы вдругъ оказались и клерикалами, и педантами, и сыщиками и рутинерами. Въ Германіи учителя, вышедшіе изъ учительскихъ семинарій, воевали по части законоученія сперва съ звонарями и кистерами, а потомъ уже и съ пасторами.

Авторъ выражаетъ между прочимъ мнѣніе о томъ, что изгнаніе часослова и Псалтири совершилось у насъ подъ вліяніемъ западно-протестантскаго пренебреженія къ ветхозавѣтному откровенію, а методъ утомительныхъ вопросовъ вошелъ къ намъ чисто путемъ подражанія нѣмецкимъ педагогамъ, принужденнымъ, вслѣдствіе тупости мальчиковъ нѣмецкихъ поселянъ, „ухищряться въ изобрѣтеніи разныхъ способовъ объяснить мальчику-нѣмцу то, что рускій пойметъ сразу“, и что, слѣдовательно, у насъ не требуетъ такой сложной системы объясненій.

Тотъ-же авторъ приводитъ одинъ замѣчательный фактъ изъ конца XVIII в. Въ Тулѣ, по случаю открытія городского училища, губернская власть нашла нужнымъ, въ видахъ его процвѣтанія, воспретить всѣмъ священно-церковно-служителямъ этого города имѣть въ своихъ домахъ школы, и Коломенская духовная консисторія послала въ Тульское духовное правленіе указъ „о немнѣніи

духовнымъ лицамъ отнынѣ въ домахъ своихъ школъ и, подѣ неопустительнымъ въ противномъ случаѣ штрафомъ, обязать ихъ наипрѣчайшими подписками“.

— Время слѣпаго подражанія Западу въ дѣлѣ педагогич., повидимому, кончается и церковная и гражданская власть соединяются вмѣстѣ, чтобы поставить дѣло народнаго образованія такъ, чтобы вышло изъ него одно доброе для Церкви и государства. Правда, замѣчаютъ „Моск. Вѣд.“, — „школу устроить не такъ просто, какъ кабакъ открыть“.

Легко было уронить и разрушить школу, но устроить вновь — дѣло трудное. Въ теченіе тринадцати лѣтъ отъ 1865 по 1878 годъ, вслѣдствіе борьбы съ измышленнымъ „клерикализмомъ“, число церковно-приходскихъ школъ упало съ 21,420 до 4,680. И такой-то разгромъ народной школы выдавался за „реформу“ школьнаго дѣла. Легко сказать: *двадцать одна тысяча школъ!* Скоро-ли вновь откроешь ихъ и устроишь!

Почтенная газета однако не теряетъ надежды на возстановленіе церковно-приходскихъ школъ. Изъ 85,000 чел. духовенства (45,000 священнослужителей и 40,000 причетниковъ) она находитъ возможнымъ признать годными для народнаго школьнаго учительства по-крайней мѣрѣ 40,000 (30,000 изъ числа священнослужителей и 10,000 изъ числа причетниковъ). При этомъ газета полагаетъ, что теперь-же можно было бы открыть до 40,000 церковно-приходскихъ школъ, подѣ наблюдениемъ священниковъ съ учителями изъ діаконствъ и причетниковъ. Въ особенности ратуютъ „Моск. Вѣд.“ за возстановленіе съ этою цѣлю діаконствъ, о чемъ онѣ выражали свое мнѣніе еще въ 1882 г.

Какъ для самаго открытія церковно-приходскихъ школъ, такъ и для успѣшнаго веденія въ нихъ дѣла необходимо *единеніе* между нашими многоразличными вѣдомствами. Еслибы все представители государственной и церковной власти дѣйствовали энергически и дружно, можно-бы теперь же открыть до 40,000 церковно-приходскихъ школъ. Въ учителяхъ способныхъ и „засвидѣтельствованныхъ“ недостатка не было-бы.

Для правильной постановки обученія дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ необходимо выдѣлить изъ причта опредѣленное лицо, которое, принадлежа къ церковному причту, въ то-же время не было-бы связано всеми случайностями церковныхъ требъ. Такое лицо — діаконъ.

Въ нѣкоторыхъ малочисленныхъ и бѣдныхъ приходсахъ окажется

недостатокъ средствъ на содержаніе діакона. Но почему-же къ такимъ приходамъ не придти на помощь цѣлой епархіи и самому государству? Церковно-приходскія школы имѣютъ не церковное только, но и государственное значеніе. Вмѣсто того, чтобъ учредить во множествѣ учительскія семинаріи, не лучше ли обратить расточаемыя на это средства на содержаніе діаконовъ, которые со своимъ священнымъ званіемъ соединяли-бы обязанности постоянного учителя народной школы?

Разсуждая о причетникахъ, какъ (вмѣстѣ съ діаконами) учителяхъ церковно-приходскихъ школъ, газета съ большою похвалою отзывается о воспитанникахъ духовныхъ семинарій (особенно прежнихъ), какъ людяхъ прекрасно подготовленныхъ ко всякому дѣлу, которое они, „прямо съ семинарской скамьи, начинали вести такъ, какъ будто именно къ этому дѣлу специально готовились многіе годы“. Правда, „воспитанники нынѣшнихъ духовныхъ семинарій различными реформами разслаблены и *унижены*; во многомъ опередили ихъ гимназисты, не принимаютъ семинаристовъ безъ экзамена и въ университетъ. Тѣмъ не менѣе они все-же стоятъ несравненно выше воспитанниковъ такъ называемыхъ учительскихъ семинарій“. Духовный семинаристъ „владѣетъ образованіемъ безспорно превосходящимъ все, чего можетъ потребовать народное обученіе“.

Нельзя не поблагодарить достопочтенную газету за доброе слово о нашихъ духовныхъ семинаристахъ. Тѣмъ пріятнѣе было прочитать въ ней вышеприведенныя строки, особенно тѣ, которыя касаются „униженія“ духовныхъ воспитанниковъ предъ гимназистами, что мы досель причисляли „Моск. Вѣд.“ къ числу сочувствующихъ этому „униженію“.

— Весьма утѣшительно запести на страницы нашей лѣтописи слѣдующій сообщенный намъ фактъ, показывающій, какъ наше высшее церковное правительство относится къ нуждамъ церковно-приходскихъ школъ. Намъ пишутъ, что „по ходатайству высокопреосвященнѣйшаго митрополита Пендора, Св. Синодомъ, въ видахъ воспособленія благоуспѣшному развитію открываемыхъ духовенствомъ С.-Петербургской епархіи школъ въ православно-церковномъ направленіи, разрѣшено отпустить совѣту с.-петербургскаго братства во имя Пресвятыя Богородицы (онъ же и епархіальный училищный совѣтъ) 4,250 рублей на устройство вновь открываемыхъ школъ и поддержаніе существующихъ домашнихъ школъ грамотности. Епархіальный училищный совѣтъ, согласно заявле-

ніямъ сельскихъ приходскихъ священниковъ, постановилъ и его высокопреосвященство утвердилъ — открыть церковно - приходскія школы въ слѣдующихъ 30 приходсахъ, въ которыхъ не было школъ: *Турецкаго уѣзда*: хрѣдинскомъ, заклинскомъ, островскомъ, крицкомъ, лубинскомъ и смѣшинскомъ; *Новоладожскаго уѣзда*: черенцовскомъ, шолтоловскомъ, заболотскомъ и хотовскомъ; *Гдовскаго*: музовѣрскомъ, каменскомъ, выскатскомъ, ктинскомъ, низовскомъ, рельскомъ, гвозднинскомъ, скамейскомъ, ложголовскомъ, пятницкомъ, модскомъ, руднинскомъ, споренскомъ и лосицкомъ; *Амбургскаго*: новопятницкомъ, рѣдкинскомъ, коложицкомъ и кракольскомъ; *Царскосельскаго*: поволисинскомъ, и *Шлиссельбургскаго*: назійскомъ. Въ облегченіе труда духовенства по пріобрѣтенію учебниковъ и учебныхъ принадлежностей, епархіальный училищный совѣтъ во всѣ вновь открываемыя школы теперь же разсылаетъ, въ счетъ назначеннаго пособія, всѣ необходимыя на первое время учебники, учебныя принадлежности и разныя книги и брошюры религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія. Для доставленія же грамотному населенію приходствъ С.-Петербургской епархіи возможности легчайшаго пріобрѣтенія книгъ и брошюръ для чтенія Совѣтъ братства во имя Пресвятыя Богородицы, имѣя собственный складъ книгъ (при вратахъ Александро-Невской лавры), открываетъ частныя склады при приходскихъ церквахъ, по желанію настоятелей оныхъ. Такіе склады будутъ открыты къ новому году при 20 сельскихъ церквахъ С.-Петербургской епархіи. Было-бы желательнѣе открытіе такихъ складовъ въ возможно большемъ количествѣ и не при сельскихъ только, но и при городскихъ и столичныхъ церквахъ, гдѣ всегда много бываетъ усердныхъ богомольцевъ изъ простаго народа.

— Въ отношеніи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода епархіальнымъ преосвященнымъ по случаю разсылки для соображенія преосвященныхъ и на обсужденіе епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ „Занески объ образцовыхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ“, слѣдующимъ образомъ опредѣлены современныя религіозныя потребности: „просвѣщеніе народа въ неразрывной связи съ Церковью богослуженіемъ и нѣніемъ получаетъ нынѣ особливо важное значеніе въ виду возникающаго среди неграмотнаго населенія религіознаго броженія умовъ, вызваннаго распространеніемъ отрѣщенной отъ Церкви грамотности и ведущаго, между прочимъ, къ образованію штунды и подобныхъ ей ученій... Религіозное просвѣщеніе народа не ограничивается одною школою, хотя-бы и церковною, но усиливается и распространяется путемъ различныхъ мѣропріятій,

изъ которыхъ самыя важныя: виѣбогослужебныя собесѣдованія пастырей съ народомъ, народныя чтенія и распространеніе духовенствомъ среди грамотныхъ прихожанъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія“.

— Въ газетѣ „Эхо“ сообщаются слѣдующія статистическія свѣдѣнія о начальныхъ училищахъ. Въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи насчитывается народныхъ (сельскихъ) училищъ разныхъ наименованій и курсовъ всѣхъ вѣдомствъ, учреждений, обществъ и частныхъ лицъ 22,770, съ 1.140,917 учащимися обоего пола (мальчиковъ 904,918 и дѣвочекъ 235,997) и 36,955 учащими (законоучителей 12,466, учителей 19,511 и учительницъ 4,878). По роду учащихя училища распредѣляются въ учебныхъ округахъ слѣдующимъ образомъ.

Учебные округа.	Общ. чис. училищъ.	% училищъ об. пола	для мал. дѣв.	для дѣв.
С.-Петербургскій	1.598	83.7	13.5	2.8
Московскій	3.919	76.1	21.5	2.8
Харьковскій	2.219	78.4	19.3	2.4
Кіевскій	3.635	71.2	28.5	0.3
Одесскій	1.365	79.3	17.4	3.3
Казанскій.	2.535	67.0	28.0	5.0
Оренбургскій	1.268	41.0	43.8	15.2
Виленскій	1.514	62.9	35.4	1.7
Дерптскій	2.460	96.3	2.9	0.3
Варшавскій	2.287	95.2	4.3	0.4
По 60 губерніямъ.	22.770	77	21	2

Что касается средствъ, расходуемыхъ въ годъ на содержаніе вышеуказанныхъ училищъ, то въ общей суммѣ 6.158,155 руб., главнымъ участникомъ является уѣздное земство—44% всего расхода по 59 губерніямъ, и сельскимъ обществамъ—34%. Государственное казначейство участвуетъ въ содержаніи училищъ 12%, частныя-же лица 6%.

— Штундизмъ, какъ сообщаетъ „Одесскій Листокъ“, наиболѣе распространенъ въ Кіевской губерніи. Въ Кіевской губерніи штундистовъ, открыто исповѣдующихъ это ученіе, насчитывается 24,700 человекъ; въ Херсонской-же губерніи, гдѣ Рябошапка и другіе „апостолы“ открыто исповѣдали свое ученіе, ихъ всего около 9,000 человекъ, въ Бессарабской губерніи 7,500; въ Екатеринославской до 4,000, меньше-же всего въ Таврической губ., гдѣ ихъ насчитывается около 1,000 человекъ.

— Въ предложеніи преосвященнаго Никанора, епископа Херсонскаго, между прочимъ, сообщается слѣдующее. „При входѣ нашемъ въ селенія штундисты встрѣчали насъ, стоя вдали отъ церквей и

народа отдѣльными группами; иногда ставили отдѣльною группою штундисты, отдѣльною—молokane. Доброю-ли волею они выходили или ихъ вызывали, этого я не разобралъ. То вѣрно, что народъ православный въ нѣсколькихъ мѣстахъ просилъ моей защиты отъ штунды... Несомнѣнно, что православные жаждутъ найти гдѣ-либо и въ комъ-либо опору противъ штундизма, какъ противъ язвы, какъ на Руси противъ кабаковъ. Народъ видитъ еще въ архіереѣ начальство, которое сильно разгромить штунду. Ко мнѣ за этимъ обращались во многихъ мѣстахъ: „что намъ съ ними дѣлать, со штундою? Больно смущаютъ насъ, а начальство не помогаетъ“. Не находя опоры и защиты въ начальствѣ, народъ пробовалъ прибѣгать къ старозавѣтному, старорусскому средству самоличной защиты и расправы,—къ кулаку, къ розгѣ... Въ одномъ селѣ по выходѣ изъ церкви, человекъ съ виду совсѣмъ русскій падаетъ мнѣ въ ноги и начинаетъ горько жаловаться на вымогательство мѣстнаго священника. Но народъ заговорилъ многими голосами: не слушайте его, онъ раскольникъ; онъ всѣ иконы повыкидалъ изъ своего дома, постовъ не соблюдаетъ. Это не единичный примѣръ, что штундисты, склонные къ отпаденію, поднимаютъ жалобы противъ духовенства“.

— Въ ветхомъ Римѣ, у подножія Целійскаго холма, стоитъ старая церковь св. Климента. Сравнительно недавно вспомнили, что эта церковь стоитъ на развалинахъ другой, разрушенной въ XI в. И когда раскопали эту еще болѣе древнюю церковь, въ ней оказались фрески, изображающія дѣлнія апостоловъ славянства, а подъ фресками кирпичный выступъ, который, по преданію, сбозначаетъ мѣсто погребенія честнаго тѣла св. Кирилла. Заброшено и не нужно было въ Римѣ это мѣсто; понадобилось оно тогда лишь, когда въ 1881 году появились въ Ватиканѣ славянскіе пилигримы; тогда и звуки славянской литургіи огласили собою стѣны стараго храма. Понадобится оно и теперь, когда близится новая тысячелѣтняя годовщина, когда снова воспоминаютъ разрозненные славяне свое древнее племенное единство. Грустно и больно думать, что на торжество этого воспоминанія нигдѣ не соберутся представители всѣхъ племенъ, чтобы славить его „единымъ сердцемъ и едиными устами“, что вражда племенная не забыта, что непреоборимыя, по видимости, препятствія лежатъ на пути духовнаго единенія славянскихъ племенъ, что теперь, еще только готовясь къ торжеству, мы уже знаемъ, что не въ одно мѣсто собираются представители славянства: не могутъ собраться они ни въ Велеградѣ, мѣстѣ проповѣди св. Меодія, на Нитрѣ, которая „всѣмъ славянамъ ма-

ти“, ни въ Римѣ, у скромной усыпальницы св. Кирилла; ни въ старомъ Кіевѣ, ни въ златоглавой Москвѣ, ни въ городѣ Петра Великаго, а соберутся въ разныхъ мѣстахъ, соберутся съ чувствами, увы, далеко несходными, съ возрѣніями часто противоположными до послѣдней крайности. Грустно это и больно, повторяю опять, но за этимъ тяжелымъ чувствомъ, котораго не можетъ не ощущать ни одно истинно славянское сердце, проникнутое любимымъ нашими предками стихомъ всамопѣвца: „се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупѣ“, — за этимъ тяжелымъ чувствомъ — встаетъ въ душѣ и другое, отрадное: при всѣхъ разнородныхъ, недружелюбныхъ и съ виду какъ-бы непримиримыхъ между собою заявленіяхъ слышатся одни имена, имена великихъ просвѣтителей славянства, имена такъ долго остававшіяся почти въ полномъ забвеніи въ цѣлой половинѣ славянскаго міра, да рѣдко поминавшіяся и въ другой, жившей однако ихъ дѣломъ и оставшейся вѣрно ихъ преданію, т. е. сохранившей по крайней мѣрѣ ихъ языкъ. Снова громко слышатся эти имена, имена, напоминающія единство славянскаго племени, то единство, которое казалось уже навсегда потопленнымъ волнами европейской цивилизаціи. Вотъ почему не съ отчаяніемъ смотритъ тотъ, въ комъ живо славянское чувство, на эти разнообразныя чествованія памяти святыхъ первоучителей, а напротивъ съ надеждою. Пусть по всѣмъ самымъ отдаленнымъ угламъ славянскаго міра проносятся эти имена. Пусть повсюду привыкаютъ соединять съ ними мысль, что ихъ посредствомъ совершилось приобщеніе славянства къ высшему благу — къ познанію истинъ христіанскихъ, что это благо даровано было нашему племени въ формѣ, доступной всѣмъ и каждому, на родномъ его языкѣ. Какъ-бы ни смотрѣли разнѣ въ разныхъ мѣстахъ славянства на дѣло св. первоучителей, но всѣ должны сознаться въ томъ, что языкъ, на которомъ они писали, есть старшій братъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Изученіе этого языка, нынѣ распространяемое повсюду, есть самое могущественное орудіе славянскаго единенія.

Два высшія блага народа соединились здѣсь въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, въ одномъ и томъ-же дѣлѣ: истина Христова просвѣтила души и доступна стала всѣмъ, а не однимъ ученымъ и образованнымъ. — Этотъ великій подвигъ святыхъ первоучителей не можетъ быть скрытъ отъ міра, — и тамъ, въ католическомъ храмѣ, гдѣ слова богослуженія произносятся всегда и искони на языкѣ латинскомъ, — языкѣ, чуждомъ для большинства народовъ, — слышались славянскіе звуки. Одинъ искренній славянскій патриотъ,

хотя, къ сожалѣнію, и свободномыслящій, какъ нынѣ говорятъ, въ дѣлѣ вѣры, признался мнѣ, что услышавъ въ церкви св. Климента славянскій возгласъ священника: „со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“, почувствовалъ особое умиленіе и сильное желаніе приобщиться вмѣстѣ съ другими. Да, въ языкѣ Кирилла и Меѳодія есть особая сила, которой суждено нравственно и духовно связать славянство и привести его къ высшему единству, единству правды и любви,—единству, которое одно только и желательно. Западъ вѣритъ въ то, что у насъ *здѣсь* человѣческія пожеланія:—желаніе власти надъ другими племенами, желаніе употребить ихъ орудіемъ для міродержавнаго владычества въ томъ духѣ, который такъ свойственъ Западу, въ духѣ всемірныхъ монархій, ибо въ иномъ духѣ наслѣдники языческаго Рима и не могутъ представлять себѣ племеннаго единенія. Но не къ владычеству „огнемъ и желѣзомъ“ должны направиться мысли и пожеланія истинныхъ друзей славянства. Да ляжетъ въ основу нашихъ пожеланій святое дѣло Кирилла и Меѳодія, да проникнемся мы ихъ духомъ, да устремимся всѣми нашими силами къ тому, чтобы въ жизни нашей водворилась истина Христова въ томъ духѣ, который проповѣдывали всей своей дѣятельностью наши св. первоучители. Не будемъ смущаться существующею рознью, ибо должны-же мы вѣрить тому, что языкъ Кирилла и Меѳодія объединяетъ славянство, а еще болѣе тому, что не даромъ-же совершился ихъ подвигъ, не даромъ громко вспоминаются ихъ имена,—нужды нѣтъ, что иногда вспоминаются не такъ, какъ-бы мы хотѣли. Не будемъ этимъ смущаться, не будемъ тревожиться тѣмъ, что не вездѣ одинаково вспоминаются эти имена, что не каждый изъ насъ можетъ принять участіе въ каждомъ изъ совершающихся празднествъ, будемъ готовить торжество по своему и укрупнимъ въ себѣ самихъ и въ присылахъ нашихъ и во всемъ народѣ память первыхъ святыхъ представителей славянскаго единства. Не весь славянскій міръ соединяется съ нами въ сознаніи ихъ дѣла, но мы твердо должны вѣрить въ то, что наше сознаніе правое, и какъ-бы враждебныя силы ни отвлекали насъ отъ этого сознанія, мы должны стоять на немъ крѣпко, а крѣпкое стояніе въ концѣ концовъ должно одолѣть. Позволяю себѣ повторить здѣсь, что я сказалъ семь лѣтъ тому назадъ: „Заря новой исторической эры занимается, предразсвѣтный туманъ еще покрываетъ землю, работницы выходятъ въ поле, до полудня далеко; ждуть ихъ, быть можетъ, и грозы и дожди, а быть можетъ и градобитія; но мы вѣримъ, что какъ грозы минувшаго не только не

повредили Русской землѣ, но еще послужили ей въ пользу, такъ и въ будущемъ послѣ каждой грозы славянство будетъ вставать еще могущественнѣе и сильнѣе. Не даромъ одинъ изъ самыхъ вѣщихъ поэтовъ славянства сказалъ:

„Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой,—
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской“.

Пойдемъ-же каждый на свое дѣло: каждому въ этомъ дѣлѣ есть своя доля, какъ-бы скромень удѣлъ его ни былъ. Да будутъ только въ этой дѣятельности постоянно предъ умственнымъ взоромъ нашимъ высокія слова тропаря изъ службы св. Кириллу и Меѳодію: „Яко апостоловъ единокровнии и Словенской страны оучителие, Кирилле и Меѳодіе богомудрии, Владыку всѣхъ молите, вся языки Словенскіе оутверждити въ православіи и единомысліи, оумирити міръ, и спасти души наши“ *).

— Въ корреспонденціяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ сообщено нѣсколько свѣдѣній о нашихъ русскихъ церквахъ за-границей.

Парижскій корреспондентъ пишетъ: „Каждое воскресенье въ нашу русскую церковь, въ улицѣ Дарю, собирается много любителей хорошаго хороваго пѣнія, привлекающаго туда даже иностранцевъ. И точно, наши пѣвчіе поютъ превосходно. Извѣстно, что хоръ этотъ, составленный исключительно изъ французовъ, сформированъ былъ княземъ Юріемъ Голицынымъ, который бывало самъ каждый праздникъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ дирижировалъ имъ на клиросѣ. Со смертію Юрія Голицына, пѣвческій хоръ принялъ на свое попеченіе извѣстный московскій купецъ М. С. Мазуринъ, выбранный старостой нашей парижской церкви. По смерти его, хоръ совсѣмъ было разстроился, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ капеллы при нашей церкви здѣсь совсѣмъ не было. Наконецъ, другой братъ Мазурина, Н. С., тоже москвичъ, предложилъ 30 тысячъ франковъ на содержаніе хора, и чудное церковное пѣніе снова стало слушаться при богослуженіяхъ нашей православной церкви. Русскіе, постоянно живущіе здѣсь, приносятъ радѣтелю церковнаго благолѣнія каждый разъ сердечное спасибо“.

Другой корреспондентъ, изъ Ниццы, слѣдующимъ образомъ описываетъ свои впечатлѣнія при посѣщеніи мѣстной русской церкви.

*) Гдѣсь, читанная въ общемъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества 16 ноября профессоромъ К. Н. Вестужевымъ-Рюминимъ. См. „Извѣстія Спб. Слав. Благотв. Общ.“ № 11.

Въ воскресный день онъ отправился къ обѣднѣ. Наемный экипажъ остановился предъ какимъ-то невзрачнымъ сѣрымъ домомъ. „Посмотрѣвъ на это неуклюжее зданіе, говоритъ онъ, я сперва подумалъ, что возница ошибся, но послѣдній самымъ категорическимъ образомъ заявилъ мнѣ, что другой православной церкви въ Ниццѣ нѣтъ. Отойдя шаговъ на двадцать отъ зданія, я замѣтилъ, что надъ нимъ возвышается какой-то приплюснутый куполь и что, слѣдовательно, предо мной дѣйствительно православная церковь. Когда я вошелъ, обѣдня уже началась, но молящихся было очень мало; вскорѣ, впрочемъ, они отали съѣзжаться въ значительномъ числѣ, и къ половинѣ обѣдни церковь была переполнена. Непріятно меня поразило то обстоятельство, что всѣ почти дамы были одѣты въ какіе-то уже черезчуръ пышные наряды, какъ будто онѣ собрались куда-нибудь на раутъ. Смотри на эти блестящіе уборы, я невольно задалъ себѣ вопросъ: чѣмъ объяснить бѣдность храма, гдѣ такъ много богатыхъ и даже очень богатыхъ прихожанъ? Съ грустію узнаю я впоследствии, что русскіе въ Ниццѣ относятся къ своей церкви въ высшей степени равнодушно. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, часть церкви (плохо выстроенная) угрожала паденіемъ, и явилась необходимость собрать нѣкоторую сумму денегъ для устранения опасности. Вопросъ было рѣшено предложить на обсужденіе всѣхъ прихожанъ, но въ назначенный для совѣщанія день въ условленное мѣсто никто изъ русскихъ не прибылъ и поэтому никакого совѣщанія не состоялось. Угрожаетъ-ли церковь и теперь паденіемъ или въ концѣ концовъ все-таки напились деньги для производства необходимыхъ работъ, я не знаю, но апатичное отношеніе русской колоніи къ дѣламъ, касающимся церкви, остается фактомъ. Это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что другіе иностранцы, проводящіе зиму на Ривіерѣ, несутъ о своихъ храмахъ съ удивительнымъ, достойнымъ подражанія рвеніемъ. Для примѣра укажу на англичанъ, воздвигшихъ въ одномъ Санъ-Ремо пять весьма изящныхъ церквей. Крайне непіятно также, что большинство посѣтительницъ русской церкви почему-то считаютъ необходимымъ въ продолженіе обѣдни, нисколько не стѣсняясь, довольно громко перекидываться французскими фразами, которыя мѣшаютъ другимъ молиться и положительно неумѣстны въ храмѣ. На меня лично этотъ французскій говоръ въ церкви произвелъ такое непіятное впечатлѣніе, что я предпочелъ удалиться, не дождавшись конца обѣдни“.

— Помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Ворон-

цовъ-Вельяминовъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа.

— 3-го января г. министромъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ избранный харьковскою думою кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета И. О. Фесенко въ должность Харьковскаго городского головы вмѣсто умершаго палатнаго совѣтника Ковалева.

— По распоряженію г. начальника губерніи при врачебномъ отдѣленіи губернскаго правленія назначено было совѣщательное присутствіе для обсужденія вопроса о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты въ Харьковской губерніи въ виду угрожающей холерной эпидеміи. Присутствіе это, основываясь на исторіи прежнихъ холерныхъ эпидемій, пришло къ заключенію, что хотя по официальнымъ свѣдѣніямъ холера въ настоящее время въ Европѣ прекратилась, но обстоятельство это не даетъ еще права думать, что при благоприятныхъ для развитія холеры условіяхъ, въ особенности въ теченіи лѣтняго времени, она не будетъ занесена къ намъ, въ Россію, и потому признало необходимымъ заблаговременное принятіе мѣръ и заготовленіе средствъ для борьбы съ эпидеміей.

Согласно съ этимъ заключеніемъ совѣщательнаго присутствія врачебнаго отдѣленія, общее присутствіе губернскаго правленія по комитету общественнаго здравія въ засѣданіи 8 декабря, съ участіемъ гг. представителей губернскаго земства, городского общественнаго управленія, управленія желѣзныхъ дорогъ, нѣкоторыхъ профессоровъ медицинскаго факультета и врачей, постановило: учредить въ возможно непродолжительномъ времени губернской комитетъ для борьбы съ холерной эпидеміей, съ приглашеніемъ принять въ немъ участіе г. предводителя дворянства, представителей губернскаго земства, городского управленія, управленія желѣзныхъ дорогъ, военнаго и духовнаго вѣдомства, общества Краснаго Креста и врачей и при немъ, какъ совѣщательный его органъ, врачебную комиссію подъ предѣдательствомъ губернскаго врачебнаго инспектора.

Г. начальникъ губерніи обратился, между прочимъ, и въ харьковское городское управленіе съ предложеніемъ назначить отъ городского общества члена въ комитетъ и врача въ врачебную комиссію. Предложеніе это было доложено 4 января думѣ, которая поручила управѣ командировать члена управы и городского санитарнаго врача.

— Еще въ началѣ 40-хъ годовъ кузька нападалъ на злаки, но число его было незначительно: въ послѣдніе-же годы онъ сильно размножился, начиная обыкновенно свою истребительную дѣятель-

ность и зарождаясь большею частию на крестьянскихъ надѣлахъ. Со времени освобожденія крестьянъ, постоянно, вотъ уже 24 года, крестьяне, не давая отдыха землѣ, засѣваютъ свою землю. Она истощена, въ ней-то и гнѣздятся кузьки, гессенская муха и проч.

Обязательное удобреніе полей, по нашимъ практическимъ, а не по теоретическимъ понятіямъ (по твердому убѣжденію, что теорія не всегда сходится съ практикою), есть единственное средство для защиты хлѣбовъ отъ разныхъ насѣкомыхъ. Въ зимнее время крестьяне свободны, — трудъ вывозить на свои надѣлы навозъ со дворовъ, накопившійся десятками лѣтъ, не можетъ быть обременителемъ, а очень полезенъ въ гигиеническомъ отношеніи; но добровольно дѣлать это они ни за что не согласятся, не смотря ни на какіе доводы, а необходимо заставить обязательно, хотя понемногу, постепенно удобрять поля. На твердыхъ цѣлистыхъ поляхъ, кузька не зарождается; онѣ ищутъ мягкой земли и находятъ ее большею частию на крестьянскихъ надѣлахъ. Итакъ, обязательно вывозкою зимою удобренія на поля можетъ быть достигнута двойная цѣль: уменьшеніе вредныхъ насѣкомыхъ и увеличеніе урожая зерна. Современемъ, конечно, крестьяне оцѣнятъ эту мѣру. Колонисты Хортицкаго округа уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали удобрять поля и получаютъ отличные результаты.

Прогонять жука веревкою одновременно со всѣхъ полей невозможно и ни къ чему не ведетъ; собирать руками — много истончается хлѣба, а пресловутыя жуколовки, на которыя земства потратили столько денегъ, приносятъ еще большій вредъ, отрывая колосья и сбивая цвѣтъ. Новое придуманное средство очень простое и не мудрое. Оно не требуетъ большихъ затратъ, на него не испрашивается привилегій и каждый хозяинъ можетъ имъ легко пользоваться и защитить пшву свою отъ жука и всякихъ вредныхъ мухъ. Предлагаемое мною средство испытано въ прошломъ году съ блистательными результатами.

Кому изъ насъ не случалось, въ темныя майскія ночи, когда листокъ не шелохнется, заниматься, или читать книгу при лампѣ, или свѣчѣ у открытаго окна, или въ саду и замѣчать, какъ назойливо разные жучки и букашки летятъ къ свѣту и облѣпливаютъ свѣчу или лампу и, часто обжигаясь, падаютъ на книгу или бумагу. Вотъ это наблюденіе навело на мысль примѣнить въ наши темныя украинскія ночи, тихія и безвѣтренныя, свѣтъ лампъ, или даже просто плашекъ для приманки и истребленія жука-кузьки.

На лань, засѣянный хлѣбомъ, гдѣ уже во множествѣ появился

жуекъ, привозятъ днемъ перерѣзы (бочки пополамъ перерѣзанныя) или просто большія кадучки и становятъ штуки 4 или 6 на 10 десятинъ, стараясь по возможности окружить лань, гдѣ гнѣздятся жуки. Установивши на довольно далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго наливаютъ до половины водою. Потомъ на проволоку, по срединѣ кадучки, прикрѣпляютъ простую жестяную лампочку со стекломъ (иначе жуки скоро затушатъ огонь, набиваясь въ горѣлку). Цѣна лампочки со стекломъ, кажется, 30 коп., не болѣе. Наливъ керосиномъ, въ тихую ночь, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ, зажигаютъ всѣ лампочки или плошки; жукъ начинаетъ летѣть на свѣтъ и падаетъ въ воду, откуда уже не можетъ подняться. Непостижимая масса набирается въ перерѣзы не только кузьки, но и другихъ крылатыхъ подѣ лампы, и все это къ утру собирается въ мѣшки и уничтожается. На другую ночь ту-же операцію можно повторить съ другимъ десяткомъ десятинъ, и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что средство это примѣнимо только въ тихую ночь, притомъ-же огни въ лампахъ нельзя оставить безъ наблюденія по крайней мѣрѣ двухъ сторожей на 10 десятинъ. Кромѣ опасенія отъ огня и необходимости поправить лампу или плошку въ особенности, когда набившіеся въ нее жуки погасятъ, нужно лампы беречь и отъ двурукихъ любителей чужой собственности.

Благоговѣя предѣ ученою дѣятельностью нашихъ знаменитыхъ энтомологовъ, я все-таки рѣшаюсь повторить, что кабинетныя теоріи не должны мѣшать лучшему учителю въ хозяйствѣ—практикѣ. *А. Ликлишевскій.*

— „Русскому Курьеру“ сообщаютъ, что, въ виду развитія сорныхъ травъ въ нашихъ сельскихъ хозяйствахъ, г. Щепуновъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, произвелъ рядъ опытовъ и, между прочимъ, на одномъ полѣ, гдѣ въ изобиліи росъ чертополохъ, посѣялъ рѣпу. Въ результатъ послѣдняя вытѣснила не только чертополохъ и нѣкоторыя другія сорныя травы, но и совершенно истребила первый. По словамъ г. Щепунова, рѣпа убійственно дѣйствуетъ не только на молодой чертополохъ, но и на вполне развитые и старые экземпляры его, которые съ выростаніемъ рѣпы блекнутъ, становятся сѣрыми и, въ концѣ концовъ, совершенно высыхаютъ. Предстоящей весной г. Щепуновъ предполагаетъ сдѣлать рядъ опытовъ изгнанія сорныхъ травъ съ полей.

— Въ 9 часовъ утра 27 декабря минувшаго 1884 года, мирно почилъ отъ многолѣтнихъ трудовъ своихъ псаломщикъ, діаконъ Крестовоздвиженской церкви города Изюма Михаилъ Ивановичъ

Базилевичъ на 72-мъ году отъ рожденія. Онъ родился въ 1813 году сентября 30 дня въ слободѣ Гороховаткѣ, Купянскаго уѣзда, отъ священника Іоанна Базилевича, воспитывался въ бывшемъ Харьковскомъ коллегіумѣ и уволенъ изъ философскаго класса, по прошенію вслѣдствіе болѣзни, въ епархіальное вѣдомство 15 іюля 1836 года. По увольненіи преосвященнымъ Мелетіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, рукоположенъ въ санъ діакона къ названной церкви 13-го іюня 1837 года, при которой и служилъ безъ малаго псалвѣка. Въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей былъ всегда усерденъ и аккуратенъ. Въ 1869 году іюля 26-го покойнымъ преосвященнымъ Нектаріемъ ему преподано архіепастырское благословеніе „за его долговременную, усердную и аккуратную службу при очень хорошемъ поведеніи“. Характера покойный былъ миролюбиваго, откровеннаго и вполне довольствовался своимъ жалованьемъ. Ему многіе и часто говорили: „отчего вы, о. діаконъ, не ищете священническаго мѣста? ваша служба и образованіе даютъ вамъ на это право. — „Странуся священническаго сана, говорилъ покойный, не ощущаю достаточно силъ достойно понести столь высокій санъ“. Онъ былъ старикъ добрый, живой и энергичный и умеръ отъ случайной болѣзни. Простудившись 19 декабря 1884 года во время совершенія Божественной литургіи, онъ слегъ въ постель, съ которой уже не вставалъ. Предъ смертію онъ былъ напутствованъ таинствами исповѣди, причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ и елеосвященія. Погребеніе его совершали 5 священниковъ и 3 діакона съ причтами города Изюма. Миръ праху твоему и покой душѣ твоей, добрый сослужитель служителей и строителей святыхъ Таинствъ!

Благочинный, Священникъ *Стефанъ Роменскій*.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“
2-го мая 1869 года.

Подписалъ Генераль-Адъютантъ *Тимашевъ*.

Уставъ Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи.

§ 1. Въ С.-Петербургѣ учреждается Общество, имѣющее цѣлію содѣйствовать распространенію въ Россіи Св. Писанія, т. е. книгъ Ветхаго и Новаго Завета, изданныхъ по благословенію Святейшаго Синода, преимущественно же Евангелія и Апостола въ русскомъ переводѣ.

§ 2. Общество составляется изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ.

Дѣйствительными членами считаются: во 1-хъ, учредители Общества и во 2-хъ тѣ, которые избраны будутъ въ сіе званіе по предложенію двухъ дѣйствительныхъ членовъ; избраніе же въ дѣйствительные члены производится на основаніи § 5.

Число дѣйствительныхъ членовъ Общества не должно быть свыше 40.

Членами-сотрудниками могутъ быть лица обоюго пола, всѣхъ состояній и званій, содѣйствующія вообще успѣху Общества—распространеніемъ книгъ Св. Писанія (въ разность или иначе), приеомъ пожертвованій въ пользу Общества, по книжкамъ и въ кружки (§ 8) и т. п. Члены-сотрудники избираются собраніемъ дѣйствительныхъ членовъ, на основаніи § 5.

§ 3. Дѣлами Общества завѣдуютъ: Предсѣдатель собранія, Казначей и Секретарь, избираемые на основаніи § 5, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ, на 3 года; въ помощь къ нимъ, а равно и для замѣны ихъ во время отсутствія или болѣзни, избираются кандидаты. Всѣ сіи лица составляютъ Правленіе Общества. По окончаніи трехлѣтія, избраніе можетъ возобновляться.

Примѣніе: Исходящія бумаги Общества подписываются Предсѣдателемъ и скрѣпляются Секретаремъ.

§ 4. Собранія Общества бываютъ годовыя и временныя. Первые назначаются для выслушанія годоваго отчета Общества и для избранія Предсѣдателя Казначея и Секретаря съ кандидатами къ нимъ; въ послѣднихъ, созываемыхъ, за исключеніемъ канкуллярнаго времени, не менѣе одного раза въ мѣсяць, производятся выборы новыхъ членовъ Общества, свѣдѣтельствуются суммы Общества, выслушиваются отчеты и корреспонденція, обсуждаются разнаго рода мѣры о лучшемъ устройствѣ дѣлъ Общества и проч.

§ 5. Собранія созываются по усмотрѣнію Предсѣдателя или же по заявленію одной трети дѣйствительныхъ членовъ Общества. Дѣла въ нихъ рѣшаются по взаимному согласію присутствовавшихъ членовъ; впрочемъ, если бы въ крайнемъ случаѣ подобнаго рѣшенія не состоялось, то дѣло, по усмотрѣнію Предсѣдателя, можетъ быть рѣшено и по простому большинству голосовъ; въ послѣднемъ случаѣ, при равенствѣ голосовъ, то мнѣніе имѣетъ перевѣсъ, съ которымъ согласенъ Предсѣдатель. Для дѣйствительности же сихъ собраній требуется не менѣе десяти дѣйствительныхъ членовъ Общества, считая въ томъ числѣ и Предсѣдателя.

Члены-сотрудники могутъ быть приглашаемы, для совѣщанія въ собранія Общества, но права голоса не имѣютъ.

§ 6. Суммы Общества расходуются на надобности онаго, по опредѣленію собранія Общества, чрезъ Казначея.

§ 7. Предъ каждымъ годовымъ собраніемъ избираются три члена для повѣрки денежной отчетности Общества за истекшій годъ.

§ 8. Средства Общества состояются изъ взносовъ членовъ онаго и добровольныхъ приношеній постороннихъ благотворителей. Для приѣма пожертвованій всѣмъ вообще членамъ могутъ быть выдаваемы, по опредѣленію собранія, особыя книжки и кружки; первая—со скрѣпою (по листамъ) Предсѣдателя, а вторыя—за печатью Общества. Приношенія принимаются также въ Правленіи Общества.

§ 9. Распространеніе книгъ Св. Писанія (въ разность) возлагается подъ ближайшимъ наблюденіемъ Общества, съ надлежащаго разрѣшенія, на членовъ Общества, по ихъ желанію. Членамъ снѣмъ выдается отъ Общества, за подписью Предсѣдателя, письменное удостовѣреніе въ настоящемъ ихъ званіи. Кроме того, Общество принимаетъ на себя учрежденіе, по мѣрѣ возможности, и съ разрѣшенія духовнаго вѣдомства, небольшихъ книжныхъ складовъ при церквахъ для распространенія Св. Писанія въ народъ чрезъ церковныхъ старостъ или другихъ довѣренныхъ лицъ.

§ 10. Продажа св. книгъ производится по возможно дешевымъ цѣнамъ; людямъ же бѣднымъ, равно какъ и въ больницы, богадѣльни, тюрьмы и проч., могутъ быть доставляемы онѣ по уменьшенной цѣнѣ, или даже безплатно, по усмотрѣнію.

§ 11. Годовые отчеты Общества печатаются въ повременномъ изданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; отчеты сіи, равно какъ и другія свѣдѣнія, относящіяся къ дѣятельности Общества, могутъ быть также печатаемы и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльными брошюрами.

§ 12. Общество имѣетъ свою печать съ изображеніемъ на ней славъ: „*Матв. XXII, 29*“ и надписью вокругъ: „Печать Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“.

Записка для членовъ **В ы с о ч а й ш е** утвержденного Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи *).

(Извлечено изъ постановленій общихъ собраній дѣйствит. членовъ).

1. Согласно § 8 Устава, всѣ члены Общества дѣлаютъ ежегодный взносъ, но размѣръ его предоставленъ доброй волѣ каждаго. Желательно также, чтобы члены брали на себя трудъ, для усиленія средствъ Общества, собиравъ пожертвованія по книжкамъ и въ кружки, согласно § 2 Устава; таковыя книжки и кружки, по заявленному требованію, съ разрѣшенія общаго собранія дѣйствительныхъ членовъ, согласно § 8 Устава, высылаются Правленіемъ Общества срокомъ *на одинъ годъ*.

*) Большая часть означенныхъ здѣсь правилъ можетъ служить руководствомъ и для гг. корреспондентовъ Общества.

2. Деньги, собранныя по сборной книжкѣ, высылаются въ Правленіе Общества; самая же книжка, по истеченіи срока ея, возвращается для повѣрки, послѣ чего она высылается обратно съ обозначеніемъ продолженія срока сбора на слѣдующій годъ, если при ея представленіи прямо не будетъ выражено желанія, чтобы таковая болѣе не присылалась.

3. Кружки выдаются за печатью Общества и въ этомъ видѣ, вмѣстѣ съ деньгами, доставляются въ Правленіе Общества лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ не менѣе одного раза въ годъ. Такъ какъ кружки съ собранными деньгами въ запечатанномъ видѣ пересылать по почтѣ почтовыми правлами не допускается, то при требованіи кружекъ слѣдуетъ объявлять, имѣется-ли возможность доставлять ихъ въ Правленіе лично или чрезъ довѣренное лицо.

4. Каждый членъ Общества можетъ рекомендовать и другихъ хорошо ему известныхъ лицъ въ члены-сотрудники или сотрудницы Общества. Рекомендация дѣлается письменно и при ней прилагается собственное письменное заявленіе рекомендуемаго лица о желаніи его быть членомъ.

5. Независимо отъ того могутъ быть приняты въ члены-сотрудники по непосредственному письменному заявленію о желаніи ихъ вступить въ Общество, сдѣланному въ Правленіи онаго:

а) всѣ священнослужители, б) всѣ, состоящіи на государственной или общественной службѣ (при чемъ отъ лицъ неизвѣстныхъ представляется удостовѣреніе о ихъ личности) и, наконецъ, с) тѣ, которые представляютъ письменную рекомендацію мѣстнаго приходскаго священника съ приложеніемъ церковной печати.

6. Каждый членъ Общества получаетъ даромъ всѣ отчеты и прочія, печатаемая Обществомъ, свѣдѣнія.

7. Слѣдуетъ распространять свѣдѣнія объ Обществѣ, приглашая и другихъ лицъ содѣйствовать распространенію св. книгъ; съ этою цѣлью полезно распространять отчеты и другія, печатаемая о дѣятельности Общества, свѣдѣнія, которыя можно требовать отъ Правленія Общества въ извѣстномъ количествѣ.

8. На основаніи § 1 Устава, Общество распространяетъ только Св. Писаніе, т. е. книги Ветхаго и Новаго Завета синодальнаго изданія.

9. Всѣмъ вообще членамъ Общества, прочимъ-же лицамъ по усмотрѣнію Правленія, отпускаются св. книги на комиссію на сумму не свыше 10 руб.; если разстояніе отъ Петербурга или Москвы не превышаетъ 2,000 верстъ; если-же разстояніе превышаетъ 2,000 верстъ, то на—сумму не свыше 20 руб. Соразмѣрно суммѣ полученныхъ денегъ за проданныя книги, вновь отпускаются св. книги на комиссію съ такимъ расчетомъ, чтобы долгъ одного лица никогда не превышалъ 10 или 20 руб. Особенные случаи, когда Правленіе признаетъ полезнымъ отпустить книгу на комиссію на сумму болѣе значительную,--подлежатъ разрѣшенію общаго собранія дѣйствительныхъ членовъ.

10. Общество отпускаетъ лишь книги *переплетенныя*.

11. Такъ какъ Общество распространяетъ св. книги хотя и одного наименованія, но разныхъ цѣнъ, смотря по переплетамъ, то иногда можетъ

случиться, что много № въ числа потребованныхъ книгъ пѣтъ въ наличности, и потому Общество проситъ, при требованіяхъ, упоминать, дозволяется ли замѣнить недостающіе №№ ближайшими по цѣнамъ, или слѣдуетъ отложить исполненіе заказа до возобновленія въ складѣ недостающаго №.

12. Деньги за отпущенныя на комиссію книги должны быть доставляемы въ Правленіе Общества, по мѣрѣ продажи ихъ, въ возможно скорѣйшее время, ибо только, при выполненіи этого условія, Общество будетъ имѣть возможность своевременно пополнять свой складъ и удовлетворять требованія объ отпускѣ книгъ на комиссію.

13. Если полученныя на комиссію книги въ теченіе десяти мѣсяцевъ со дня полученія ихъ не будутъ проданы, то слѣдуетъ входить въ сношеніе съ Правленіемъ Общества о томъ, что съ ними дѣлать.

14. Книги должны быть продаваемы никакъ *не дороже* назначенныхъ въ счетъ цѣнъ. Условіе сіе не относится до книгопродавцевъ, не состоящихъ членами Общества.

15. При отправкѣ денегъ за книги по счету слѣдуетъ упомянуть № счета

16. Излишне пересланныя въ теченіе года за св. книги деньги, если онѣ не достигаютъ одного рубля и къ концу отчетнаго года въ письмахъ не будетъ указано имъ особаго назначенія, Общество будетъ считать пожертвованными на дѣло распространенія Слова Божія.

17. Пересылку книгъ Общество принимаетъ на свой счетъ, дабы онѣ всюду могли быть продаваемы по одинаковымъ, назначеннымъ въ каталогъ, цѣнамъ; но такъ какъ средства Общества, составляющіяся изъ добровольныхъ пожертвованій, въ настоящее время еще весьма ограничены, то оно будетъ очень благодарно тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, кои, выписывая книги, пожелаютъ принять пересылку ихъ на свой счетъ, въ видѣ пожертвованія въ пользу дѣла распространенія Св. Писанія. Пересылку-же книгъ, выписываемыхъ книгопродавцами, если они не члены-сотрудники, Общество на свой счетъ не принимаетъ.

18. Члены Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи, состоя въ тоже время членами и другихъ Обществъ, распространяющихъ какія-либо книги, и имѣя у себя смѣшанные книжные склады, не могутъ на основаніи § 1 Устава Общества, употреблять названія: „Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи“ въ какой-бы то ни было формѣ: на вывѣскахъ, въ публикаціяхъ, на бланкахъ и т. п.

19. Желательно, чтобы ежегодно, не позже какъ къ 1-му февраля всеми, по возможности, членами, а также и лицами, получающими св. книги на комиссію, присылалась отчеты объ ихъ дѣятельности за истекшій годъ. Въ отчетѣ помѣщается:

а) Какія именно изъ числа полученныхъ св. книгъ на комиссію остались къ концу истекшаго года не проданными.

б) Наблюденія при распространеніи Св. Писанія: 1) какими способами и въ какомъ преимущественно словѣи распространялись св. книги; 2) какія лица тому содѣйствовали; 3) особенно замѣчательные случаи, какіе

могли встрѣтиться, напримѣръ: выраженіе сильной радости приобретающаго св. книгу, влияніе чтенія Евангелія и т. п.

в) Всѣ замѣчанія, заявленія, какія найдено будетъ нужнымъ сдѣлать.

20. Для лучшаго распространенія св. книгъ полезно: 1) держать ихъ на видномъ мѣстѣ и предлагать посѣтителемъ; 2) выходя изъ дома, брать съ собою одинъ или два экземпляра, чтобы предложить ихъ при случаѣ; 3) предлагая Новый Заветъ простолюдину, иногда нужно пояснить ему, какая это книга, при чемъ можно дать ему прочесть нѣсколько строкъ.

21. По правилу Общества книги продаются дешево, но *продаются*, такъ какъ приобретенная на собственные средства книга больше цѣнится и уважается.

22. Въ больницы, богадѣльни, тюрьмы можно дарить, на счетъ Общества, небольшое количество св. книгъ для чтенія, но не прежде, какъ удостовѣрившись, что въ томъ или другомъ изъ означенныхъ заведеній есть благонадежное лицо, которое взяло бы на себя трудъ позаботиться не только о цѣлости книгъ, но и о томъ, чтобы заключенные, призываемые или больные дѣйствительно пользовались ими. Предварительно такого пожертвованія, собравъ необходимыя свѣдѣнія, слѣдуетъ спестись съ Правленіемъ Общества.

23. Уступки на книги Общество никакою не дѣлаетъ, такъ какъ цѣны на нихъ назначены самыя крайнія.

КАТАЛОГЪ СВ. КНИГЪ,

имѣющихся въ складахъ Высочайше утвержденнаго Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи.

Съ указателемъ церковныхъ чтеній на весь дни года.

Русскіе.	Новые Заветы.	Ц. въ перепл.
Въ 32 д. л., въ темномъ коленкорѣ, съ золот. крестомъ	—	р. 30 к.
„ „ „ „ „ свѣтл. кол., съ зол. кр., въ фут., съ Псалт.	—	„ 45 „
„ 16 „ „ „ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ . .	—	„ 60 „
„ „ „ „ „ тисн. кол., съ зол. кр., въ фут. съ Псалт.	—	„ 90 „
„ 8 „ „ „ крас. печ., Москв. изд. въ кол., съ золотымъ крестомъ, съ Псалтирю	1	„ 25 „
Славянско-русскіе.		
Въ 24 д. л., въ корешкѣ, съ золотымъ крестомъ . .	—	„ 80 „
„ 16 „ „ въ темн. кожѣ, съ золот. крест. въ футл.	1	„ 70 „
Русскія.		
4-ро Евангелія.		
Въ 32 д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ . .	—	„ 15 „
„ 16 „ „ „ „ „ „ „ „ . .	—	„ 30 „
Славянско-русскія.		
Въ 16 д. л. въ коленкорѣ съ золотымъ крестомъ . .	—	„ 60 „

Безъ указателя.

Новые завѣты.

Въ 8 д. л., русскіе, крупн. печ., Моск. изд., въ клеенкѣ	—	»	80	»
» 16 » » славянскіе, въ клеенкѣ	—	»	55	»

4-ро Евангелія.

Въ 32 д. л., русскія, въ коленкорѣ ,	—	»	12	»
» 16 д. л., » » »	—	»	25	»
» » » » славянско-русскія, въ клеенкѣ	—	»	50	»

Библия.

(т. е. св. книги Ветхаго и Новаго Завѣта вмѣстѣ).

На русск. яз., въ 8 д. л., въ тисненой шагреновой кожѣ	3	»	50	»
Тоже, въ золот. обрѣз., въ футляр., на веленовой бумагѣ	6	»	—	»
На славянск. языкѣ въ 8 д. л. въ тиснен. шагрен. кожѣ	3	»	70	»

Псалтири.

Въ 16 д. л., русскія, въ тисненомъ коленкорѣ	—	»	30	»
» » » » славянскіе, въ тисненомъ коленкорѣ	—	»	30	»

Евангелія, брошюр., русскія въ 32-ю д. л., каждого Евангелиста отдѣльно — » 2 »

Евангелія, брошюр. въ 16-ю д. л., на славянско-русскомъ языкѣ, читаемыя во Святый и Великій Пятокъ на утрени — » 15 »

Пожертвованія въ пользу Общества принимаются въ Правленіи онаго: въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, близъ Кадетской линіи, въ Волховскомъ переулкѣ д. № 3, кв. № 5 и въ Москвѣ, на старой Васманной ул., д. Пантелеева, близъ ц. Никиты мученика, гдѣ для сего имѣются соборная книжка и кружка, а равно и по соборнымъ книжкамъ членовъ.

Отчеты Общества высылаются Правленіемъ безвозмездно, по первому требованію.

Гд. иногородные съ требованіями св. книгъ благоволятъ адресоваться въ Правленіе Общества.

Тиражъ выигрышей билетовъ 1-го внутренняго 5% займа, произведеннаго 2 января 1885 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе № №:

№ серіи.	№ билет.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билет.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билет.	Выг-рышъ.	№ серіи.	№ билет.	Выг-рышъ.
16394	32	200000	4143	46	8000	8813(?)	22	1000	15247	11	1000
2385	8	75000	14572	1	8000	9043	42	1000	16463	25	1000
7145	9	40000	11406	33	5000	14970	6	1000	19919	37	1000
2810	8	25000	18062	7	5000	8492(?)	29	1000	12617	20	1000
16574	4	10000	6846	32	5000	15959	8	1000	898	45	1000
18037	19	10000	12362	50	5000	4823	2	1000	18263	46	1000
13634	21	10000	14420	22	5000	6657	32	1000	19918	36	1000
8326	16	8000	1256	24	5000	19862	42	1000	2456	2	1000
3213	35	8000	13510	27	5000	15367	31	1000	11942	15	1000
13811	2	8000	4607	15	5000	533(?)	37	1000	6891	41	1000

Выигрыши въ пятьсотъ рублей намъ на слѣдующіе билеты:

№№ серій	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
2483	1	3783	8	9720	14	18525	19	19764	25	1809	31	4428	36	2088	44
3503	1	7974	8	12552	14	2557	20	1210	26	6312	31	8248	36	13511	44
16737	1	8488	8	12879	14	6445	20	3599	26	10054	31	11045	36	15182	44
19954	1	15394	8	16423	14	10209	20	6550	26	10871	31	12806	36	8419	45
5143	2	16737	8	3054	15	13706	20	11232	26	12263	31	16365	36	8965	45
11151	2	19877	8	7642	15	16999	20	12278	26	12793	31	17600	36	12242	45
11931	2	6245	9	11220	15	17432	20	12919	26	16165	31	18403	36	16835	45
12434	2	14390	10	11248	15	18217	20	14211	26	16849	31	1214	37	17218	45
15238	2	16863	10	11291	15	10145	21	15018	26	17447	31	5873	37	18519	45
15375	2	398	11	599	16	19690	21	1102	27	910	32	6797	37	3458	46
16694	2	1741	11	1035	16	843	22	6684	27	3324	32	6598	38	4089	46
14236	3	2758	11	3065	16	2975	22	8697	27	18815	32	9882	38	8170	46
317	4	8598	11	4222	16	5118	22	19341	27	19174	32	10670	38	9530	46
14864	4	11369	11	6000	16	5296	22	19458	27	8066	33	4656	39	12818	46
1623	5	11514	11	7959	16	6662	22	1482	28	8420	33	6875	39	12859	46
3656	5	13004	11	9668	16	12876	22	2829	28	8393	33	13188	39	5400	47
4460	5	14824	11	10545	16	13014	22	4493	28	9501	33	1908	40	7069	47
5496	5	2985	12	11437	16	13280	22	8505	28	14151	33	1981	40	8190	47
12679	5	15469	12	12309	16	14572	22	9385	28	1692	34	3995	40	17304	47
15853	5	18250	12	12548	16	16507	22	10121	28	17744	34	5780	40	18843	47
16591	5	19004	12	14993	16	19029	22	15549	28	2390	35	11119	40	19915	47
19939	5	2003	13	17054	16	1951	23	17559	28	3675	35	11762	40	1453	48
1730	6	2659	13	981	17	8354	23	2738	29	6830	35	15087	40	11861	48
4316	6	2895	13	6933	17	9221	23	809	30	7806	35	15806	40	14926	48
10423	6	16397	13	10907	17	15225	23	1225	30	10589	35	18149	40	2234	49
11609	6	256	14	14602	17	16026	23	4498	30	11829	35	3542	41	3801	49
12964	6	900	14	19998	17	12087	24	6637	30	12062	35	2070	42	4014	49
19662	6	2124	14	10583	18	17440	24	11956	30	18553	35	5552	42	8563	49
2369	7	4807	14	1698	19	5104	25	13022	30	1235	36	16114	42	4390	50
2883	7	6652	14	4871	19	7529	25	15549	30	1964	36	2985	43	10281	50
6380	7	6946	14	9363	19	7683	25	17373	30	2043	36	6411	43	12163	50
18193	7	7850	14	11331	19	10162	25	1796	31	4118	36	13608	43	17637	50
2806	8	8638	14	17817	19	10196	25								

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С-Петербургѣ, съ 1 апрѣля 1885 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

160	3148	4572	7734	8788	12163	14225	15591	16514	18561
558	3188	4585	7772	8974	12196	14353	15657	16833	19224
846	3216	5482	7858	9946	12464	14579	15992	16885	19314
1074	3466	5907	8318	10068	13421	14625	16118	17071	19761
1104	3736	5912	8534	11332	13510	14843	16153	17391	19825
1247	3996	5947	8715	11412	13652	14939	16287	17484	
1995	4098	6232	8732	11880	13914	15050	16471	18277	
2887	4411	7639	8773	12052	13926	15385	16498	18517	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1 апрѣля 1885 года въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

О ПОДПИСКѢ

НА

БРАТСКОЕ СЛОВО

ВЪ 1885 ГОДУ.

„Братское Слово“ — журналъ, посвященный изученію раскола, будетъ выходить какъ и прежде, книжками (отъ 3½ до 4 печати. листовъ каждая) два раза въ мѣсяць (1-го и 15-го числа), за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ (Іюня и Іюля). 10 №№ или книжекъ (1—10; 11—20) составляютъ томъ изданія, объемомъ отъ 35 до 40 печати. листовъ, съ однимъ общимъ счетомъ страницъ; два такихъ тома (отъ 75 до 80 печати. лист.) составляютъ полное годовое изданіе журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „Братскаго Слова“ за полный годъ, или за 20 книжекъ, составляющихъ два тома, 5 р. безъ пересылки, 6 р. съ пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ Братства св. Петра митр. (въ Кремлѣ, подъ Ивановской колокольней) и въ книжныхъ магазинахъ: въ Москвѣ у А. П. Феранютова, на Никольской ул. и А. Д. Васильева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ у Н. М. Тузова, Большая Садовая, № 16; иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Редакцію: *въ Сергіевъ Посадъ, Московской губ., Профессору Духовной Академіи Ник. Ив. Субботину.*

Въ указанныхъ мѣстахъ можно также получать „Братское Слово“ за 1881 г. ц. безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р. и за 1884 годъ ц. безъ пересылки 5 р., съ пересылкой 6 р.

Для подписчиковъ 1885 года, желающихъ получить журналъ за 1883 и 1884 гг. назначается уменьшенная цѣна: за 1883 годъ 1 р. 50 коп. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкой, а за 1884 годъ 3 р. 50 к. безъ пересылки и 4 р. съ пересылкой. За полученіемъ журнала по уменьшенной цѣнѣ должно обращаться *исключительно* въ редакцію и въ братскую книжную лавку.

Редакторъ Н. Субботинъ.

О ПОДПИСКѢ НА ГАЗЕТУ

⇒ 1885 года ⇒

„РУСЬ“⁶⁶

⇒ 1885 года ⇒

Рѣшаемся возвратиться къ первоначальной ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ формѣ нашего изданія, признавая ее болѣе удобною для періодическаго органа печати по обстоятельствамъ настоящаго времени. Программа наша остается, разумѣется, прежняя. Постараемся лишь установить правильные срочные обзоры вышней и внутренней политики, общественной жизни, литературы, и вообще, по возможности, разнообразить содержаніе „Руси“.

Цѣна и условія подписки остаются прежнія, а именно:

Въ Россіи, съ доставкою и пересылкою: за годъ 8 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., За границей: за годъ 11 р., за полгода 6 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи (Гранатный пер. д. князя Урусова), въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ и Н. П. Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, фирмы М. О. Вольфа на Петровкѣ наследниковъ Салаева на Мясницкой и А. Васильева на Страстномъ бульварѣ. Въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ на Невскомъ проспектѣ, а также у другихъ пѣвѣстныхъ книгопродавцевъ.

Редакторъ-Издатель И. Аксаковъ.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАВАЕМАЯ ПРИ „ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМЪ ВѢСТНИКѢ“.

Программа: Извѣстія о Государь Императоръ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства. Законы и распоряженія высшаго Правительства, какъ относящіяся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія. Разныя извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ въ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ, о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; о заведеніяхъ, открываемыхъ для народнои пользы; о мастерствахъ и ремеслахъ; объ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народнои промышленности: о повальныхъ болѣзняхъ, пожарахъ и другихъ несчастіяхъ. Наставленія и указанія относительно сохраненія здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту, и т. и. Объявленія (съ платою со строки мелкой печати 15 коп.).

„Сельскій Вѣстникъ“ раздается бесплатно во всѣ волостныя правленія.

Для постороннихъ подписчиковъ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1885-й годъ:

Для городскихъ въ Петербургѣ 1 р. и за доставку на домъ 1 р. Для иногородныхъ 1 р. и за пересылку 60 к. А лица, желающія получать „Сельскій Вѣстникъ“ чрезъ волостныя правленія, платятъ за весь годъ съ почтовою пересылкою 1 р. Такимъ подписчикамъ газета будетъ высылаться изъ редакціи на ихъ имя прямо въ волостныя правленія.

Подписка принимается въ копторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“, въ С.-Петербургѣ.

Почтенный авторъ „Анти-Энциклики“ проситъ насъ извѣстить читающую публику, что написанный имъ въ защиту ея „ОТВѢТЪ“, за истребованіемъ его Св. Синодомъ въ количествѣ всѣхъ находившихся у него на лицо экземпляровъ, *въ продажѣ болѣе не находится*, впредь до могущаго быть втораго изданія, а остается къ услугамъ благочестивой публики одна „Анти-Энциклика“, которая, и сама по себѣ можетъ быть довольно сильнымъ оружіемъ для отраженія напѣрающаго католицизма.

Рекомендуемое сочиненіе можно получить:

Въ ХАРЬКОВѢ— въ „Складѣ“ у проф. П. В. Платонова (Черноглазовская ул. собственный домъ, № 4), — въ книжной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря и въ книжныхъ магазинахъ братьевъ А. П. и П. П. Куколевскихъ.

Въ МОСКВѢ— въ книжныхъ магазинахъ: *Ферапонтова*, на Никольской и *Глазунова* на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ ПЕТЕРБУРГѢ— въ книжномъ магазинѣ Игн. Л. Тузова, на Большой Садовой, домъ Коровина, № 16 и въ помещеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, площадь Александровскаго театра, д. № 7.

Въ ПЕВѢ— у П. Я. Оглоблина, на Крещатикѣ.

Цѣна за экземпляръ 1 р. съ уступкою книгопродавцамъ 30% и съ пересылкою на счетъ „Склада“ или „Слав. Общества“, изъ которыхъ по той-же цѣнѣ и на тѣхъ же условіяхъ можно получать и болгарскій переводъ „Анти-Энциклики“ г. П. Драганова.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.